

Б.А. СЕМЕНОВКЕР

революция информационной
деятельности

Рукописная информация. Часть 2

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Б.А. Семеновкер

**ЭВОЛЮЦИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

РУКОПИСНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

ЧАСТЬ 2

Москва
Издательство
«ПАШКОВ ДОМ»
2011

Б.А. Семеновкер

АРХИВЫ

•

БИБЛИОТЕКИ

•

МУЗЕИ

УДК 069(091)
ББК 78.33(0)3+79.03(0)3
С 30

Семеновкер Б. А.

С 30 Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Часть 2 / Б. А. Семеновкер ; Российская гос. б-ка. — М. : Пашков дом, 2011. — 336 с. — ISBN 978-5-7510-0504-7

Агентство СІР РГБ

Издание продолжает знакомить читателей с научным исследованием известного ученого в области книжного дела и библиографии Б.А. Семеновкера «Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация». Вторая часть посвящена развитию основных информационных институтов — архивов, библиотек и музеев — до изобретения книгопечатания. Первоначально эти институты составляли единое целое, но затем разделились. Автор рассматривает вопросы их возникновения, появления различных видов, необходимых технологических процессов, использования и персонала.

Книга предназначена для специалистов по всем видам информационной деятельности, а также для широкого круга читателей, которых интересует развитие человечества.

УДК 069(091)
ББК 78.33(0)3+79.03(0)3

ISBN 978-5-7510-0504-7

© Семеновкер Б.А., 2011
© Покатов В.В., художественное оформление, 2011
© Российская государственная библиотека, издательство «Пашков дом», 2011

ВВЕДЕНИЕ

Вторая часть «Рукописной информации» посвящена архивам, библиотекам и музеям — институтам, для которых до настоящего времени информационная деятельность в ее разных проявлениях остается основой существования. Первоначально эти институты (организационная триада первичной информационной деятельности) составляли единое целое, но затем естественно разделились из-за различий в своем составе и технологии. Архивы включали документы о деятельности человека, общества и государства, или, по выражению южно-африканского историка информационной деятельности Х.Ж. Влешаувера (300, с. 24), документы «действия» и «решения», библиотеки — материалы творческой деятельности литературного, научного или художественного содержания (документы «мысли»), а музеи — разнообразные материальные объекты жизнедеятельности человека и природы.

Тем не менее каждый из институтов сохранял в своем составе элементы двух других. Архивные фонды включают книги и материальные объекты, в структуру которых входят библиотеки и выставочные залы, поскольку документы, особенно исторические, могут представлять музейную ценность. Аналогично библиотеки имеют архивы и музейную часть нередко с постоянной экспозицией и выставочным залом, а музейные коллекции обычно включают документы и книги, не говоря об архивах и подсобных библиотеках.

Основные функции архивов, библиотек и музеев — собирание, обработка, хранение и передача информации. Каждый из институтов имеет в этом плане свои особенно-

сти и дополняет другие. Их деятельность зависит от времени, страны, носителей информации, способов письма, характера хозяйственной и творческой деятельности и других показателей. В целом они являются важнейшей частью информационного обеспечения общества.

Отличие архивов, библиотек и музеев друг от друга объясняется также особенностями их возникновения и развития. Архив появляется и растет естественно, как результат деятельности канцелярии, хозяйства или отдельной личности. Пополнение библиотек и тем более музеев постепенно становится осознанным и превращается в то, что называется комплектованием. Как выразился немецкий историк архивного дела А. Бреннеке, архивы растут, а библиотеки собирают (34, с. 35). Первоначально библиотеки появились в составе архивов в связи с возникновением потребности иметь под рукой тексты, предназначенные не для ежедневного или эпизодического, а для длительного и постоянного использования. В отличие от архивов библиотеки и музеи в большей степени нацелены на передачу информации, в том числе в образовательных целях.

Даже сегодня вопрос о разграничении функций архивов и библиотек не является однозначным и постоянно рассматривается в научной литературе. Достаточно назвать статью Т.В. Майстрович, опубликованную в журнале «Библиотековедение» в 2000 г. (97а). В древности и средние века архивы и библиотеки представляли собой один институт, особенно в монастырях. Объяснялось это прежде всего тем, что до появления книгопечатания оба института занимались только рукописями, и современные представления о книгах и документах для того времени являются анахронизмом (36, с. 125). На это обращал внимание также В.В. Бартольд в применении к архивам древнего и мусульманского Востока (3, с. 350). Н.В. Бржостовская считает, что древние храмовые и дворцовые хранилища можно условно обозначить как архивы-библиотеки (4, с. 6).

В ранних европейских музеях библиотеки считались частью коллекции. В XVI в. в Болонье возникли два частных музея Улиссе Альдрованди и Антонио Гиганти. Оба собирателя считали свои богатые библиотеки единым целым с музеями (323, с. 17). В Швейцарии в Бадене инвентарь коллекции Василиуса Амербаха включал значительную библиотеку (323, с. 63). Наконец, художественная коллекция электора Августа в Дрездене имела в своем составе знаменитую в то время библиотеку (323, с. 69). В 1594 г. Френсис Бэкон считал собирание библиотеки и кабинета редкостей двумя взаимосвязанными задачами (323, с. 1).

В заключение необходимо отметить, что научная литература, особенно по истории библиотек, в том числе рукописного периода, достаточно обширна. Поэтому список литературы в настоящей работе, предметом которой является эволюция, а не история информационной деятельности, включает наиболее значительные труды, существенные для изучения эволюционного процесса. Наконец, нередко в многочисленных работах повторяются одни и те же сведения. Многие из них переходят из одной исторической работы в другую и постепенно стали «общим знанием». В качестве особенно очевидного примера можно привести информацию об Александрийской библиотеке. Такие сведения могут приводиться без ссылок, если первичный источник не удалось установить.

АРХИВЫ

ГЛАВА 1

Прошлое архивов

История архивов

В 1968 г. Международный архивный конгресс принял следующую резолюцию по докладу Леопольдо Сандри «История архивов» (53): «Конгресс выражает пожелание, чтобы Международный совет архивов всеми возможными средствами, которые имеются в его распоряжении, проявлял интерес к истории архивов, поощрял и поддерживал исследования в этой отрасли деятельности». Напоминание о недостаточном интересе архивистов к собственной истории поместил в начале своей монографии об архивах древнего мира один из крупнейших историков архивного дела в древнем мире и средние века Эрнст Познер. Его книга была опубликована в 1972 г. (50, с. 1). О том же в 1958 г. писал историк архивов древней Месопотамии Йоханнес Паприц, обративший особое внимание на то, что в библиотечном мире изучению древней истории уделяют гораздо больше внимания (48, с. 11). В 2003 г. Оксфордский университет издал сборник «Древние архивы и архивные традиции», основанием для составления которого послужило отсутствие обобщающих эволюционных работ по архивному делу древнего мира (30, с. 1—2). Положительным фактором последнего времени является появление сайтов в Интернете, посвященных истории архивов в древнем мире и средние века. Некоторые из них были использованы в настоящей работе.

Трудности изучения древних архивов объясняются также тем, что в основном они не сохранились. Исключением являются архивы древней Месопотамии и некоторых других культур, в том числе крито-микенской, которые использовали глиняные таблички в качестве носителей письма (4, с. 27). То же самое, с некоторыми исключениями отно-

сится к средневековому исламскому миру. Как пишет Э. Познер, об этих архивах можно говорить лишь предположительно, как об архивах, которые должны были бы существовать, но которые не дошли материально до современных исследователей. С другой стороны, он отмечает, что архивы средневековой Европы были изучены лучше благодаря раннему развитию европейской дипломатики и ее методов анализа архивных документов (51, с. 292—293).

Понятие «архив»

ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» дает следующее определение понятия «архив»: «Архив (ндп. архивохранилище). Организация или ее структурное подразделение, осуществляющая прием и хранение архивных документов с целью использования» (ГОСТ, п. 77). В целом это определение представляет архив как сложившийся институт со своей организацией и технологическими приемами. Однако это представляет собой современный конечный результат эволюции, а не ее начало. Как отмечает Э. Познер, современный архив является результатом развития лишь за последние двести лет (50, с. 4).

Изучение различных точек зрения на понятие «архив», прежде всего в применении к его эволюции в древний и средневековый периоды, позволяет установить следующие признаки, присущие институту, который считался архивом:

- собрание различных документов (30, с. 10; 31, с. 18), упорядоченных или без какого-либо упорядочения (50, с. 5);
- выделенное место или помещение для этого собрания (30, с. 10);
- документы в собрании могли быть произведены или получены для осуществления какой-либо деятельности (31, с. 18);
- производителями или получателями документов, которые образовали архив, могли быть общественные

институты (канцелярии и регистратуры) или частные лица (31, с. 18; 34, с. 32; 56, с. 235, примеч. 8);

- архивы были частью административной, правовой или экономической деятельности (56, с. 218);
- архив — это память института (в том числе государственного) или лица, который его произвел; архив предназначен для длительного хранения (34, с. 32).

Характерно постепенное расширение содержания понятия «архив». Прежде всего это имеет отношение к движению архива от собрания документов канцелярии или регистратуры до исторического архива, который является основой для научной и творческой работы. В конечном счете с учетом материала, возникшего после начала книгопечатания, отечественный историк архивов И.Л. Маяковский дал следующее определение содержанию архива: «Архив содержит в себе исторические первоисточники, существующие как в виде неразмноженного письменного материала (включая и всякого рода графический материал), так и в виде оригиналов размноженного, затем рукописные копии и, наконец, печатные материалы, если последние являются составным материалом первоисточников» (15, с. 55).

Необходимо также иметь в виду, что в древности под понятием «архив» понимали скорее его помещение, чем содержание (30, с. 8—9). Это отразилось, например, в том, что при Юстиниане новелла 74 определяет архив как «место, где хранятся священные сосуды» (42, с. 5).

Наименования архивов

В древнем мире для обозначения архива использовали несколько выражений. В городе Ур периода III династии Ура для обозначения главной храмовой канцелярии и архива использовали выражение *Dub-lal-mah*. Шумерское *dub-lal* значило «носитель табличек» — глиняные полки, на которых хранились корзинки с документами (8, с. 49). Более пространственными выражениями в шумерском языке были

é-dub-ba и в аккадском *bit tuppim*, что обозначало «дом табличек». Они использовались не только в значении «архив», но также «склад», «контора» и «школа» (8, с. 27).

В вавилонских текстах I тысячелетия довольно часто в значении «архив» (возможно также «канцелярия») употребляется выражение *bit šatāri* («дом писания»). В одном письме селевкидского времени в значении «архив» используется слово «*mukinnu*» («свидетель»). Согласно тексту «расписка на коже» была возвращена «в архив царя» — *ina tu-kin-nu šarri* (8, с. 28—29). В древнем Египте архив в Амарне именовался «место корреспонденции фараона» (160, с. 94).

Происхождение современного термина «архив» — греческое. Греческое *archeion* и от него латинское *archivum* в древности сохраняли также свое исконное значение «административное помещение или здание и его документы» (34, с. 109; 183, с. 39—40). Кроме того, для обозначения архивов греки использовали следующие слова: *grammatophylakion*, *grammateion*, *chartophylakion* и др. Особый интерес представляет использование в значении «архив» слова *bibliotheca*. В Риме для обозначения архива предпочитали слово *tabularium*, т. е. место (здание) для размещения публичного архива (34, с. 109; 50, с. 92—93; 53, с. 107).

В средневековой Европе слово «архив» употреблялось вначале как обозначение присутственного места и лишь затем места официального и безопасного хранения документов. Этот термин вошел в «Этимологию» Исидора Севильского (VI в.) и встречается в королевских грамотах раннего средневековья, обычно в форме «архив священного дворца» (*archivum sacri palatii*). Чаше, как наследие поздней Римской империи, употребляли другие термины: «скриний» (*scrinium*) — вначале также сундук или ларь, а позднее — шкаф; «армарий» (*armarium*) — вначале также сундук или ларь, а позднее — шкаф; хартарий (*chartarium*) — хранилище грамот; «сокровищница» (*thesaurus*) и др. (4, с. 123—124). Эти термины употреблялись в том числе для обозначения архива римских пап с V—VI вв. Только с 1475 г. архив (сохранение деловых правительственных бумаг) был отделен от

библиотеки. За архивом упрочивается название *biblioteca secreta*, за библиотекой — *biblioteca publica* (9, с. 102—103; 28, с. 21—22; 42, с. 5—6).

Важным элементом делопроизводства стали регистры с записями исходящих документов, а совокупность регистров и отдельных документов, хранящихся при канцелярии, часто назывались «регистратура». В Германии и скандинавских странах этот термин часто употреблялся вместо слова «архив». Слово «архив» получило распространение только с XVII в. (4, с. 140—141, 204; 35, с. 153). То же относится к Польше (37, с. 75). В Англии латинское слово *archiva* (средний род, множ. число) было употреблено в конце XI в. (36, с. 128). В Кремоне (Италия) архив коммуны назывался «шкаф» — *armarium* (2, с. 32).

На Руси царский архив имел название «хранила царские». Кроме того, для его обозначения использовалось слово «казна», которое имело тогда несколько значений (27, с. 5, 84—88). Слово «казна» обозначало «архив» или скорее помещение, где размещался архив (16, с. 44—45). Архив Пскова назывался «ларь».

Возникновение архивов и архивной деятельности

Возникновение архивов является индикатором перехода от устной (бесписьменной) памяти и культуры к письменной. Их содержание составили письменные тексты в отличие от различных приемов запоминания и сохранения информации в дописьменную эпоху (см. 117, Бесписьменное общество, а также 183, с. 40). С появлением письменности стало возможным фиксировать текущую информацию в легко доступной визуальной форме различных документов, а при определенном количестве документов неизбежно возникают архивы (36, с. 49).

Переход от устной памяти к письменной происходил постепенно. Этому процессу и возникновению архивов способствовало также развитие грамотности. В Англии,

например, при решении имущественных и хозяйственных споров до XIII в. больше полагались, за исключением королевского двора и крупных монастырей, на память старейшин. Лишь в начале XIII в. появление официальных архивов ознаменовало окончание устной традиции. О развитии грамотности и документации свидетельствует и количество писем, которые сохранились в папском и королевских архивах. За 150 лет до 1200 г. оно резко увеличилось. При этом лидировал папский архив (36, с. 2—5 и график на с. 44).

Главным стимулом для появления архивов является хозяйственная деятельность. Хозяйственные архивы были первичными, поскольку материальные интересы всегда были и остаются важным двигателем истории. Крестьяне — те, кто работает на земле, — основа развития цивилизации. Документы об учете их труда стали первыми письменными документами, а собрание этих документов — первыми архивами. Раскопки в древней Месопотамии показали, что первой фазой развития архивов были склады (8, с. 47—48; 56, с. 220).

Возникновение архивов везде также связано с появлением государства и его хозяйственной деятельности. Хозяйственный архив эволюционировал в архив управления и канцелярии. Вслед за началом государственности возникают письменное делопроизводство и хранилища документов. Рост государства, в том числе территориальный, вел к увеличению количества документов, их разнообразию и необходимости систематического хранения. Государственный характер архивной деятельности подтверждается и тем, что наибольшее значение архивы получили в трех основных цивилизациях с развитой бюрократией: Ближний Восток и Средиземноморье с влиянием Римского гражданского права, Китай и арабы (46, с. 1—2).

Возникновение архивов связано и с усилением межгосударственных отношений. Достаточно указать на египетский архив в Амарне. В древнем Китае периода Вёсен и Осеней интенсивные межгосударственные отношения

привели к появлению большого количества дипломатических документов. «Цзо чжуань», важный исторический источник этого времени, за 20 лет между 722 и 703 гг. до н. э. отмечает 50 конференций, 40 военных операций, 35 государственных визитов и миссий, 16 договоров и много других дипломатических мероприятий. Их результатом, безусловно, были многочисленные документы, прежде всего договоры и дипломатическая переписка. Необходимость архивного хранения этой документации самоочевидна (54, с. 6)..

Таким образом, возникновение архивов связано прежде всего с хозяйственными и политическими интересами. Все монархии с самого начала создавали собственные архивы. С другой стороны, архивы были необходимы и для религиозных институтов, в том числе по тем же хозяйственным соображениям. Архивы правителей и храмов — первичные информационные ячейки, поскольку письменность как новое техническое средство коммуникации использовалась и была под контролем сначала правящей группы и лишь затем распространилась в обществе. Дворцы и храмы древнего Востока первыми создали свои архивы.

Отличие древней Греции и Рима от культур древнего Востока заключается в том, что в Греции развитие архивов в республиканских городах-государствах связано с демократией, т. е. с желанием граждан контролировать руководителей государства. Поэтому такие архивы имеют не хозяйственный, а правовой характер. Они возникали как публичные институты в отличие от дворцовых архивов древнего Востока, которые обязаны своим появлением частным целям правителя (30, с. 5, 338—339).

Частные архивы древности возникли тогда, когда народ научился заключать письменные договоры. Прямое влияние на образование частных архивов оказывала степень развития товарно-денежных отношений и необходимость распоряжения крупными материальными ценностями (4, с. 89; 55, с. 99).

Древнейшие архивы возникли в Месопотамии в первой половине III тысячелетия до н. э. Затем они распространились в Египет, Микенскую Грецию, Малую Азию и Персидскую империю вплоть до эпохи эллинизма и Селевкидов (4, с. 44; 30, с. 1, 4). В Китае, несомненно, существование архивов относится к концу периода Чжоу (4, с. 79). В древней Греции материал для письма (папирус и деревянные доски) не способствовал сохранению документов. Поэтому существование архивов до VII в. до н. э. можно лишь предполагать на основании систем управления полисов, которые требовали создания и хранения документов (4, с. 27, 29—30; 50, с. 92).

Раннехристианские церковные архивы появились в связи с созданием органов церковной администрации, которая формировалась по образцу императорской, по патриаршества и епархиям (4, с. 64—65). Появление архивов было обусловлено практической необходимостью найти нужный документ для использования, а не для каких-либо исторических целей (36, с. 129).

Возникновение и ранний период существования Ватиканского архива римских пап рассмотрен в книге О.А. Добиаш-Рожественской, изданной в 1923 г. Легенда, сохранившаяся в *Liber Pontificalis*, говорит об основании архива в III в. («папа потребовал у нотариусов деяния мучеников и положил их на хранение в церкви»). Если даже эта легенда верна, архив вряд ли пережил гонения Диоклетиана. Несомненные показания о папском архиве начинаются вскоре после смерти Константина Великого и относятся к понтификату Дамаза (366—384). Сохранилась стихотворная надпись Дамаза на церкви св. Лаврентия IV в. (за стенами Рима), в которой сказано: «Я решил воздвигнуть новое здание для архива». О существовании архива имеются сведения в переписке бл. Иеронима в V в. В VI в. папы все чаще ссылаются на свой архив, и, наконец, он появляется несомненно в понтификат Григория Великого (9, с. 102—103).

Для средневековой Европы характерно появление регистратур с регистрационными книгами в хронологическом

порядке. Регистрация папских и королевских актов началась в конце XII в. Людовик IX Святой в XIII в. превратил письменную традицию и канцелярский обиход с последующим архивным хранением документов в одну из главных основ королевской власти. Ж. Ле Гофф назвал его королем официальных документов (11, с. 244). В XII в. возникли также городские архивы. Во Франции в Тулузе, например, известна точная дата возникновения архива — февраль 1205 г., когда были созданы картулярии для сохранения документов города (37, с. 23, 55). Со второй половины XVI в. в Европе появились государственные архивы.

С точки зрения истории возникновения архивов представляют интерес законодательные меры по их созданию и регулярной поддержке. Это касалось в первую очередь провинциальных и городских архивов. Так, в VI в. император Юстиниан установил их необходимость в виде закона (39, с. 12). В средневековой Германии требования о создании архивов для хранения документов о правах города включались в городские уставы. Старейшими из них были уставы Берлина и Кёльна, которые датируются 1307 г. (37, с. 19).

Для понимания того, как возникали архивы, важно также установить, когда появилась архивная деятельность, поскольку для выполнения своей функции в системе управления архив должен быть организован и доступен для использования. Иными словами, кроме собраний документов, должны были возникнуть технические приемы работы с ними. В древности управления архивами, как в современном мире, еще не существовало, но постепенно выработались технологические приемы. Они будут объектами изучения в нескольких главах настоящей работы.

Виды архивов

Изучение архивов в древности и средние века позволяет разделить их прежде всего на светские архивы и архивы ре-

лигиозных институтов (храмовые, церковные). В первой категории основные виды — архивы правителей (дворцовые) и частные. При этом необходимо иметь в виду, что архивы правителей по сути дела — разновидность частных. В государственной сфере архивы правителей могли превращаться в коронные или государственные архивы с их подразделениями на ведомственные, региональные (провинциальные) и местные (городские и сельские). В этой рубрике необходимо отметить архивы городов-государств древней Греции, которые были государственными архивами с охватом всего государства. Постепенно, прежде всего в средние века, появляются специализированные архивы: архивы нотариусов, судебные, архивы гильдий, цехов и учебных заведений, особенно университетов.

Архивы религиозных институтов можно разделить на храмовые архивы древнего мира, затем на архивы церквей и соборов в христианском мире и мечетей в мусульманском, а также монастырские архивы различных конфессий. Особо выделяются архивы глав церквей, прежде всего архивы римских пап и православных патриархов, и архивы отдельных иерархов церкви.

Нельзя не отметить и то, что можно условно назвать псевдоархивами. Это выражается в закреплении текстов документов на камне и бронзе, а также их представление в виде сборников.

Наконец, с различных точек зрения архивы можно разделить на активные и пассивные, текущие и ретроспективные, а с археологической точки зрения — живые, мертвые и молчащие. Под «молчащими» имеются в виду архивы древней Месопотамии, которые из-за непрофессиональных раскопок и обработки в XIX в. были распылены между коллекциями и коллекционерами и потому не могут дать информацию о своем исходном состоянии. Только начиная с архива в Эбле стали вести тщательный учет табличек по месту их нахождения при раскопках (30, с. 264).

ГЛАВА 2

Светские архивы

Архивы правителей

Все правители государств с самого начала цивилизации в разных странах и частях света имели архивы, которые были необходимой частью политического и хозяйственного управления. В Китае, с его древней письменной цивилизацией, архивы, по всей вероятности, существовали как в столице чжоуского вана (царя), так и в столицах других его древних государств. В период Чуньцю («Вёсны и Осени», VIII—V вв. до н. э.) постоянно проводились совещания чжухоу (князей), после чего участники получали тексты соглашений, которые они хранили в своих архивах. Там их иногда находили археологи (5, т. 2, с. 371, 492; 54, с. 5).

Древнейший царский архив Месопотамии был найден в Эбле на периферии клинописной культуры в районе Сирии. Это царство зависело от Мари, посылало ей дань и было уничтожено в 2350 г. до н. э. В Эбле были открыты царский архив в тронном зале и несколько профильных хозяйственных архивов в канцеляриях дворца (30, с. 17—19). Время расцвета клинописной регистратуры относится к 2700—1700 гг. до н. э. К этому периоду относятся архивы в царских дворцах или рядом с ними в Мари и Угарите (8, с. 48; 30, с. 19; 48, с. 26—27). Архив наместника Хаммурапи в Ларсе (XVIII в. до н. э.) дает основание считать, что в его дворце была канцелярия и несколько архивов (4, с. 11). В хеттском царском дворце в Хаттусасе были собраны документы почти за 150 лет (8, с. 48; 254, с. 52, 55). В Ассирии библиотека Ашшурбанапала имела архивный отдел (4, с. 14—15; 96, с. 185—186).

В крито-микенской Греции самый крупный архивный комплекс был обнаружен в Пилосе — дворец Нестора (30, с. 156—158, рис. 8.1, 8.4). Все царские архивы этого времени предположительно хранили вместе с казной, и они име-

ли хозяйственное внеторговое содержание (4, с. 27; 30, с. 139).

В эллинистический период известно о существовании походного архива Александра Македонского. Как считают исследователи, уже при дворе его отца Филиппа II была хорошо организованная канцелярия. Александр Македонский унаследовал этот институт и внес в него новые элементы, в том числе в виде походного архива, необходимого ему для ведения непрерывных войн и управления завоеванными странами. В этот архив входили подённые записи, которые не дошли до нашего времени, но которые широко использовали античные историки, поскольку по своему характеру они были прекрасными историческими источниками.

О канцеляриях и архивах последующих эллинистических монархий можно судить на основании так называемого архива Зенона. Зенон был ближайшим помощником Аполлония, который, в свою очередь, был соратником египетского царя Птолемея II Филadelph. Аполлоний руководил всей экономической жизнью Египта. Поэтому Зенон придавал большое значение правильному ведению и хранению документации (4, с. 38—40).

Сведения об архивах Рима царского периода отсутствуют, но известно, что со времени установления республики уже практиковалось составление письменных документов, и по аналогии с другими ранними государствами примерно того же типа они сосредоточивались в храмах (4, с. 41).

В средневековой Европе до Карла Великого короли постоянно находились в военных походах и передвижениях по своим владениям. За ними следовали их канцелярии и архивы. Возник даже термин «странствующие архивы» (*archiva viatoria*). У самого Карла при его канцелярии так и не возникло постоянного архива. Предположительно некоторые условия для существования такого архива появились в последние годы правления императора, когда Аахен стал его постоянным местопребыванием (4, с. 125; 34, с. 117).

Одним из самых ранних по времени образования и наиболее известных королевских архивов была «Сокровищни-

ца хартий» королей Франции, созданная в начале XII в. До этого документы французских королей хранились во дворце и передвигались вместе с королем в его походах. Однажды это привело к катастрофе. Во время битвы при Фретевале 5 июля 1194 г. архив попал в руки англичан, и его дальнейшая судьба неизвестна. Король Филипп-Август был очень огорчен потерей архива, в особенности кадастровых и налоговых документов, и распорядился разыскать их копии, что и удалось частично сделать благодаря материалам, которые сохранились в основном в церковно-монастырских архивах. Так было положено начало новому королевскому архиву, который был помещен сначала в королевском дворце в Париже, а затем в церкви Сен-Шапель. Название «Сокровищница хартий» появилось позднее. Оно встречается с XIV в. и дало название всему периоду королевских архивов до XVI в. (4, с. 144—145; 39, с. 16; 43, с. 295).

В XII в. известен архив Королевства обеих Сицилий. Канцелярия Фридриха II Гогенштауфена отличалась высокой культурой делопроизводства в связи с влиянием трех культурных традиций — итальянской, византийской и арабской (4, с. 146; 34, с. 117—119).

В Испании известия об архиве королевства Арагон прослеживаются с 1180 г. Четыре королевства, в XII—XIII вв. объединенные в составе Арагона, сохраняли значительную автономию и имели собственные коронные архивы. Архивы Кастилии были сосредоточены в замке Симанкас только в XVI в. В Португалии стабильный королевский архив, известный как «Торре дель Томбо», возник в конце XIV—начале XV в. (4, с. 146—147; 38, с. 200; 44, с. 89, 91, 119).

Для средневековой Германии характерны династические архивы мелких князей. Когда род вымирал, архив переходил к тому, кто был правопреемником (34, с. 134—135). В качестве примера можно привести архивы правящих домов земли Рейнланд-Пфальц (41). Архивы германских династий были подобны в миниатюре коронным архивам крупных государств. Первое место в них занимали документы о праве на землю и власть. Ввиду небольшого размера ди-

настические архивы дольше, чем в крупных государствах, сохраняли связь с канцелярией (4, с. 150—151).

В Северной Европе важнейшее значение имели королевские архивы Дании. С конца XIII в. они хранились в различных королевских замках. Дольше всех до конца XVI в. существовал архив в Каллундборге. Он размещался в отдельно стоящей башне, в которой, кроме документов, находились казна и королевские драгоценности. После 1440 г. возник архив и в Копенгагене, ставшем с этого года столицей государства. После Кальмарской унии 1498 г. в датских королевских архивах откладывались также документы по управлению Швецией и Норвегией (4, с. 151; 45, с. 238—239).

Королевским архивам Швеции не повезло. Сведения о них восходят ко второй половине XII в. Однако затем архивные материалы были частично вывезены из страны. Некоторые из этих документов сохранились в датском королевском архиве в Копенгагене. Вновь возникшие архивы погибли при пожарах 1525 и 1697 гг. (35, с. 153—154).

Коронные архивы возникли также в Польше и Венгрии. Коронный архив в Кракове появился в XV в. как собрание важнейших подлинных документов династического и дипломатического характера. Кроме коронного архива, в Кракове были Коронная метрика с регистрами королевской канцелярии и архив казны (Скарба) с документами по финансовым вопросам. В Венгрии первые сведения о хранении документов в королевской казне относятся к XII в. Архив находился в ведении казначея, но затем разошелся по частным архивам магнатских семей, представители которых были наместниками короля (4, с. 151—152).

На Руси царский архив возник из великокняжеского, который к середине XV в. пополнился документами небольших удельных княжеств, окружавших Москву, а к концу столетия включил документы из архивов Рязани, Твери и Великого Новгорода. Судьба архива Великого Новгорода после его присоединения к Москве является спорной. В дальнейшем царский архив пополнялся документами ди-

настического характера и материалами текущего правительственного делопроизводства (4, с. 152; 6, с. 7—9; 27, с. 5).

Архивы правителей можно разделить на три основные категории: главный (коронный), личный (приближенный) и передвижной. Коронный архив возник из двух частей: архива наиболее ценных документов в казне и архива-регистрации при канцелярии. Отделение архива от канцелярии произошло на достаточно позднем этапе. Например, в Баварии правящая ветвь династии из рода Виттельсбахов имела свой придворный архив с 1253 г. В 1595 г. архив грамот отделяется от делопроизводственного, а в 1799 г. к этим двум архивам присоединяется третий — государственный архив, который объединяет и грамоты, и акты делопроизводства (4, с. 142—143; 10, с. 337—338).

Правитель мог иметь также свой личный архив, отделенный от канцелярии. Как правило, он носил временный оперативный характер. На Руси его называли «постельной казной». Документы поступали в постельную казну на время и затем возвращались в главный царский архив (27, с. 126—148). Аналогичные личные архивы были и у других правителей, например у китайских императоров и турецких султанов (4, с. 83—87, 209—210).

Передвижные или дорожные архивы правителей известны с древности. Ранее были упомянуты архивы Александра Македонского. Дорожные архивы были также у римских императоров. В средние века казну с архивом обычно возили вместе с королем в походах и при передвижениях по стране. Это, естественно, приводило к утрате документов. История сохранила много примеров таких кочующих архивов в странах Европы и Востока. Так, архив императоров династии Великих Моголов в Индии всегда должен был находиться при особе императора, в том числе во время военных походов. Его перевозили на слонах и верблюдах (4, с. 208—209). Во Франции кочующий архив прекратил существование в 1194 г., когда его как военную добычу захватили англичане в битве при Фретевале (11, с. 246).

Постепенно архивы правителей превращаются в государственные, усиливается их политическое значение. В XVII в. в Европе появляется представление о публичности государственных архивов, которые до этого были коронными и обслуживали только правителя и его двор (39, с. 21).

Государственные архивы

Государственные архивы в отличие от архивов правителей возникли в древности в греческих демократических городах-государствах. Насколько архив монархии являлся частным архивом, который принадлежал и обслуживал правителя, настолько архив города-государства был коллективным архивом, который принадлежал и обслуживал всех граждан этого государства. В Афинах не позднее конца IV в. до н. э. возник достаточно хорошо организованный публичный архив Метроон. Имеется известие о том, что в середине II в. до н. э. в нем был найден документ, депонированный 160 лет назад. Архив был живым: в него не только помещали, но и находили здесь нужные документы в нужное время (30, с. 328—329).

Основное отличие этого архива от архивов правителей древнего Востока заключалось в том, что Метроон был порождением демократии и одним из средств соблюдения прав граждан. Восточные архивы были индивидуальными архивами царей, греческие — коллективными и правовыми (48, с. 38—39). Другим отличием греческих архивов от месопотамских являлось то, что они предназначались не только для государственных, но и для частных документов: завещаний, долговых обязательств, документов об освобождении рабов и произведений известных авторов. Например, известно, что Эпикур поместил свое завещание в Метрооне, о чем сообщает Диоген Лаэртский (79, с. 410, X 16). В Метрооне хранились государственные экземпляры трагедий Эсхила, Софокла и Эврипида (30, с. 329—333; 50, с. 93—99).

Архивы Римской республики длительное время находились в храмах, и их хранителями были жрецы. Так, документы внешней политики, т. е. договоры Рима с соседями, хранились у фециалов — жрецов, выполнявших важные функции в ритуалах и составлении письменных документов, связанных с международными отношениями. Документы государственного культа находились в руках коллегии высших жрецов — понтификов. Особое место занимало в древнем Риме хранилище «Сивиллиных книг» — рукописей греческого происхождения, которые считались пророческими и содержащими предсказания судеб Рима. В архиве фециалов, который сосредоточился в храме богини Фидес на Капитолии, к началу новой эры находилось более 3000 договоров и других документов. В 83 г. н. э. во время большого пожара на Капитолии храм и хранящийся в нем архив сгорели (4, с. 41, 43—44).

Постепенно функции государственного архива принял на себя архив Сената, который первоначально помещался при храме Сатурна. Этот архив назывался Эрарий Сатурна, или римского народа, и помещался вместе с государственной казной. Собственно само слово «*aerarium*» означает одновременно «казначейство» и «архив». Эрарий по своему характеру был подобен афинскому Метроону. В него помещали законы, постановления Сената и решения плебисцитов. Официальные лица и губернаторы провинций сдавали архивный материал в Эрарий. В 78 г. до н. э. государственный архив получил собственное здание и стал называться Табулярий (4, с. 46—48; 30, с. 110—112; 50, с. 165—166).

Название «Табулярий» происходит от слова «табула» — дощечка для письма (4, с. 49). Роль Табулярия заключалась в сохранении закона и правовых норм. При императорах она стала заметно снижаться из-за уменьшения власти Сената, но всё же Табулярий сохранял свою функцию сенатского архива до середины III в. н. э. (4, с. 57; 48, с. 37—39; 50, с. 190—191).

В средневековой Европе в основном доминировали архивы правителей, но, как было отмечено ранее, в некоторых странах они стали эволюционировать и превращаться в ко-

ронные или государственные. Таким было положение в Англии, Франции и Испании. В Англии уже в XII — начале XIII в. возник центральный королевский архив (36, с. 48—51). Во Франции «Сокровищница хартий» стала превращаться в память королевства (43, с. 340—341), а архив Испании в Симанкас, основанный в 1545 г., по степени концентрации материалов государственного аппарата некоторые специалисты называли «Центральным государственным архивом» (4, с. 190). В Австрии Максимилиан I стремился создать в Инсбруке центральный архив, где были бы сосредоточены документы и регистры. Это не удалось, но все-таки архив был приведен в порядок и получил как надежное помещение старый тирольский архив «Метрика», который включал регистры изготовленных и скрепленных документов (17, с. 116—119).

Наконец, на Руси государственные архивы были в вечевых республиках — Новгороде Великом и Пскове. В Пскове он назывался Ларь св. Троицы. Оба архива не сохранились до нашего времени. Имеются различные мнения об их судьбах. Наиболее вероятная версия — то, что после присоединения к Москве они были просто заброшены за ненадобностью. Свидетелем этого являются свинцовые вислые печати, которые были обнаружены в ходе археологических раскопок Городищенского холма в Новгороде и Довмонтова городища рядом с Кремлем в Пскове (6, с. 7—9).

Ведомственные архивы

Ведомственные архивы являются естественным следствием разделения работы правительственных канцелярий по отраслям деятельности (4, с. 88—89). Есть основания считать, что единого царского архива в государствах древнего Востока скорее всего не существовало, а хранение документов осуществлялось при тех службах и лицах, которые ведали отдельными вопросами государственного и дворцового управления.

Так, на территории государства Угарит, в районе арабского поселения Рас-Шамра на территории Восточного Средиземноморья были открыты дворцовые архивы, которые относятся к середине II тысячелетия до н. э. Архивы (всего их найдено четыре) находились в разных частях дворца и были связаны с разными дворцовыми службами и канцеляриями. Документы в них хранились в основном по отраслям их деятельности (4, с. 32—33; 48, с. 32). Несколько архивных хранилищ с различным содержанием было обнаружено также в развалинах столицы государства хеттов — в Хаттусасе (4, с. 13). В одной из ассирийских столиц — Калахе (около г. Нимруд) были найдены архивы, которые относятся к XII и VIII вв. до н. э. Они находились в разных помещениях царского дворца и в других зданиях и были связаны с деятельностью различных ведомств и должностных лиц (4, с. 15; 50, с. 38—59).

В древнем Египте знаменитый архив в Амарне содержал дипломатическую переписку на глиняных табличках и принадлежал канцелярии службы иностранных дел. Ф. Милькау на основании фаянсового книжного ярлыка считал этот ведомственный архив библиотекой (19, с. 287; 254, с. 9—10, 14).

Демократическая система греческих полисов способствовала созданию архивов в разных магистратурах. В Афинах даже после возникновения Метроона некоторые ведомственные архивы сохранялись. Так, по-видимому, самостоятельным хранилищем был архив финансовой документации, который хранился вместе с казной в тыльной части Парфенона. Представляет также интерес архив афинской кавалерии IV—III вв. до н. э. (4, с. 36—37; 39, с. 10; 52).

В древнем Риме, кроме центральных архивов Эрария и затем Табулярия, существовали отдельные архивы должностных лиц и сословий. Важное значение имел, к примеру, архив цензоров, где накапливались документы, связанные с деятельностью этих должностных лиц. Плебеи создали свой архив в храме Цереры в ходе борьбы за расширение собственных прав. Э. Познер высказал предположение, что после закона Гортензия (286 г. до н. э.) этот архив вошел в

состав Эрария, так как с этого времени в управлении Эрарией стали принимать участие эдилы, в чьем ведении находился плебейский архив (4, с. 48—49; 34, с. 111; 50, с. 169).

При императорах бюрократический аппарат значительно увеличился, особенно в эпоху домината. Реформы Диоклетиана привели его в определенную централизованную иерархическую систему. Об архивном деле этого времени дошло мало сведений, но существует много косвенных данных, они свидетельствуют о ведомственной раздробленности архивов (4, с. 58—60). В Византии документы хранились по ведомствам и канцеляриям, которые с ними работали (4, с. 105—114).

В средневековой Европе рядом с королевской канцелярией вырастали новые учреждения, в первую очередь финансовые и судебные. Вначале они передавали свои документы в коронные архивы, но затем стали оставлять у себя. В результате возникали ведомственные архивы, которые функционировали параллельно с королевским (4, с. 143—144; 39, с. 19—20).

Ведомственные архивы во Франции возникли в XIII в. В 1254 г. были учреждены акты Парижского парламента. С этого времени его архив хранил книги с записью текстов всех королевских указов. Счетная палата держала у себя основные материалы по цензу и государственному бюджету, а ведомство коннетабля — по военно-административным вопросам (4, с. 146; 11, с. 248).

В Англии достаточно рано финансовые документы стали передавать в сокровищницу Палаты шахматной доски (the Exchequer) — главного финансового учреждения, которое существовало отдельно от канцелярии короля (10, с. 12). В XVI в. от Палаты шахматной доски отделилось Казначейство и создало собственный ведомственный архив. Но архив Палаты шахматной доски продолжал существовать с измененными функциями, удержав у себя старые документы Казначейства. В это же время при Государственном секретариате был создан ведомственный Архив государственных бумаг (State Paper Office), в котором были сосредоточены

основные документы по внешней и внутренней политике (4, с. 187—189).

Многочисленные ведомственные архивы существовали и в государствах Ближнего и Дальнего Востока. В Турции, кроме канцелярии султана и дворцовых архивов, документы по отдельным отраслям управления сосредоточивались в ведомственных архивах. Самые крупные из них принадлежали ведомству финансов, кадастра (материалы о землевладении) и флота (включало также материалы по управлению заморскими владениями — Египтом, Алжиром и Тунисом). В Китае основой управления была хорошо отлаженная бюрократическая система. В период Тан государственный аппарат состоял из 6 основных приказов и 24 управлений. Кроме того, существовали еще особая тайная (дворцовая) палата и 9 особых управлений, а также полицейское управление и пять инспекций. Все эти учреждения имели собственные ведомственные архивы (4, с. 210—212).

На Руси в XVI в. возникли такие правительственные учреждения, как Казенный двор, Разрядный приказ, Поместный приказ, Посольский приказ, Челобитный приказ и др. Все они имели свои архивы — «казны». Параллельно существовал царский архив, откуда в ведомственные архивы передавались документы и который сам получал документы из этих учреждений (12, с. 55, 64—67; 17, с. 92—98; 27, с. 78).

Архивы провинций

В этой рубрике рассматриваются архивы крупных территориальных подразделений: провинции, наместничества, номы в Египте и т. п. В древней Месопотамии они создавались у царских наместников, управлявших отдельными территориями. В этих архивах важное место занимали распоряжения, полученные от правителя, и другие служебные документы, в основном экономические (4, с. 4—5; 48, с. 28). До нашего времени дошел архив Уммы, второй по значению

провинции III династии Ура (ок. 2112—2004 гг. до н. э.). Архив охватывает документы местного губернатора приблизительно за 38 лет (с 32-го года правления Шульги до 3-го года правления Ибисина). Аналогичный архив губернатора новоассирийского времени (от середины IX до последней четверти VIII в. до н. э.) был найден в Нимруде (30, с. 37—55, 209—212).

В Китае местные архивы существовали во всех уездных управлениях. Остатки одного из них были найдены на Западе современного автономного района Внутренней Монголии. Этот архив состоял из 10 тыс. бамбуковых пластинок и датируется 102 г. до н. э.—31 г. н. э. Он включал подворные списки, приказы и распоряжения, донесения высшему начальству и другие документы местного управления (4, с. 87).

Устройство провинциальных архивов в древнем Риме было уточнено реформами Августа и его преемников. На уровне провинции существовало два типа архивов: местные «императорские архивы» («табулярии цезаря») и архивы местных наместников. Первые имели финансовое назначение (управление императорскими имениями, сбор налогов, переписи населения), вторые сохраняли документы управления и суда. Известно, например, что Калигула использовал материалы переписей населения в табуляриях Галлии для того, чтобы отбирать людей для предания смерти с целью наследовать их владения. Кроме того, существовали архивы провинциальных собраний (советов). После реформ Диоклетиана количество архивов местной администрации возросло (4, с. 54—55, 62—63; 34, с. 112; 50, с. 199—200).

В средневековой Европе первоначально возникла тенденция к централизации архивов. Затем возникли ведомственные архивы, но управление требовало также создания местных архивов. Во Франции, например, появились архивы местных парламентов и счетных палат, которые довольно хорошо сохранились. В Англии некоторые важнейшие государственные бумаги, имевшие отношение ко всему королевству, передавались в каждое графство и хранились у

местных должностных лиц. Прецедент для создания местных архивов и назначения комиссаров для наблюдения за их сохранностью возник в 1194 г. в связи с необходимостью сберегать долговые обязательства, которые иногда уничтожались во время восстаний и еврейских погромов (4, с. 146; 36, с. 136—137).

В великом княжестве Литовском из-за особенностей развития этого государства в архивном деле наблюдалось сочетание единого центрального архива Метрики и созданных по ее образцу многочисленных архивов на местах. Это объяснялось тем, что литовские князья в отличие от московских не произвели такого изъятия документов в захваченных землях и те сохранили собственное управление и архивы (17, с. 113—114). В Московском государстве вследствие увеличения его размера в несколько раз в конце XV—начале XVI в. даже центральных ведомств («избы» и «приказы») и их архивов оказалось недостаточно для управления, и поэтому стали возникать их территориальные ответвления — «приказы» и «четверти» (6, с. 10). Иван IV ввел сначала губное, а затем земское самоуправление. В результате возникли архивы губных и земских изб, которые лишь частично сохранились в некоторых воеводских архивах. Так, в Российском государственном архиве древних актов в архиве Муромского воеводы были найдены следы переписки Муромской губной избы с Разбойным приказом (17, с. 100—101).

Городские и сельские архивы

Архивы муниципий в древнем Риме продолжали свою деятельность после присоединения к центральному государству в качестве органов самоуправления с выполнением сложных фискальных обязанностей. Они назывались «муниципальные (или городские) табулярии» — *tabularia municipalia* или *civitatis* (4, с. 55). В Византии римская традиция сохранялась. Органы городс-

кого самоуправления (курии) имели свои архивы, которые в основном сводились к хранению фискальных и судебных документов (4, с. 114).

В средневековой Европе городские архивы продолжали быть архивами органов городского самоуправления. Раньше всех самоуправляющиеся коммуны появились в Италии как наследие римско-византийских традиций. На XII—XIII вв. приходится подъем коммунального движения во Франции. Характерно, что даже в 1775 г. здесь насчитывалось 855 «коммун». В Англии на протяжении XII—XV вв. на основании королевских хартий ряд городов получил права «самоуправляющихся корпораций» (*incorporated boroughs*). В тот же период растет число вольных городов Германии, Прибалтики, Польши и Венгрии.

Первые известия о европейских городских архивах относятся к IX в. Так, девятым веком датируется архив Венеции. Архив Флоренции был основан в X в., в остальных городах Италии — в основном в XII в. Затем городские архивы, следуя волне городского самоуправления, распространились по всей Европе. Их возникновение было связано с необходимостью охраны прав города. Поэтому архив мог возникнуть одновременно с городом. Так, например, был основан архив города Эвара в Португалии в 1166 г. (37, с. 73—74).

Значение, которое придавалось городскому архиву, можно проиллюстрировать тем, что в 1496 г. архив Ниццы был конфискован сеньором города после подавления восстания. Архив пребывал вне города в течение двух лет (4, с. 152—157; 37, с. 23, 48—49).

Городские архивы подобно общегосударственным сочетали в себе главный архив, как правило, находившийся в ратуше, и архивы различных городских служб и комиссий, т. е. ведомственные архивы отдельных канцелярий по роду их деятельности (34, с. 130—132; 37, с. 15, 75).

В некоторых сельских общинах также создавались архивы подобные городским. В основном они включали документы об имуществе и привилегиях (34, с. 131, примеч. 80).

Специализированные архивы в основном возникали в городах. Это прежде всего архивы нотариата, которые получили особое значение в Европе начиная с XIV в. (39, с. 18). В Италии публичный нотариат стал развиваться уже в XII в. С конца этого столетия он распространился на юге Франции и был признан королевскими и сеньориальными властями. Важно, что нотариии имели университетское образование. В их архивах основное место принадлежало так называемым «минутам» — записям (чаще в форме регистров) текстов составленных или предъявленных документов. Они имели силу подлинного юридического акта и поэтому сохранялись в архивах. Архивы умерших или оставивших должность нотариусов передавались преемникам. Поэтому многие нотариальные архивы существовали несколько столетий. Самый старый регистр «минут» 1248 г. сохранился в Марселе (4, с. 162—164).

Документы итальянского города Кремоны сохранили около 70 имен кремонских нотариев XIII—XIV вв. Каждый из них был обязан сохранять для себя и оставлять последующим представителям его профессии следы своих работ в виде имбревиатур — кратких записей содержания составленных им и скрепленных его подписью и знаком актов. Эти записи заносились в особые «книги» или «тетради имбревиатур», на основании которых впоследствии повторялись или возобновлялись документы. В кремонских статутах обычны статьи именно об обязанностях нотариев в отношении имбревиатур и об их архивах (2, с. 30—32).

Развитие ремесла и торговли привело к появлению в средневековых городах архивов гильдий и цехов. В них хранились списки членов корпораций, их уставы и решения, документы о приеме новых членов, финансах, церемониях и т. п. (4, с. 161).

Определенную роль в сохранении документов играли госпитальные архивы (больницы, богадельни, страннопри-

имные дома и т. п.). При госпитальных учреждениях архивы создавались в первую очередь с целью финансового контроля за их деятельностью. Лучше всего эти архивы сохранились в Италии и Франции (4, с. 169—170).

Наконец, специализированные архивы появились в университетах. В них хранились списки и дела профессоров, матрикулы студентов, протоколы заседаний и решения совета, бухгалтерские книги, счета и квитанции, переписка и другие материалы, связанные с деятельностью университета (4, с. 164). Характерно, что с XII в. в университетах стали обучать искусству составления документов и работе с ними (183, с. 40). Как было показано выше, нотариусы должны были иметь университетское образование.

Частные архивы

Ранее при анализе архивов правителей было отмечено, что они являются разновидностью частных архивов. В применении к древнему Востоку, и особенно к Месопотамии, от которой сохранилось значительное количество документов и архивных собраний, это достаточно обоснованно. С другой стороны, как в архивах правителей, в большой мере имевших официальный характер (что в конечном счете выразилось в их превращении в государственные), так и в архивах других лиц, которые мы условно будем считать частными, находились и официальные или государственные, и сугубо личные документы. Поэтому различие между официальными и частными архивами можно провести не столько по их содержанию, сколько по принадлежности. Более того, каждый архив для его определения в качестве официального или частного необходимо рассматривать индивидуально. На это обратили внимание специалисты по архивам древней Месопотамии на семинаре «Древние архивы и архивные традиции», материалы которого были опубликованы издательством Оксфордского университета в 2003 г. (30, с. 11—12, 198, 222—226).

М. Вейтемейер определяет дату древнейшего частного архива древней Месопотамии в Шуруппаке — ок. 2500 г. до н. э. (57, с. 18). Первоначально частных архивов было мало, но со второго тысячелетия до н. э. они стали достаточно многочисленными (240, с. 22, 31 примеч. 22). От эпохи Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.) сохранились остатки частных хозяйственных архивов земледельцев и купцов. Интерес представляют архивы купцов города Каниша (Канеса), обнаруженные на территории современной Турции (в Кюль-Тепе). Эти купцы составляли компанию, которая занималась международной торговлей. Архивы охватывали деятельность трех поколений и включали частную и официальную переписку, отчеты торговых караванов и правовые документы (4, с. 12; 30, с. 78—87).

В Дере (Сиппар-Амнанум) был найден семейный архив жрецов, который относится к середине XVII в. до н. э. Архив включал семейные имущественные и храмовые документы (30, с. 59—61). Из Ашшура до нашего времени дошли частные архивы XIV—XIII вв. до н. э. Они включали хозяйственные и заёмные документы, документы о покупках, дарениях и усыновлении, а также завещания (49, с. 89—107). К IX—VII вв. относятся несколько дошедших до нас частных архивов из Ашшура. Их описание дано во второй части монографии О. Педерсена «Архивы и библиотеки в городе Ашшур» (49) и затем подвергнуто анализу в одной из работ оксфордского семинара (30, с. 212—228).

Наиболее известными являются архивы торгово-ростовщических домов Эгиби (Вавилон) и Мурашу (Ниппур). Архив фирмы Мурашу и сыновья относится к 455—403 гг. до н. э. Документы фирмы Эгиби и сын доходят до времени персидского царя династии Ахеменидов Дария I (4, с. 16—17; 48, с. 36—37; 50, с. 49).

В древней Греции частные архивы получили достаточное распространение. Известны архивы афинских банкиров. Банкиры, которые назывались трапезиты (от слова «трапеза» — стол, прилавок), не только сохраняли документы, отражавшие их деловые отношения с клиентами, но и

брали частные документы на хранение. Возможно, по этой причине в Метрооне в течение длительного времени не принимали на хранение документы частных лиц (50, с. 116).

Частные семейные архивы, содержащие в том числе официальные документы, возникали в древнем Риме у различных магистратов. Влиятельные люди могли в течение жизни занимать много разных должностей, и к концу жизни у них скапливалось большое количество документов, которые образовывали домашние архивы. У таких знатных семей, как Сципионы, они перерастали в семейные архивы. Частные хозяйственные архивы возникали не только у римской знати, но также у банкиров, ростовщиков, откупщиков, владельцев кораблей и ремесленных мастерских. Так, в Помпеях был найден архив банкира Цецилия Юконда, жившего в I в. н. э. (4, с. 53—54; 34, с. 110; 39, с. 12).

В Египте сохранились частные архивы эллинистического и римского периодов. Они могли принадлежать различным лицам, вплоть до проституток (50, с. 155—159). В Уре сохранился архив семейства парикмахеров, который относится к концу персидского и началу македонского периода. Архив был найден в частном доме и содержал документы, относимые к сельскохозяйственной деятельности семьи и к получению других доходов (30, с. 286).

В Византии количество частных архивов было велико, но о них сохранилось мало конкретных сведений. Известен архив одного из крупных арендаторов императорских имений — Апиона. Личные архивы византийского времени сохранились и на территории Египта. Там найдены архивы богатых собственников. Один из самых значительных — архив Авиннея относится к середине IV в. Он включал переписку, завещания, договоры об имущественных сделках и финансовые отчеты (4, с. 119).

Для ранней средневековой Европы характерно развитие сеньориальных архивов. Они возникли в связи с необходимостью сохранять документы, подтверждающие права на владение. Со временем эти архивы могли поглощаться королевским из-за поглощения сеньорий королевским поме-

ном (4, с. 121—126; 39, с. 14, 17). Как и в древности, частные архивы, содержащие официальные документы, возникали у лиц, которые занимали те или иные должности (39, с. 12—20).

Появляются также частные архивы богатых горожан — торговцев, банкиров, судовладельцев, представителей деловой верхушки. Основой этих архивов были документы, закрепляющие права на разного рода собственность и различные операции с ней, а также деловые книги. Так, крупнейшая средневековая банкирская фирма Фуггеров имела ряд архивов в разных городах, где находились ее конторы. Сохранность частных архивов зависела от судьбы предприятий, семей и частных лиц (4, с. 161—162; 39, с. 17—20).

На Руси достоверные сведения о частных архивах относятся к XV—XVII вв. В основном они были связаны с землевладением. В них бывали собраны грамоты за 100—200 лет. Известны случаи, когда в составе частных архивов сохранялись документы XV в. Вотчинные архивы крупных землевладельцев порой оказывались значительными. Так, до наших дней дошло огромное собрание документов из вотчинного архива известного политического деятеля боярина Б.И. Морозова. Как и в других странах, в архивах должностных лиц находились не только личные, но и официальные документы. При конфискации имущества у опального князя В.В. Голицына в 1689 г., например, в его московском доме было обнаружено несколько ящиков «полковых дел» 1675—1689 гг. Частные архивы военнослуживого класса, как и в других странах, отличались неустойчивостью из-за их конфискации, отчуждения и гибели родов, в том числе в период опричнины.

Известны также частные архивы старомосковского купечества, например, архив «именитых людей» Строгановых и «торговых людей» Калмыковых. Документы накапливались и в семьях зажиточных черносошных крестьян, свободно распоряжавшихся землей, и у приказных людей, к примеру, у карачевского подьячего М. Кузмина (1670—ок. 1705 гг.) (6, с. 7, 24—26; 17, с. 110—112).

В заключение этой главы целесообразно рассмотреть совокупности документов, которые не являются архивами, но тем не менее представляют собой или собрания документов, или своего рода их заменители. В древности, ранние и средние века такими заменителями были документы на прочных материалах, выставленные напоказ для всеобщего сведения и для сохранения. К этой категории относятся архивные стелы и стены в древней Греции, т. е. происходила монументализация документов как форма архивного хранения (30, с. 332—337).

О.А. Добиаш-Рождественская приводит несколько примеров монументализации документов в Европе. Это особенно характерно для IX—XII вв., когда архив очень часто подвергался опасности пожара и разграбления. Например, в г. Блуа во Франции трое входных ворот несли на своих бронзовых створках договор графа Этьена и его супруги с горожанами, которые обязались обнести стеной замок и за это получили в собственную пользу винный сбор (до 1102 г.). В конце XI в. аббат монастыря Монтекассино в Италии Деизидерий велел вырезать на бронзовых дверях обители перечень ее имущества, а буквы заполнить серебром (9, с. 14).

В Индии тексты большинства дошедших до нас документов высечены либо на каменных плитах и колоннах, либо на металлических пластинах. К той же категории относятся известные на скальных эдикты царя Ашоки, датируемые III в. до н. э. Документы на недолговечных письменных материалах, как правило, не сохранялись в связи с жарким и влажным климатом страны, не говоря о стихийных бедствиях и социальных потрясениях (4, с. 73).

В Китае периода Шан-Инь сохранялись архивы гадательных надписей на костях и черепаших панцирях. Надписи имеют отношение к различным сторонам жизни семи из десяти позднешанских правителей — ванов (примерно с середины XIII в. до н. э. до начала XII в. до н. э. и от середины XII в. до н. э. до середины или последней чет-

верти XI в. до н. э.). Эти собрания гадательных костей считаются прообразом последующих архивов, которые играли важную роль в китайской государственной жизни (20, кн. 2, с. 82—83).

В древней Греции своеобразной формой антиархивов являются свалки остраконов после голосования об изгнании (30, с. 327).

Наконец, антиархивом можно считать и еврейскую генизу, т. е. склад изношенных книг со священными текстами, а также ненужных документов и писем. Гениза обычно была временным местом хранения, откуда материал периодически изымался и торжественно сжигался. Исключением является Каирская гениза, которая в значительной мере сохранилась (51, с. 311—313).

ГЛАВА 3

Архивы храмов, церковных институтов и деятелей

Храмы древнего мира

Храмовые архивы древней Месопотамии были столь же древними, как и архивы правителей. В Шумере скорее именно храмы были основными местами хранения документов, потому что они были наиболее укрепленными и безопасными пунктами в городах, центрами административной и хозяйственной деятельности правящей верхушки. Наибольшее количество сохранившихся документов относится к сельскохозяйственным и другим работам и учету полученных и расходуемых продуктов. Тем не менее в шумерских храмовых архивах уже были правовые, религиозные и школьные тексты. Сходство в содержании древнейших архивов храмов и правителей объясняется государственным характером жречества, единством интересов жрецов и правителей, так как правитель государства обычно был первосвященником, а жрецы — его ближайшими соратниками.

К III тысячелетию до н. э. относится архив маленького храма в Джемдет-Наср, к XXIV в. до н. э. — храмовый архив в Лагаше. Храмовые архивы Шумера были также в Шуруппаке, Умме, Уре, Ларсе, Кише и других городах (4, с. 5—8; 50, с. 44—46; 205, с. 24).

Аккадский период представлен архивами древней Вавилонии (с XVIII в. до н. э.), в которых прослеживаются традиции письменной культуры, делопроизводства и хранения документов шумеров. Старейшим храмовым архивом этого периода является архив храма, посвященного богу Шамашу в Сиппаре. Храмовый архив в Угарите, который относится к середине II тысячелетия до н. э., принадлежал храму бога Ваала. Сохранились также материалы ассирийских храмовых архивов. В Ашшуре, кроме царского архива, были обнаружены остатки архива местного храма. От нововавилонского периода (VII—VI вв. до н. э.) до нашего времени дошли архивы храма Эанна в Уруке и храма Эбаббарра в Сиппаре (4, с. 9—14; 8, с. 45; 49, с. 56—59).

Храмовые архивы сочетались с храмовыми библиотеками и школами. Характерным примером является хранилище текстов в храме г. Ниппур, одном из важнейших религиозных центров Месопотамии. Рядом с архивом в этом храме находилась жреческая школа, где при обучении письму и составлению документов образцами служили материалы архива (4, с. 5—6, 9—10).

В древнем Египте тоже, несомненно, существовали храмовые архивы, но это скорее были архивы-библиотеки, в которых, кроме хозяйственных, административных и политических документов, хранились литературные тексты. Сохранились остатки только одного архива храма в Кахуне, который имел чисто документальный характер: деловые бумаги, письма, завешания, списки жрецов храма, хозяйственные документы и т. д. (4, с. 23—25, 94, сноска 31).

В древней Греции храмы, по всей вероятности, обладали собраниями документов, которые были необходимы для их деятельности. Так, считается несомненным, что храм в Дельфах имел архив, с которым консультировались при

произнесении оракулов. Хотя оракулы были двусмысленными, для их формулировки были нужны достаточно точные знания о лице и предмете запроса. Храмы также играли важную роль в освобождении рабов, что осуществлялось путем их продажи или посвящения богу храма. Документы об этом должны были сохраняться (4, с. 28; 50, с. 115—116; 321, с. 174). Кроме документов, в храмах депонировали литературные тексты, т. е. они рассматривались как архивные документы. Так, Диоген Лаэртский сообщает, что Гераклит поместил свою книгу «О природе» в святилище Артемиды (79, с. 360; IX, 6). Есть предположение, что ему подражал Эпикур, когда депонировал копии своих трудов и частную переписку в Метрооне (30, с. 330; 321, с. 73). Существенное различие в том, что Гераклит использовал храмовый архив, а Эпикур — государственный, хотя тоже связанный с храмом. Эволюция архивов и их использования здесь является достаточно очевидной.

Римские архивы во многом, особенно на раннем этапе, придерживались греческой традиции. В храмах сохранились официальные жреческие документы. В дальнейшем на этой основе возникли самые древние общедоступные архивы (34, с. 110). К примеру, хранилище «Сивиллиных книг». Им ведала специальная группа жрецов, чья деятельность способствовала образованию собственного служебного архива. Важнейшее значение имели архивы понтификов и фециалов, у которых фактически был государственный статус. Существовали и другие жреческие архивы, в том числе жрецов-гадателей (авгуров и гаруспиков). Почетное место, которое занимали храмовые архивы, подтверждается тем, что знатные лица помещали в них свои частные документы.

Пожар 83 г. до н. э. на Капитолии, во время которого погибли или были повреждены важнейшие архивы, в том числе храмовые, привел к принятию решения о необходимости построить специальное здание для государственного архива. В результате возник Табулярий (4, с. 44—46; 50, с. 171—172).

В эллинистическом и римском Египте храмовые архивы были нужны, потому что деятельность храмов находилась под жестким контролем государства. У римлян каждый храм должен был ежегодно сдавать отчет о своей деятельности по крайней мере пяти государственным ведомствам, в том числе государственному архиву в номе. В него включали сведения о числе жрецов и имуществе храма. Естественно, что одна из копий отчета сохранялась в храмовом архиве. Об этом свидетельствует один из храмовых архивов, который дошел до нашего времени (50, с. 154).

Церкви, соборы и монастыри

С появлением христианства архивы церковных институтов (церкви, соборы, монастыри) стали естественными наследниками римских архивных традиций. Как было показано выше, в древнем Риме первые архивы также возникали в храмах (4, с. 128; 50, с. 222—223). Устав св. Бенедикта начала VI в. сделал ведение архива частью монастырской деятельности (39, с. 14). Именно в церковной среде раньше, чем в светской, возникла потребность в длительном хранении документов о разнообразных привилегиях, полученных от светских властей (34, с. 124). У церковных институтов во всех странах накапливались документы на вклады, земельные владения и различное имущество. Это давало возможность юридически доказывать свои права даже после различных потрясений. Именно этим объясняется наличие в церковных архивах по преимуществу входящего архивного материала (34, с. 130) и сохранение связи с казной (42, с. 14—15). Как выразилась О.А. Добиаш-Рождественская, «в Европе X в. столько архивов, сколько церквей или монастырей» (9, с. 108).

В Европе церковные архивы сохранялись лучше всех, во всяком случае до XII в. (6, с. 15; 39, с. 13). Правители и светская знать придерживались одного и того же мнения. Так, у меровингских королей стало традицией хранить свои важнейшие документы в базилике Сен-Дени. Светская знать

также предпочитала церкви и монастыри из-за их стабильности, ореола святых мест и наличия каменных зданий. Ряд монастырей получил официальное право брать на себя составление частноправовых актов, принимать их на хранение или вписывать в свои регистры и подтверждать их юридическую силу. Такие монастыри получили название «доверенных мест». Эта практика заменяла нотариальные архивы при их отсутствии в странах со слабо развитыми городами, особенно в Центральной Европе. В Австрии местная знать и даже правители доверяли свои документы монастырям до 1848 г. (4, с. 124, 129, 168; 42, с. 8—9; 44, с. 221).

Византия славилась большим количеством самых разнообразных монастырей. Многие из них были крупными земельными собственниками, и их хозяйственная жизнь нашла отражение в частично сохранившихся остатках монастырских архивов (4, с. 119).

Монастырские архивы существовали и в странах под властью мусульманских правителей. Наиболее известен архив монастыря св. Екатерины на горе Синай. Архивы имели также монастыри и церкви в Иерусалиме и поблизости от него, отделение ордена францисканцев в Каире и метокион (отделение) монастыря на Синае в Стамбуле (51, с. 313—314).

Наконец, нужно упомянуть связь ранних церковных архивов с библиотеками. Самые ранние церковные общины находились не в церквях, а в частных домах. Даже в Риме первая базилика возникла ок. 220 г. Поэтому все письменные материалы общины хранились в одном месте. Ее архивная часть включала различные административные документы: регистры епископов, мартирологи, календари, переписку и т. д. (293, с. 412—413). В дальнейшем, особенно в монастырях, уже с VIII в. архивы стали отделяться от библиотек (204, с. 261).

Аналогично в Китае архивы буддийских и даосских монастырей хранились вместе с библиотеками. Этот вопрос будет рассмотрен более детально при изучении эволюции библиотек (76, с. 223).

Архивы христианских епископов представляют собой мост между античным и средневековым архивным делом (34, с. 113). Нередко они были частью библиотеки. Таким архивным материалом пользовался Евсевий Кесарийский для своей «Церковной истории», в которой он пишет: «В это время [в III в.] в полной силе находилось много даровитых церковных писателей; письма, которыми они обменивались, сохранились, и найти их легко и сейчас. До нашего времени они хранились в библиотеке города Элии [Иерусалима], созданной тамошним епископом Александром (212—250); там мы и смогли достать материалы для данной работы» (Церковная история VI. 20; цит. по 76, с. 78).

Архивы церковных иерархов — епископов и архиепископов — составляют важную часть церковных архивов. Первоначально у них не было упорядоченных регистратур, и объем исходящей документации был невелик. В основном они были заинтересованы во входящих документах, поступавших от светских и церковных властей и землевладельцев (уставные грамоты, привилегии на иммунитет, дарственные грамоты, завещания и т. п.), а также в документах, оформлявших положение зависимого населения церковных земель (4, с. 130).

Наиболее значительным и известным епископским архивом является Ватиканский архив римских пап. Об архиве пап в III—IV вв. сведения имеют легендарный или недостаточно достоверный характер. Надежная информация начинается с 402 г., когда бл. Иероним в одном из своих писем ссылается на архив (хартарий) римской церкви (9, с. 102; 28, с. 20—21; 34, с. 113; 304, с. 151—153).

С VII в. точно известно о папском архиве в Латеранском дворце. Этот архив был тесно связан с папской канцелярией и обслуживался тем же персоналом, чем объясняется превосходство исходящего материала по сравнению со входящим материалом в монастырских архивах. Папский архив был единственным организованным архивом в средневеко-

вой Европе, где сохранялись римские традиции. В 1084 г. во время набега на Рим он погиб едва ли не полностью (4, с. 129; 28, с. 21; 34, с. 113, 130).

Иннокентий III (1198—1216) построил для канцелярии новое здание, реорганизовал ее, учредив, в том числе, новые правила для ведения регестов. Серия регестов папских бумаг сохраняется почти без перерыва до XVI в. В XIV в. архиву вновь пришлось пережить смутные времена в связи с пребыванием пап в Авиньоне. В результате переездов погибло много документов. Окончательно концентрация папского архива в Риме состоялась только в 1781 г. В 1475 г. при Сиксте IV (1471—1484) произошло также разделение архива и библиотеки. Архив стал называться *bibliotheca secreta* (тайная библиотека), а библиотека — *bibliotheca publica* (публичная библиотека), т. е. архиву был придан закрытый (тайный), а библиотеке — открытый (публичный) статус. Кроме того, наиболее ценные документы хранились в замке св. Ангела. В 1612 г. на базе Тайной библиотеки был создан Тайный Ватиканский архив, который организационно объединился с архивом в замке св. Ангела в 1759 г. и территориально в Ватикане в 1799 г. (4, с. 200; 28, с. 21—22; 34, с. 114—115).

В Византии при константинопольской патриархии, которая в административной деятельности копировала императорскую, существовали центральный и ведомственные архивы, где хранились документы, по крайней мере, за несколько десятилетий (4, с. 118). Аналогично Московский митрополичий дом и с 1589 г. Московский Патриарший дом выработали систему оформления документов. В конце XVI—XVII вв. Московский Патриарший дом имел несколько архивохранилищ, в которых находились разнообразные текущие и старые документы в зависимости от деятельности патриарших приказов, ризницы и «келейной казны» (ср. с «постельной казной» московских государей) (6, с. 16—17).

Наконец, в Турции особое место занимал архив главы мусульманской церкви Шейх-уль-ислама, в котором на-

ряду с документами церковного и политического характера находились материалы военных и гражданских судов (4, с. 210).

ГЛАВА 4

Фонды архивов

Главной составной частью архивов являются их фонды. Уважение и внимание к ним — один из законов современного архивного дела (39, с. 6). Такое отношение сложилось в ходе развития архивов. Прежде всего необходимо иметь в виду отличие архивных фондов от фондов библиотек и музеев. Фонды библиотек и музеев — это коллекции, фонды архивов — накопления. Первые комплектуются, вторые пополняются как результат хозяйственной, управленческой, правовой, судебной и любой другой деятельности. Размеры и значение архивов колебались в зависимости от характера деятельности, ее интенсивности и длительности накопления материала.

Состав архивов

В состав архива входили отдельные оригинальные документы, их копии и различные сборники как оригиналов, так и копий. В древности основное содержание архивов составляли хозяйственные документы. Это объяснялось реалиями жизни древнего общества, которое еще было близко к неолиту, когда первобытный человек должен был в первую очередь заботиться о своем пропитании и обеспечении самыми необходимыми средствами существования. Поэтому первые храмовые и дворцовые архивы включали по преимуществу хозяйственно-финансовые документы — результаты различных форм учета. Затем в дворцовых архивах появляются документы политического характера, а в храмовых — сакрального. При этом четкой границы между политическими и сакральными собраниями не существовало (4, с. 4—5).

На Ближнем Востоке наибольшее количество архивов сохранилось в древней Месопотамии благодаря тому, что в этой цивилизации в качестве основного носителя письма использовалась глина. Поэтому состав древних архивов целесообразно рассмотреть прежде всего на примере этого региона.

Древнейший хорошо сохранившийся дворцовый архив в Эбле (2400—2350 гг. до н. э.), находившийся на периферии месопотамской цивилизации, включал в основном хозяйственные документы: отчеты о доходах, поступлениях и выдаче сельскохозяйственных продуктов и скота, о распределении тканей и драгоценных металлов. Однако в архиве имелся также словарь шумерских терминов, переведенных на местный язык, для обучения писцов (30, с. 17—31). Из самого Шумера, например, из Лагаша, также дошло большое количество хозяйственных документов (48, с. 26). В Мари во дворце был найден значительный архив, который, кроме хозяйственных документов, содержал политическую переписку царей Мари Зимлирима и его предшественника с вавилонским царем Хаммурапи, который в 1695 г. до н. э. уничтожил царство Мари, т. е. в архив входили не только хозяйственные, но и дипломатические документы (4, с. 11—12; 48, с. 26—27). Архивы создавались у царских наместников, управлявших отдельными территориями. Они включали служебные документы, в основном экономические (сбор налогов, организация принудительных работ и т. д. (4, с. 4—5).

Храмовые архивы, как и дворцовые, в основном содержали хозяйственно-финансовые документы. В них однако помещались различные сакральные документы, связанные с деятельностью жрецов. Они включали материалы с элементами научного знания (записи астрономических наблюдений, исчисления времени), погодные записи событий, юридические формулы, сведения по строительному искусству и врачеванию, а также религиозно-мифологические тексты (предания, молитвы, заклинания, гимны, описания ритуалов, истолкования знамений и пророчеств) (4, с. 5).

У жрецов возникают и частные архивы. Один из них относится к XVII в. до н. э. Архив состоял из двух частей: се-

мейных, в основном имущественных документов и документов, связанных с деятельностью храма, которые оказались в личном архиве жреца (30, с. 59—61). В дальнейшем практика включения официальных документов в личные архивы различных должностных лиц стала весьма распространенной, но частноправовые документы также могли храниться в дворцовых и храмовых архивах (8, с. 29, 43—44). Характерно также появление в дворцовых и храмовых архивах литературных текстов, т. е. библиотечного материала (4, с. 6).

Частные архивы XIV—XIII вв. до н. э. были найдены при раскопках в Ашшуре. Они включали экономические документы: в основном заёмные или связанные с займами, документы о различных покупках, усыновлении, приобретении и освобождении рабов, завещания и документы о разделе имущества. Уникальными были документы с печатью царя о дарении земли и опись склада (49, ч. 1, с. 89—103). Архив семьи Эгиби в Вавилоне (VI в. до н. э.) содержал заёмные документы и документы о банковских операциях, купле-продаже рабов и о судебных процессах, которые вел глава семьи (8, с. 166—167).

От эпохи Хаммурапи до нас дошли остатки архивов купцов г. Каниша (на территории современной Турции). Купцы занимались международной торговлей, и их архивы включают частную и официальную переписку, отчеты торговых караванов и судебные документы, поскольку купцы, объединенные в сообщество, имели собственный суд (4, с. 13; 30, с. 78—94).

На территории современной Турции в дворцовом архиве государства хеттов были также обнаружены документы различного содержания: государственные договоры, письма царей, судебники, акты о пожаловании земель вельможам, завещания, письма жрецов и частных лиц (4, с. 13).

От древнего Египта сохранилось мало архивных остатков из-за хрупкости писчего материала папируса. Сохранившаяся часть архива в Тель-Амарне на глиняных табличках является дипломатической перепиской с царями Вави-

лонии, Митанни, Ассирии, государств амореев и хеттов и др. Остатки храмового архива в Кахуне содержат деловые бумаги, письма, завещания, списки жрецов храма и должностных лиц, ведомости о выполнении разных работ и повинностей в пользу храма, подённые записи, счета, расписки, росписи праздников и образцы писем (4, с. 20—21, 24—25; 46, с. 12—13).

Микенские архивы, подобно древним месопотамским, имели экономическое содержание: контроль за получением, распределением и передачей имущества, материалов и экономических ресурсов (одушевленных и неодушевленных), управление экономической деятельностью. Основой являются дворцовые интересы (30, с. 166—167).

Особенность архивов греческих полисов заключалась в том, что они имели публичный характер и включали в первую очередь публичные, государственные документы. Кроме того, в них находились частные документы и данные о гражданах. Последние размещали в них для безопасного хранения частные документы о собственности и других правах. Кроме того, архивы могли выполнять нотариальные функции, и договор считался особенно надежным, если его регистрировали в архиве, т. е. личные документы рассматривались как публичные (50, с. 93—95).

Максимальное развитие публичности было реализовано в афинском Метрооне. Он включал: законы и постановления Народного собрания; протоколы заседаний Совета пятисот (булэ) и Народного собрания; документы по иностранным делам; документы, имеющие отношение к бюджетным и финансовым вопросам, которые подлежали контролю Совета; материалы публичных судебных заседаний (например, процесс над Сократом); договоры государства и частных лиц; списки эфеев; официальные копии произведений Эсхила, Софокла и Эврипида; инвентари храмов и стандартных мер и весов (51, с. 108—110). Отличие Метроона от средневековых европейских архивов заключалось в том, что для него отбирались документы, которые ранее публично представлялись для обозрения гражданами и

были открытыми для последующего использования, в то время как средневековые архивы включали входящий материал, подлежащий секретному хранению (34, с. 109). Кроме того, частные лица помещали в Метроон свои документы.

В древнем Риме первичными были храмовые архивы, которые кроме сакральных материалов включали документы, которые имели государственное значение. Так, архив понтификов хранил материалы по исчислению времени и мер, срокам избрания должностных лиц, определению благоприятных дней для проведения разных мероприятий, по формулировке законодательных актов и судебных решений. В состав сакральных документов входили материалы сакрального права, которые в значительной степени затрагивали жизнь государства и граждан, а также документы, связанные с внутренней жизнью жреческой корпорации, с отправлением ее религиозных функций, с ее имущественными и финансовыми делами. Архив фециалов долго удерживал привилегию официальных хранителей государственных договоров Рима. Особое место занимало хранилище «Сивилиных книг» — рукописей греческого происхождения, которые считались пророческими и содержали предсказания судеб Рима. При Августе они хранились в храме Аполлона Палатинского. В храмовых архивах размещались также частные документы. Так, завещания Юлия Цезаря и Августа находились в храме Весты. Этому обычаю следовали и другие знатные семьи (4, с. 41—45).

Эрарий — государственный архив, который находился в ведении Сената, включал первоначально документы, связанные с государственным бюджетом и управлением государственным имуществом, но затем в его составе все большее место занимали материалы, которые образовывались в результате деятельности Сената: журналы его заседаний, проекты законов с комментариями, записи решений Сената и законы, утвержденные после голосования. Позднее в Эрарии стали храниться договоры Рима с иностранными государствами. Кроме документов Сената, в Эрарий поступали документы других учреждений и должностных лиц,

имевшие общегосударственное значение и представленные на рассмотрение Сената (4, с. 46—47; 34, с. 110—112; 50, с. 166—167).

Табулярий, который унаследовал функции Эрария, включал следующие группы документов: материалы комитий и Сената, отчеты консулов, материалы общегосударственных и городских цензоров, преторов и губернаторов провинций (50, с. 183).

Различные должностные лица сохраняли помимо того официальные бумаги в ведомственных архивах (34, с. 111). Так, архив цензоров хранил документы, связанные с учетом населения по сословиям и определением контингента вооруженных сил со всеми сопутствующими операциями, и документы ведомства по наблюдению за поведением граждан и контролю над распоряжением государственным имуществом (4, с. 48).

Частные архивы, кроме имущественных и хозяйственных документов, могли включать государственные материалы, которые оказывались у должностных лиц во время исполнения ими своих служебных обязанностей (4, с. 53—54).

Средневековая Европа в определенной степени сохраняла традицию храмовых, дворцовых, городских и частных архивов. Ранний архив римских пап включал документы по управлению имуществом курии, постановления церковных соборов с подписями епископов и грамоты и переписку, касающуюся церковных и политических дел (4, с. 103; 34, с. 113—114). В основном это был исходящий материал. Напротив, архивы церковных иерархов на местах, церквей и монастырей составляли преимущественно входящие документы: имущественные, церковно-административные, политические и частные, светского происхождения — документы императоров, королей, князей и феодальной знати (4, с. 131—133). Не были в этом отношении исключением и архивы русской церкви (17, с. 52—53). В архивах германских императоров, как и в папских, в основном представлен исходящий материал (34, с. 130), т. е. содержание этих архивов определялось властным потенциалом их владельцев.

С XII в. во всей Европе в «сокровищницах хартий», которую создавал для себя каждый светский правитель или церковный иерарх в прямой связи со своей канцелярией, хранились «хартии» на пергамене — важнейшие документы, подтверждающие владения и права владельца, судебные и финансовые документы — все, что могло понадобиться для информации и доказательства (32, с. 1125).

Архивы городов или, вернее, их органов самоуправления, включали различные виды документов. Ядро архива составляли подлинники привилегий и статуты, которые предоставляли городам их права и лежали в основе организации органов самоуправления. К этой группе относились также союзные, мирные и пограничные (межевые) договоры с другими городами и соседними феодалами, документы на приобретение городом земли за его пределами, на различные ленные права, королевские и императорские письма, папские буллы и т. п. Следующую группу составляли документы городского совета: присяжные книги членов совета, «минуты» — записи решений совета, «миссивы» — копии исходящей и иногда входящей переписки, книги прихода и расхода городской казны. Фискальная и хозяйственная деятельность была представлена кадастровой, цензовой и финансовой документацией.

Поскольку средневековый город был военной единицей, в архиве находились списки состава городского ополчения, материалы по приобретению и изготовлению оружия, содержанию арсеналов и пороховых складов. Следующая группа документов была связана с функциями суда по гражданским и некоторым уголовным делам. В архив также попадали документы по содержанию благотворительных учреждений, сношению с церковными властями и т. п. Продолжением древней традиции было то, что в архивы часто сдавались на хранение документы частных лиц (завещания, купчие и заёмные договоры, брачные соглашения и т. п.). Это обеспечивало их сохранность и юридическую силу (4, с. 153—157; 37, с. 23—24, 47, 66—68, 73—75).

В городах специализированные архивы гильдий и цехов хранили списки членов корпораций, их уставы и решения, документы о приеме новых членов, финансах, о различных церемониях и празднествах и т. п. Архивы нотариата включали бумаги, отражающие разные стороны их деятельности и разные этапы составления частноправовых актов, и «минуты» — записи текстов предъявленных и составленных документов (4, с. 161—163).

В средневековой Европе содержание частных архивов трудно установить, так как их сохранность зависела от судьбы отдельных предприятий, семей и частных лиц. Известно, однако, что в архивы частных лиц попадали официальные материалы. Должностные лица иногда не сдавали их по назначению (4, с. 161—162).

На Руси царский архив XVI в. был наследником великокняжеского архива, который поглощал удельные архивы других князей, и включал грамоты XIV—XV вв., связанные с внешней политикой дома московских князей, междукняжескими отношениями, куплей-продажей и пожалованиями земельных владений. Огромная масса документов, связанных с административно-судебной сферой, не дошла до нашего времени. Важным элементом архива были завещания. Древнейшими из них были духовные грамоты Ивана Калиты (6, с. 9—10; 17, с. 69—72; 25, ч. 1, с. 12). Составу царского архива XVI в. посвящена специальная глава в монографии С.О. Шмидта (27, с. 44—64), где учтены результаты предшествующих исследований. Подавляющее большинство документов царского архива — это документы XVI в. по вопросам внешней и внутренней политики. Различные ведомства («приказы» и «избы») имели собственные архивы, в которых откладывались результаты их деятельности (6, с. 28—31; 17, с. 92—98; 18, с. 10—13).

В Индии архивы императоров династии Великих Моголов содержали указы императора, протоколы заседаний императорского совета, придворные бюллетени, императорские фирманы, официальную переписку между императорской канцелярией и различными ведомствами (входящие

документы и копии исходящих), доклады императору о государственных делах, донесения официальных и тайных агентов внутри государства и за его пределами, международные договоры и дипломатическую переписку, документы по вопросам земледелия, финансов, суда и военного дела, справочные пособия и официальные хроники. Аналогичные архивы возникли при дворах правителей крупных и мелких государств в период распада империи моголов (4, с. 209). В Китае архивы правителей периода Чжоу и затем императоров включали государственные документы различного содержания (54, с. 6; 252, с. 34).

Архивы содержали не только подлинники документов, но и их копии и различные сборники подлинников и копий. Снятие копий для лучшей сохранности документов началось в древности. В средневековой Европе это явление было повсеместным (36, с. 128; 38, с. 200, 202; 39, с. 15). Сборники имели различные формы и названия: длинные склеенные свитки (на Руси назывались «столбцы»), картулярии (от лат. *charta* — грамота), регесты папских булл, копийные книги. В Китае Шан шу (Книга документов) стала одной из шести конфуцианских классических книг.

Хранение архивов

Классификация и расположение документов в фонде

Во все времена имелось два способа, при помощи которых архивист мог найти документы в архиве: систематизация или опись (43, с. 307). Систематизация (организация, расположение) архивных документов зависит от носителей информации и состояния архивной и канцелярской техники (48, с. 45). К сожалению, древние архивы Месопотамии, которые благодаря глиняным табличкам сохранились наилучшим образом по сравнению с другими архивами, до последнего времени при их археологическом извлечении утрачивали тот вид, в каком они были найдены. В настоящее

время основное требование для изучения архивов заключается в том, что нельзя нарушать расположение документов (4, с. 3; 39, с. 6).

Уже в древних архивах Месопотамии обнаружилось стремление каким-то образом систематизировать материал в фонде. Так, в Угарите собрание было разделено на основные группы, которые отражают административное происхождение информации. В одной из этих групп «международные отношения» были выделены «досье» царей и их родственников. Та же картина возникла при изучении архивов Мари (39, с. 10; 50, с. 61—63). В Эбле, архив которой сохранился наилучшим образом, археологи установили определенную систему расположения документов в помещении архива. Так, на самой высокой полке восточной стены размещались месячные отчеты о поставке тканей. Продолжение их располагалось на первой и второй полках северной стены. Ниже на средней полке северной стены помещались словари и тексты на местном и шумерском языках. Царские указы и распоряжения находились в углу около западной стены и т. д. (30, с. 34). В частном архиве жреца материал был расположен в соответствии с содержанием документов и формой носителей информации (30, с. 75). В архивах ассирийских купцов отдельные группы и виды документов хранились раздельно (30, с. 102).

Расположение документов в афинском Метрооне можно только реконструировать. Очевидно, что документы хранились в виде годовых подборок под именами архонтов и далее по пританиям¹ (50, с. 113). В римском Табулярии они формировались в книги и размещались по учреждениям, именам магистратов, видам документов («книги решений Сената», «комментарии Сената», «книга сенатора Агриппы» и т. п.). Внутри групп документы располагались по годам. Существовала нумерация книг и листов (4, с. 51—52).

¹ «Совет пятисот» (булэ) делился на 10 пританий по 50 человек от каждой из 10 фил, которые поочередно выполняли обязанности булэ. — *Здесь и далее прим. авт.*

В Европе в середине века появляются первые опыты классификации, иногда самые общие, например, разделение дел на «дела о королевской власти» и «дела о подданных». Иногда документы располагаются по тематическим группам, видам, хронологии, по алфавиту главных слов содержания или заглавий документов (4, с. 172). Алфавитная классификация документов по первой или двум первым буквам имени или слова возникла уже во II в. до н. э. (30, с. 344).

Регистры и описи документов

Кроме какой-либо систематизации документов в фонде, важнейшим средством организации хранения стало составление различных регистров (списков, перечней, учетных документов, имеющих правовое значение) и описей (инвентарей, реперториев).

Создание регистров началось уже в Персии при Ахеменидах, там велась подневная регистрация действий и распоряжений царя. Эта практика применялась также в Египте, Вавилоне, Ассирии, Израиле и Иудее и была продолжена при Александре Македонском (50, с. 126—127).

В средневековой Европе появились регистры исходящих документов, в том числе с записью их текстов. Первоначально такие методы учета применялись в канцеляриях папства и итальянских городов (4, с. 140). Около 1200 г. основные королевские канцелярии производили регистрацию исходящих документов. Различные органы управления регистрировали входящие королевские документы, что было основанием для их исполнения, в том числе когда речь шла о финансах и расходах (39, с. 15—16). В городских архивах составлялись каталоги фондов и сохранялись нотариальные регистры (2, с. 32; 37, с. 56—57). Регистрационный смысл имели также вкладные книги церковных архивов (6, с. 19—20).

Описи, которые в Европе обычно называли инвентарями, появились в XII—XIII вв. Самые старые были составлены в XII в. в архиве Барселонского графства, в XIII в. —

архивах римских пап и Неаполитанского королевства. Во Франции первый известный инвентарь появился в 1318 г., в Англии сохранился инвентарь 1323 г. (4, с. 171). В XIV в. королевский архивист Жерар де Монтегю создал первый большой инвентарь «Сокровищницы хартий», который включал сведения о 14 тыс. документов, а папа Урбан V распорядился составить инвентарь архивов курии (1366 г.). Инвентарь королевского архива в Англии возник в 1381 г. (32, с. 1128). Описи создавались во многих городских и монастырских архивах. Их количество быстро увеличивалось (37, с. 26—29 и др.; 43, с. 308).

На Руси во второй половине XVI в. было составлено несколько описей, из них до нашего времени дошла опись 1570-х гг. (27, с. 5). Описи имелись также в приказах. Особенно известны описи Посольского приказа 1614 г. и 1626 г. (6, с. 13; 17, с. 90—91). Церковные архивы представлены описями Московского Патриаршего дома, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского, Соловецкого и других монастырей (6, с. 17—18, 20—21; 17, с. 103—108; 23, с. 59—60).

Индексация архивных материалов

В древности в период глинописной и папирусной культуры индексация в хранении осуществлялась при помощи ярлыков (этикеток). К корзинам и ящикам крепились глиняные ярлыки размером 6—7 см в длину и 4—5 см в ширину, которые указывали на характер хранимых документов. Надписи на ярлыках могли включать следующие сведения:

- обозначение контейнера (ящика, корзины), чтобы отличить его от других контейнеров;
- обозначения типа документов или группы документов, находящихся в контейнере, например «судебные дела», «счета», «расходы» и т. п.;
- время создания, по большей части только год;
- указание должностного лица, от которого исходили документы.

Такие ярлыки встречались в архивах по всей территории месопотамской цивилизации, начиная с глубокой древности (4, с. 3; 48, с. 47—48; 50, с. 60). Система ярлыков, в дальнейшем из других материалов, сохранялась на протяжении всей античности.

В средневековой Европе возникли различные системы обозначения материалов в фондах: знаковые (знаки, символы, рисунки), буквенные и нумерационные (43, с. 140).

Символические знаки (стрелки, рисунки типа меча или щита) были изобретены в Англии для обозначения содержания в текстах хроник в конце XII в., но затем были использованы в королевских архивах для обозначения ящиков с документами в хранении. Так, с 1290 г. в архиве казначейства в Liber A (Книга А), законченной в 1294—1295 гг., использована пиктограмма «человек с копьем и палашом» для обозначения материала, который находился в сундуке «Т» под названием «Шотландия». Однако использование символов оказалось достаточно сложным, и королевские архивисты предпочли буквенную и нумерационную системы для обозначения контейнеров с документами (36, с. 142—144).

Французские архивисты XIII в. в конечном счете предпочли буквенную систему обозначений, а в XIV в. Жерар де Монтегю ввел обозначения цифрами (43, с. 311—317).

На Руси в царском архиве для обозначения контейнеров с документами (ящики, сундуки и т. д.) применяли нумерацию славянскими цифрами. В приказных архивах этот метод стали использовать и для обозначения единиц хранения (17, с. 91).

Использование архивов

Вопрос об использовании архивов возник как научная проблема в середине XIX в. В 1862 г. Вильгельм Ваттенбах опубликовал работу «Об архивах, их использовании и управлении» (55). Статья безусловно устарела, но свидетельствует о потребности в изучении этого вопроса уже полтора

века назад. Активность и упорядочение архива были необходимыми условиями для его использования. Само признание собрания документов архивом зависело от того, в течение какого времени он был действующим (актуальным) для его владельца (30, с. 169). Нужно было обеспечить определенную организацию в расположении архивных документов при хранении, чтобы быстрее их получить (30, с. 265—266). В качестве примера можно привести Англию, где в XIII—XIV вв. осознали, что королевский архив необходимо привести в порядок для потомков. В результате возник один из самых больших архивов Европы (36, с. 24—125).

Правители всех времен использовали свои архивы для решения текущих проблем. В истории есть ряд ярких примеров такой практики. Один из них известен из Библии (книга Ездры 5, 1—17; 6, 1—5). По возвращении из вавилонского плена евреи стали возводить храм, но местное персидское начальство стало препятствовать им на том основании, что у них нет на это разрешения. Евреи ответили, что разрешение было получено от Кира. Отправленный запрос царю Дарию, который распорядился произвести поиск в архивах Вавилона и затем Экбатаны, позволил найти необходимый документ. Поиск был возможен, поскольку в Персии осуществлялась подневная запись решений царя (50, с. 126).

Еще несколько примеров известно из английской истории. В 1201 г. король Иоанн приказал по регистру своих грамот найти сведения о конфликте между двумя монастырями. Необходимые сведения были получены, и права одного из этих монастырей были подтверждены королевской грамотой. В 1272 г. король Генрих III уверял папу Григория X, что приор одного из английских соборов представил на судебном процессе в римской курии поддельный документ, но король был неправ, поскольку документ был внесен в регистр в ноябре 1265 г. Как отмечает исследователь этого случая, легче было создавать регистры и архивы, чем эффективно пользоваться ими. Наконец, в 1291 г. Эдуарду I потребовалось документальное подтверждение его прав на Шотландию. Поиск в архивах, королевских и монастырских,

оказался неудовлетворительным. Это было одной из причин, по которой королевские архивы стали приводить в порядок (36, с. 49, 123—124).

На Руси царь Иван IV активно использовал свой архив для текущих политических дел. Описи включали множество помет, которые относились к материалам, затребованным царем, например: «По Ивановым книгам Михайлова тот ящик у государя» (7, т. 1, с. 35). Сохранилось 56 помет, относящихся к материалам 51 ящика и охватывающих период от 1562 по 1575 г., т. е. время опричнины. Особенно большие партии документов царь потребовал из архива 1566 г. в период ливонской войны, когда на Земском соборе был поднят вопрос о заключении мира с Литвой (17, с. 80). Широко использовались также архивы приказов, особенно Посольского (27, с. 57).

Архивам придавали такое большое политическое значение, что в случае победы на войне они рассматривались как часть военной добычи. Вавилонский царь Хаммурапи, например, после победы над царем Мари Зимрилимом захватил его архив и приказал ресистематизировать его для удобства использования. Во Франции в 1194 г. после битвы при Фретевале походный архив французского короля попал в руки англичан, и король Филипп-Август был огорчен его потерей (4, с. 12, 144—145). На Руси в процессе войн между князьями их архивы также становились объектами захвата как оружие политической борьбы (17, с. 64).

Материалы Метроона использовались при подготовке постановлений. Так, в постановлении 140/39 гг. до н. э. об оказании почестей гражданину за его службу Афинам было отмечено, что его предки получили гражданство по закону Стратокла, сына Эвфидема из Диомеи, который был принят, по крайней мере, 140 лет ранее, т. е. документы хранились и эффективно использовались (30, с. 329).

Применение архивных документов в суде началось уже в глубокой древности. До нашего времени дошел материал судебного дела в древнем Египте. Вдову лишили ее полей. Визирь, который разбирал земельные споры, распорядился про-

верить регистры казначейства и зернохранилищ. Необходимые документы не подтвердили претензии истца, и вдова проиграла процесс. Однако позднее ее сын смог доказать, что архивные документы были подделаны, и законная собственность была возвращена владельцу (50, с. 84—85).

В Риме во время процесса над наместником Сицилии Верресом, обвиненном в стяжательстве и казнокрадстве, Цицерон, выступавший обвинителем, привлек приходно-расходные книги по наместничеству, с которых для представления в суд самым тщательным образом сняли копии в архиве. Книги Верреса послужили прямой уликой его недобросовестности (4, с. 56).

В средневековой Европе до XI в. письменные документы мало использовались в судах. Главным было устное свидетельство. Однако в XII в. в связи с возрождением римского гражданского права получило преимущество письменное свидетельство и соответственно повысилось значение архивов (39, с. 13).

Документы использовали в анналах (летописях), т. е. в кратких погодных записях о важнейших событиях, и в хрониках, которые содержали уже связанное изложение событий в строго хронологическом порядке. В древней Греции в каждом крупном полисе велись свои летописи. Сохранились воспоминания о ведении погодных записей в древнейшую эпоху в Афинах, Спарте, Дельфах, а также у мессенцев и критян. В качестве примера можно привести свидетельство Тацита, который сообщал, что в период правления императора Тиберия была рассмотрена жалоба между лакедемонянами и мессенцами по поводу прав на владения храма Дианы Лимнатида. Обе стороны в равной степени ссылались на исторические сочинения и свидетельства надписей, «вырезанных на камне или на старинных бронзовых досках» (4, с. 28—29).

История летописания знает много таких примеров, хотя следует иметь в виду, что средневековые хронисты предпочитали опираться не на документы, а на более ранние хроники, «истории» и устные традиции (4, с. 137). Когда возни-

кали европейские городские архивы, архивисты стали выступать не только как хранители документов, но и как хронисты города (34, с. 134). На Руси, отмечает И.Л. Маяковский, документы архивов также, несомненно, использовались в летописаниях, хотя не все использованные документы летописец приводил полностью (17, с. 67).

Научная функция архивов выразилась прежде всего в том, что их стали использовать историки. Наиболее яркий пример этому дает классическая страна истории — Китай. В Китае был создан особый государственный институт — Историографическая коллегия (Ши гуань), на которую был возложен сбор исторического материала и составление династийных историй. Кроме официальных, историки использовали частные собрания документов. Например, Сыма Цянь при составлении биографии древнекитайского поэта Сыма Сян-жу опирался на документы из его личного архива, который после смерти поэта был по приказанию императора изъят у семьи поэта и передан в императорское хранилище (4, с. 216—218). Отец и сын Сыма — Сыма Тянь и Сыма Цянь — оба были главными придворными историографами и имели доступ к императорским архивам, а также к различным местным архивам. Эти материалы были главным источником для «Исторических записок» Сыма Цяня (22, с. 22—23, 50, 80—82, 95—96).

В древней Греции в сочинениях первых греческих историков-логографов, и в гораздо большей степени в произведениях великих историков, таких как Геродот, Фукидид и Полибий, использовались не только устные сведения и личные наблюдения, но и письменные источники (4, с. 28—29).

Содержание архивов древнего Рима нашло отражение в трудах римских и греческих историков. Большую часть сведений о ранней истории Рима получали из анналов понтификов, которые в свою очередь основывались на материалах своего архива. Ранние анналисты использовали также архивы знатных патрицианских семей. Позднее историки опирались на документы Табулярия и других архивов. На архивные материалы опирались Полибий, Тит Ливий, Све-

тоний, Тацит и Иосиф Флавий. Тацит в использовании документов приближался к современным требованиям. Он нередко указывает, откуда взяты те или иные сведения («в комментариях Сената», «у некоторых писателей и в актах Сената» и т. п.) (4, с. 67—68; 50, с. 182).

В Европе постоянно возрастало использование архивных документов при составлении хроник, биографий и других работ исторического характера. Имеется много таких примеров в разных странах. Н.В. Бржостовская и Б.С. Илизаров приводят несколько примеров, из них самый ранний относится к французскому анналисту реймскому канонику Флодоарду (894—966). Он широко использовал дипломы и переписку реймских архиепископов, к архивам которых имел доступ. В XV в. Филипп Комин также демонстрирует знакомство с королевским архивом. Английский хронист Роджер Гоуден (конец XII в.) приводит в своей работе тексты договоров с Францией, Сицилией и Шотландией, папские декреты, различные грамоты, письма и т. д. На подлинных документах основывались монастырские хроники и жизнеописания церковных деятелей. Подлинные документы положены в основу хроник Сент-Олбенского монастыря. В XI в. документы широко использовались в «Деяниях гамбургских епископов» Адама Бременского, который собирал документы всеми доступными ему способами и отличался большой точностью в передаче текстов (4, с. 175—176).

Возрождение в Европе ознаменовалось повышением использования архивных документов в исторических сочинениях (183, с. 41). В итальянских государствах, особенно в XVI в., когда развернулась кампания по написанию отечественной истории, архивы стали использоваться историками, работавшими по заданию властей. В отличие от средневековых хроник в этих трудах, которые были оригинальными историческими сочинениями, документы приводятся с комментариями и в соответствии с авторской концепцией (4, с. 179—180).

С появлением книгопечатания осуществляется типографское издание исторических памятников. Начало этой

деятельности было положено в 1500 г. Альдом Мануцием в Венеции (4, с. 203).

Архивы использовались для борьбы с подделками и подлогами. Это было необходимо, потому что стали нередкими подделки документов, чаще всего в вопросах землевладения и привилегий. Наиболее известным подлогом в средневековой Европе был «Константинов дар» — грамота, изготовленная в конце VIII в. и якобы данная в IV в. императором Константином, которая признавала приоритет духовной власти над светской и навечно даровала римским папам право распоряжаться Италией. В XV в. Лоренцо Валла доказал, что «Константинов дар» был подделкой (4, с. 136, 174—175, 178).

Использование архивов зависело от возможностей доступа к их фондам. В основном он был ограничен. Архивы создавались для себя. Свободный доступ к архивам возник в городских республиках древней Греции. Афинский Метроон могли использовать все граждане, которые имели право снимать в нем копии. Метроон использовали ораторы, а также историки (34, с. 109; 39, с. 11; 50, с. 113—114).

Римский Табулярий был открыт для граждан и исследователей, которые хотели получить в нем необходимые сведения. Этим пользовались многие, в том числе историки. Разрешение на использование документов и изготовление копий называлось *potestas inspiciendi describendique* (полномочие просматривать и копировать). Его давало специальное лицо. Известен случай, когда подделка такого разрешения привела к судебному преследованию (30, с. 347; 50, с. 182).

Папский архив в VIII в. был открытым. Согласно Иерониму, каждый мог ознакомиться с перепиской пап (204, с. 295—296).

В Англии королевский архив тщательно охранялся, но справки в нем разрешалось наводить достаточно свободно (9, с. 237). Городские архивы были доступны для граждан. Так, в Кремоне хранитель архива должен был бесплатно делать копии с документов всякому, кто бы к нему ни обратился (2, с. 32—33).

Создатели архивов заботились об их сохранности, но с течением времени положение могло ухудшиться. От древних архивов мало что дошло до настоящего времени. В основном это архивы, в которых как носитель информации использовалась глина: месопотамские и крито-микенские (4, с. 1—2, 27). В Месопотамии полная гибель государства способствовала сохранению архивов для будущих историков. Так, для государства Мари 1693 г. до н. э. — это время гибели государства и начало сохранения его архива (46, с. 2; 48, с. 26—27). Можно привести следующие основные причины гибели архивов:

- гибель государства;
- войны, восстания, народные волнения;
- пожары;
- стихийные бедствия (наводнения, землетрясения и др.);
- небрежное отношение;
- плохие условия хранения (сырость, вредители и т. п.);
- отсутствие специального помещения;
- кражи;
- отбор.

ГЛАВА 5

Размещение архивов. Помещения и здания. Оборудование

Размещение архива в нескольких местах (децентрализация хранения)

В странах Ближнего Востока дворцовые архивы обычно не сосредоточивались в одном месте. Хранение документов осуществлялось при тех службах и лицах, которые ведали отдельными вопросами государственного и дворцового уп-

равления. Поэтому помещения, где хранились документы, были разбросаны в разных частях дворцового комплекса. Это подтверждается результатами археологических раскопок (4, с. 4). Однако принцип, на основании которого документы, найденные при раскопках, следует описывать в соответствии с местами их нахождения, возник не сразу. Это приводило к ошибкам в описании документов и крайне затрудняло и даже делало невозможным их анализ с архивной точки зрения. Только к середине XX в. установилась практика публикации глиняных табличек в порядке их архивного расположения (50, с. 6—9, 14—15).

Раскопки показали, что в дворцовом комплексе Эблы некоторые группы документов находились вне центрального архива, в других комнатах (30, с. 29). В Мари архив был рассредоточен между двумя канцеляриями и помещениями, где размещались различные службы. При этом нужно иметь в виду, что дворцовый комплекс состоял из большого количества помещений. Еще до Второй мировой войны в нем уже было раскрыто 260 комнат и дворов. Архивы обнаружили в комнатах 5 и 108 (две канцелярии хозяйственного назначения), 215—218 (мастерские по обработке металлов), 70—79 (другие службы снабжения), 115 (дипломатическая переписка) (48, с. 27; 50, с. 29—31).

Особенно хорошие результаты дали раскопки дворцового комплекса в Угарите. При его раскопках были строго соблюдены правила описания документов в соответствии с местами их нахождения. Оказалось, что документы группировались в помещениях различных служб управления, которые могли находиться достаточно далеко друг от друга. Всего было обнаружено семь архивных комплексов:

- архивы Запад — канцелярия казначея по делам провинции (столица исключена);
- архивы Восток — финансовые и правовые документы столицы и ее окрестностей;
- центральные архивы — правовые документы о собственности, ее продаже, обменах, завещаниях и дарениях (своего рода царский нотариат);

- архивы Юг — отношения с хеттами;
- архивы Юго-Запад — центральная экспедиция;
- архивы Малого дворца — грузовые документы об импорте и экспорте товаров;
- собрания документов в различных дворцовых мастерских, которые занимались изготовлением предметов роскоши для принесения в качестве даров при дипломатических отношениях с соседними государствами (50, с. 31—35).

Аналогичное положение имело место и в других странах на протяжении всего времени существования архивов. В Англии в XIV в. существовали уже четыре главные королевские архивные собрания. С XII в. архивы находились в Винчестере и Вестминстере, а с XIV в. — также в Тауэре и в Капелле свитков (9, с. 235—236). В соборах документы хранились у различных лиц в зависимости от их функций. Центральные архивы возникали только тогда, когда число документов становилось очень большим и было необходимо как-то их упорядочить (36, с. 127). Городские архивы сосредоточивались в центрах власти. Так, в Браге (Португалия) архивы находились у архиепископа, капитула и муниципалитета. Документы города были разделены между этими тремя собраниями. В городских ратушах документы могли группировать по значимости и соответственно хранились в разных помещениях. Так, в Эворе (Португалия) документы хранились в двух сундуках, которые находились на разных этажах. На первом этаже находился сундук с оригиналами, на втором — с копиями и менее значительными документами (36, с. 87, 93—94).

Места хранения архивов

Архив обычно размещался в каком-либо помещении, легко доступном для создателя архива. Оно также должно было обеспечивать безопасность и сохранность документов. В древности помещение (публичное или частное) являлось

критерием для разграничения публичных (государственных) и частных архивов (30, с. 198).

Архивы правителей и их наместников в провинции естественно хранились в дворцовых комплексах, как было показано ранее на примере Месопотамии. Архив ассирийского губернатора (середина IX—последняя четверть VIII в. до н. э.), включавший корреспонденцию, правовые и административные документы, хранился в его дворце (30, с. 208). В Ашшуре архивы находились в храмовых и частных библиотеках (49, ч. 2, с. 11—59). Как известно, документы составляли часть Дунхуанской библиотеки (4, с. 224). Архивы ассирийских купцов в Канише хранились в специальном укрепленном помещении, которое использовалось также для складирования наиболее ценных товаров (30, с. 99).

В древности широко применялось размещение архивов в культовых зданиях, где они находились под охраной богов. В древней Греции это было общим правилом: в основном архивы находились в храмах и святилищах (30, с. 337). В том числе Метроон — главный афинский архив был расположен в храме Великой Матери, поскольку от ее благоволения зависела судьба государства (34, с. 109). В Риме сенатский Эрарий также размещался в храмовом помещении (4, с. 47).

Папский архив тоже первоначально хранился в церкви. Папа Дамаз поместил его в базилике св. Лаврентия, но затем папа Иларий перевел его в Латеранский дворец (9, с. 104; 28, с. 20).

Во многих странах архивы помещали в сокровищницу вместе с казной и драгоценностями. Этот обычай соблюдался повсеместно, начиная с древней Месопотамии и Персии (48, с. 43—44). Казначей английского короля Ричарда I образно определил местонахождение казны, куда включались и грамоты, «около сердца Его Величества» (9, с. 234). В городах местами хранения архивов были ратуши и церкви, но первоначально они также хранились вместе с городской казной. Только в середине XVI в. совершился поворот от «сокровищницы» (казны), как места хранения архива в

средние века, к собранию бумаг. Связь с казной прервалась (34, с. 129—130; 37, с. 65; 42, с. 1—2, 12—13).

Помещения и здания архивов

В древней Месопотамии первоначально архивы помещались вместе со складами, но уже при III династии Ура (2065—1955 гг. до н. э.) им стали выделять отдельные помещения. Обычно это бывали небольшие комнаты типа кладовых (56, с. 220; 4, с. 2). Однако к тому же времени относится и выделение специальной постройки для хранения архива (48, с. 26). В Лагаше эпохи III династии Ура около 7 тыс. табличек было обнаружено в двух архивных зданиях, каждое из которых состояло из нескольких соединяющихся друг с другом узких комнат. Отсутствие симметрии в плане этих зданий М. Вейтемейер объясняет тем, что они не были построены по единому замыслу, но расширялись постепенно, по мере накопления текстов. Эти здания не имели дверей. Вероятно, вход туда вел через крышу. Подобные помещения были найдены во время раскопок в Нузи, Сиппаре и других городах (56, с. 220, 235; 19, с. 48).

Постепенно стало принято выделять для архива отдельное помещение. Во дворце ассирийского царя Синахериба было установлено помещение канцелярии, где в двух комнатах было обнаружено большое количество документов хозяйственного назначения (48, с. 34). Специальные помещения выделялись для архивов в домах ассирийских купцов в Канише (4, с. 12). В Персеполе в фортификационной стене был найден архив какого-то ведомства, который находился в отдельной комнате (30, с. 264—266).

В индийском трактате «Артхашастра» главе учетного ведомства было рекомендовано обзавестись специальным зданием, где были бы предусмотрены помещения для различных присутствий «с местами для хранения документов».

По мере накопления документов стало необходимым выделять для архива не просто помещение, а специальное здание. Римский Эрарий, который первоначально хранился в храмах, в 78 г. до н. э. был переведен в Табулярий — отдельное специально построенное здание (4, с. 49—50; 34, с. 110). В римском Египте известно распоряжение префекта, датированное 19 мая 109 г., построить в одном из номов специальное здание для имущественного архива, так как он находился в условиях, когда документы погибали, и чаще всего их нельзя было найти (50, с. 150).

В Европе уже папа Дамаз хотел построить специальное здание для архива. Сохранилась стихотворная надпись Дамаза на церкви св. Лаврентия IV в., в которой была следующая фраза: «Я решил воздвигнуть новое здание для архива» (9, с. 102). Постоянные отдельные хранилища для архивов стали выделять во Франции с XII в., в Англии с XIV в. и в Германии с XV в. (9, с. 234—235).

Во Франции после Фретеваля Филипп Август отвел королевским архивам постоянное место. Людовик Святой предоставил им священную резиденцию в Святой капелле своего дворца, над сокровищами святого причастия, а в 1260 г. повелел хранить оригиналы документов в Сокровищнице Сент-Шапели (11, с. 247—249).

В Англии в 1377 г. Эдуард III распорядился выделить для королевского архива старое церковное здание, которое навеки закреплялось за королевскими хартиями. Это помещение получило название «Капелла свитков» (Rolls Chapel). На этом месте до сих пор стоит здание Государственного архива (Public Record Office) (4, с. 149; 9, с. 136).

В Испании в 1545 г. Карл I распорядился объединить королевские архивы, разбросанные в различных хранилищах, в замке Симанкас, а Филипп II приказал в полной мере приспособить эту старую крепость для выполнения новых задач (44, с. 91). В Дании королевский архив хранился в башне вместе с казной и сокровищами (45, с. 239). В Китае в 1534 г. было построено здание для императорс-

кого архива, которое сохранилось до настоящего времени (46, с. 3).

Оборудование архивов

В Месопотамии аккадское слово для обозначения библиотеки *girginakku* писалось *im-gú-lal*, где *im-gú* обозначало сосуд, т. е. скамья, на которой находится сосуд. Из этого можно сделать вывод, что методы хранения, которые использовались в библиотеках и архивах, были одинаковыми (56, с. 225).

Документы размещались на кирпичных выступах вдоль стен, на кирпичных лавках и деревянных полках, а также в кирпичных и глиняных нишах (наподобие шкафов). Контейнерами служили деревянные и кирпичные ящики, корзины и глиняные сосуды. Их использование зависело от носителей информации. В основном контейнеры использовали для мягких носителей. Глиняные таблички часто ставили на полке на ребро, в том числе в связках (4, с. 2—3; 56, с. 221—222).

О том, как хранились документы в Метрооне, можно только предполагать, потому что неизвестно, какая часть из них была на папирусе и какая на деревянных табличках. Предположительно таблички хранили в кувшинах. Документы на папирусе, как и в библиотеках, лежали в нишах (50, с. 112).

В средневековой Европе основными контейнерами для документов были сундуки (лари), ящики разных размеров, шкатулки и мешки. Во французской Сокровищнице хартий целый отдел так и называется «мешки». Кроме мешков, употреблялись другие формы упаковки: корзины, лукошки, связки и т. п. В богатых архивах сначала в Италии, позднее в других странах появляются шкафы (4, с. 136, 171).

ГЛАВА 6

Персонал архивов и документы по их организации

Персонал архивов

Первоначально обязанности архивиста возлагались по совместительству на какое-нибудь другое лицо. В древнем Египте главным архивистом считался визирь (50, с. 80—84). В Месопотамии архивистами были писцы, еще в школе получавшие навыки работы с документами. В вопросы, на которые они должны были отвечать на экзамене, был включен следующий (номер 11 из 16): «Как составить, закрыть в конверт и запечатать документ?» Поэтому естественно, что некоторым писцам поручали работу с большим числом накопленных документов. Это считалось особым знаком отличия и доверия. Должность архивиста была по своему рангу в той же категории, что и смотритель каналов, администратор складов и управляющий рабочей силой с окладом, равным половине оклада главного жреца. В то же время смотритель садов и глава полиции получали десятую часть такого оклада. Архивист был необходимой частью бюрократического аппарата, осуществляющего централизованное управление людьми и материалами. В Мари при Зимрилиме известно имя человека, который, по всей видимости, ведал архивом. Ясим-Суму возглавлял учетное ведомство и, как часть деятельности, отвечал за собрания документов в дворцовом комплексе (50, с. 31, 67—70).

В Афинах существовал ряд учреждений, где возникли архивы, в том числе центральный архив Метроон. Активная политическая и экономическая деятельность требовала постоянного обращения к собраниям ретроспективной информации. Это привело к необходимости выделять специального человека для ведения делопроизводства, который одновременно был секретарем и архивистом данного учреждения. Такие секретари были у Совета пятисот. Их обязанностью было ведение документации и хранение всех по-

становлений. Вряд ли они сами выполняли текущую архивную работу, поручали это своему помощнику, а собственно техническую работу осуществляли государственные рабы (4, с. 34—37; 50, с. 111).

В Риме во главе Эвария и затем Табулярия стояли лица в ранге квестора, но они сменялись ежегодно. Кроме того, должность квестора, ведавшего казначейством и архивами, была первой ступенью в списке почетных должностей Рима, и обычно ее занимали сравнительно молодые и неопытные люди (минимальный возраст был 28 и позднее 30 лет). Их связь с архивом была поверхностной.

Главную роль в Табулярии играли сcribes — руководящая группа постоянных чиновников на жаловании. Традиционное название («scribe» буквально означает «писец») в данном случае соответствовало должности секретаря высокого ранга. Именно сcribes были хозяевами в архиве. Через их руки проходили все справки и копии документов, выданные учреждениям и частным лицам. Это укрепляло их авторитет и влияние, но одновременно открывало простор для коррупции. Не случайно, что за сcribes утвердилась репутация взяточников.

Ниже сcribes по должности были табулярии и библиотекарни, которые выполняли основную работу по содержанию документов в порядке, их размещению в хранилище, поиску и снятию с них копий. Кроме того, в архиве использовались государственные рабы, обученные письму. Они выступали в качестве переписчиков и рассыльных, а также выполняли физическую работу (4, с. 50—51; 50, с. 80).

В непосредственной близости к императору находился его личный секретный архив, который был в ведении надежных и доверенных лиц, носивших название «нотарий секрета», «хартулярий» или «табулярий» (4, с. 58). Реформой Диоклетиана был назначен также особый «квестор священного дворца». Он должен был оформлять императорские декреты и, как считают некоторые исследователи, — отвечать и за их хранение (4, с. 60). В местах расположения войск для архивов военного командования и хозяйствен-

ных служб предусматривались должности актуариусов и хранителя воинского архива (4, с. 64). Провинциальными архивами ведали табулярии или делопроизводители (*commentarienses*), обычно вольноотпущенники и даже рабы (36, с. 112).

В средневековой Европе на самом раннем этапе вновь возникает имя Кассиодора, который как глава королевской канцелярии в 573 г. в последний год своей службы составил сборник образцов различных документов и государственных формул (составленный на основе подлинных актов и официальных писем от имени короля Теодориха) — один из первых формуляриев средневековой Европы (4, с. 122—123).

В монастырях архив обычно находился в ведении казначея, а в соборах — пономаря (соборного кистера) (34, с. 125). Нередко архивом ведал сам аббат (настоятель) (302, с. 16) или регент хора, который в иерархии монастыря был третьим лицом (258, с. 13).

В папском архиве уже при папе Юлии I (337—353) возникает должность протоскринитария (от *scrinium* — ларь, хранилище бумаг или книг) (28, с. 20). В VII в. служащие канцелярий одновременно были архивистами. Управление архивом осуществлял глава канцелярии или главный нотариус (4, с. 130). В 1612 г. на базе «Тайной библиотеки» был оформлен Тайный Ватиканский архив, которым ведал специальный префект, подчиненный кардиналу-архивисту (4, с. 200).

Архив Карла Великого хранился в дворцовой капелле в Аахене. Неизвестно, ведали им специальные лица или нотариусы и писцы императорской канцелярии. В одном из писем Алкуина было обнаружено упоминание о должности «скринитария» (4, с. 124). На раннем этапе средних веков, когда ушли поколения бывших римских чиновников и их учеников, архивистами, как в церковных учреждениях, так и при дворах правителей и знати, стали клирики, которые получали образование в церковно-монастырских школах и скрипториях (4, с. 128—129).

Позднее клириков стали заменять юристы, они занимались составлением, оформлением и хранением документов. Росла их специализация как нотариусов, руководителей канцелярий и архивистов. Должность хранителя архива постепенно становится профессией, которая иногда переходит по наследству от поколения к поколению (4, с. 141, 170).

Известны имена людей, которые занимались упорядочением и описанием «Сокровищницы хартий» во Франции. Некоторые работали в архиве длительное время и становились настоящими профессионалами. 27 апреля 1307 г. король Филипп Красивый в ходе реформы государственных учреждений поручил своему клерку Пьеру д'Этампу хранение и систематизацию документов в архиве. В результате в 1318 г. возник первый, дошедший до нашего времени инвентарь архива. В дальнейшем хранителями архива стали королевские нотариусы-секретари или секретари Счетной палаты. Наиболее известным из них был Жерар де Монтагю, который занимал должность руководителя архива в 1371—1391 гг. В XV—XVI вв. (с 1458 г.) архивом ведали представители трех поколений семьи Будо. Жерар де Монтагю создал до сих пор используемую систему систематизации и инвентарь (4, с. 145; 32, с. 1128; 43, с. 295—299, 309, 314—327).

В Англии в XIII в. королевский архив находился в ведении канцлера, но в это время в канцелярии уже существовала специальная должность хранителя свитков (Master of the Rolls). Он отвечал за состояние архива. Самые ранние из этих архивистов были Вильям Кукуэл, который отвечал за архив в 1215 г., Роджер Витчестер, который был назначен хранителем судебного архива в 1246 г. с годовым окладом 10 фунтов стерлингов, и Джон Киркби, который в 1265 г. получил 20 марок (4, с. 148—149; 36, с. 135—136).

В местный архив специальный хранитель был назначен в 1194 г. Это было собрание долговых обязательств евреям. В 1190 г. толпа ворвалась в собор в Йорке, где они хранились, и сожгла их посреди церкви. В соответствии со статутом 1194 г. в дальнейшем долговые обязательства хранились в городском архиве в сундуке с тремя замками. Ключи по-

лучали два еврея, два христианина и клерк королевских представителей. Еврейские и христианские хранители ключей считаются первыми местными публичными архивистами. Они были известны как «хирографы». Хирограф обычно избирался жюри, назначался еврейскими судьями и приносил присягу о верной службе (36, с. 136—137).

Королевский архив в Испании получил постоянного архивиста в 1545 г., когда был создан архив в крепости Симанкас. С 1561 по 1811 г. архивом управляли несколько поколений семьи Айала, для них эта должность стала наследственной. Свои обязанности они выполняли по-разному. Среди них были дельные и образованные люди, такие как Дьего де Айала, но были и менее достойные (4, с. 190—191; 44, с. 91).

В Германии княжеские архивы были секретными по политическим соображениям, и их возглавляли доверенные лица князя — архивариусы (9, с. 314—315). В Австрии архивист был назначен в королевский архив в Инсбруке в 1524 г., им стал по поручению эрцгерцога Фердинанда его секретарь и регистратор Вильгельм Путч. В 1527—1547 г. он привел в порядок оба архива в Вене и Инсбруке и составил их инвентари соответственно в пяти и четырех томах (42, с. 12).

Городские архивы обычно находились в ведении секретаря, хотя ответственность за него несли также мэры и казначей. Постепенно в крупных городах устанавливались должности городских архивариусов (4, с. 155, 159). Во Франции в Кольмаре был назначен архивист, который назывался «регистратор». В результате возник инвентарь — том ин-фолио объемом в 626 страниц. Затем после систематизации архива он был переработан в новый инвентарь в трех томах. Подлинное призвание архивиста проявил врач Пьер Луве, который в 1658 г. ресистематизировал архивы Тулузы, в следующем году — архивы Бордо, затем вернулся в Тулузу, в 1662—1663 гг. работал над инвентарем архива Монпелье и, наконец, в 1668 г. составил инвентарь архива города Вильфранш-сюр-Сон (37, с. 26—27).

В Кремоне хранителем архива был нотариус, избираемый генеральным советом четырехсот. Он имел ряд обязаннос-

тей, определенных уставом. Состоя в своей должности один год, он должен был: систематически требовать от всех чиновников коммуны книги и записи актов, выпущенных ими за время их службы; составлять каталог поступающих в архив материалов; распределять их по четырем отделам архива, соответственно районам города, пригорода и дистрикта, т. е. по четырем «воротам» Кремоны; делать копии с документов каждому, кто бы к нему ни обратился, причем бесплатно. За год службы хранитель архива получал жалование в размере 20 сольдов (2, с. 32—33).

В Польше за городской архив отвечал секретарь, который одновременно возглавлял городскую канцелярию. Нередко секретарем был клерк с университетским образованием. В некоторых городах архив доверялся помощнику секретаря, названному «регент». В некоторых городах, наиболее значительных, муниципальные документы находились в ведении синдика. В его обязанности входила юридическая защита интересов города во всех случаях, когда было необходимо, в том числе перед королевским трибуналом. Поэтому синдик был поручено хранение документов о привилегиях города. Все эти архивные обязанности выполнялись различными лицами по совместительству. Только в первой половине XVII в. впервые была создана должность городского архивиста, как, например, в Гданьске. Он выбирался из секретарей канцелярии, и его деятельность полностью отделялась от ее работы. Позднее примеру Гданьска последовали другие города, но в основном положение оставалось без изменений (37, с. 75—76).

В Византии существовали чиновники, в обязанности которых входило только хранение документов. Они назывались по-разному, потому что их функции не были четко оговорены: хартулярии, хартофилаки и табулярии. В одной из грамот Алексея I Комнина говорится об обязанностях хартофилака в основном как хранителя документов (4, с. 116).

На Руси за царский архив отвечал печатник, т. е. лицо, которое распоряжалось «Большой печатью». Это были Вис-

коватый и братья Щелкаловы (6, с. 11; 27, с. 152—163). Приказные архивы не имели особых архивистов (17, с. 90).

В Пскове архивом, который помещался в ларе, заведовало особое лицо, называемое ларником. Ларник был не только хранителем документов. Он был также облечен полномочием на удостоверение совершенных актов печатью (16, с. 44; 17, с. 60—61). В Соловецком монастыре архив был выделен в самостоятельную службу и получил отдельного хранителя в первой половине XVI в. (23, с. 60—61).

В арабо-мусульманском мире архивное дело было прекрасно развито. Поэтому там в XI в. возникло пособие, в котором рассматривались обязанности архивиста. Оно принадлежало Ибн ал-Сайрафи (1071—1147), который длительное время возглавлял канцелярию султана в Египте. Пособие рассматривало все стороны работы канцелярии, начиная с ее руководителя, но отдельные главы были посвящены обязанностям регистратора в канцелярии и архивиста. Э. Познер называет его старейшим профессиональным описанием архивной работы. Главная задача регистратора заключалась в ведении учета входящей и исходящей корреспонденции и подготовке их обзоров для руководства с указанием точных данных о том, от кого и когда были получены письма. Работа архивиста естественно заключалась в организации фонда и контроле за хранением документов. Входящие письма он получал от регистратора с данными о прибытии и подготовке ответа. Эти письма собирались ежемесячно в географическом порядке. Месячная порция получала, например, такое обозначение: «Корреспонденция, прибывшая из провинций Нижнего Египта в такой-то месяц». Аналогичную метку получали подборки исходящих писем.

Каким, по мнению Ибн ал-Сайрафи, должен быть архивист? Честным, здравомыслящим и достойным доверия. Его верность должна быть очевидной без всяких сомнений, так как у архивиста в руках «бразды управления». Его не должна соблазнять никакая взятка. В качестве иллюстрации Ибн ал-Сайрафи приводит случай из своей практики. Его

помощнику архивисту Ибрагиму предложили огромную взятку только за то, чтобы он переставил определенное дело в другое место. Такая заставка в хорошо организованном архиве исключительно большого размера была равносильна его утрате. Испуганный Ибрагим доложил об этом случае начальству, которое немедленно предприняло расследование. Дело оказалось докладом бывшего инспектора по налогам, на который ранее никто не обращал внимания. Из него следовало, что собственность человека, предлагавшего взятку, не получила должной оценки с налоговой точки зрения, и он уклонился от уплаты налога за нее. Это стоило казне огромной суммы денег. Виновник был достойно наказан и вынужден вернуть сумму, ранее невыплаченную (51, с. 302—303).

В Китае во времена династий Шан и Чжоу при дворах правителей и князей имелись специальные чиновники «шигуань», в их обязанности входило собирать и хранить литературные произведения и архив. Эти чиновники являлись также историографами, которые должны были записывать сведения о важнейших событиях при дворе, речи правителя и князей и сведения о деятельности правительственных учреждений. Иными словами, они были техническим персоналом. Их специально обучали для того, чтобы они писали, копировали, читали и хранили официальные документы. Значимость историографов определялась их способностью производить и передавать документы, а также тем, что они могли убежать вместе с документами, которые были поручены их хранению. Такие случаи были известны в истории Китая. Последние историографы династий Ся и Шан бежали к победителям — соответственно к Шан и Чжоу вместе с документами гибнущей династии. Литературные источники оправдывали историографов и возлагали всю вину на правителей. Однако их побеги вместе с документами означали, что документы, которые они приносили с собой, имели ценность для соперников и могли способствовать падению или ослаблению династии (13, с. 31; 54, с. 7—9).

Сыма Цянь в «Исторических записках» сообщает, что хранителем дворцового архива Чжоу был Лао-цзы (22, т. 7, с. 38).

Правила, инструкции и пособия по организации архивов

Ведущие цивилизации древнего мира обладали письменностью. Функционирование экономики и правительства зависело от создания и сохранения документальных сведений. Уже в древнем Египте и Месопотамии все подлежало учету и инвентаризации (50, с. 78—79). Однако сохранившиеся правила и инструкции по организации архивов — более позднего происхождения.

Первый монастырский устав Европы, составленный основателем старейшего монастырского ордена Бенедиктом Нурсийским, довольно детально регламентирует монастырское делопроизводство, устанавливая подробное документирование как вопросов, связанных с вступлением в монастырь и пребыванием в нем монахов, назначением аббатов и их сношениями с епископом, так и разных сторон хозяйственной деятельности монастырей и учета материальных ценностей. Таким образом, в этом уставе предвосхищается содержание будущих монастырских архивов (4, с. 131).

Одна из первых известных в истории архивного дела инструкций была составлена в 1588 г. для испанского королевского архива в Симанкас (4, с. 190; 44, с. 91).

В XVI в. появляются книги об архивах. Одна из самых ранних принадлежала Якобу фон Раммингену из Штуттгарта. Его трактат под названием «О регистратуре, ее устройстве и управлении» вышел в Гейдельберге в 1571 г. Рамминген отводит регистратуре, т. е. архиву (слово «архив» получило распространение в Германии главным образом в XVII в.), очень высокое место в государстве наравне с канцелярией государя и финансовой палатой. Он предлагает делить документы на три большие группы: дела о государе (*causae domini*), дела о подданных (*causae subditorum*) и дела

по внешним сношениям (*causae extraneorum*), а внутри них на дела, относящиеся к предметам (*realia*) и лицам (*personalia*).

В 1632 г. в Венеции вышла «Книга об архивах» Балтазара Бонифация. Автор предлагал располагать архив сначала по местностям, затем по предметам и, наконец, по хронологии (4, с. 204—205).

Руководство Ибн ал-Сайрафи было описано ранее в параграфе, посвященном персоналу архивов. На основе этого руководства было составлено пособие по работе секретаря. Его автором был ал-Калкашанди, который служил в государственной канцелярии мамлюкских султанов (ум. в 1418 г.). Это пособие не было доведено до конца, но и в таком виде занимало 2000 страниц, написанных мелким почерком. Автор переписал многие документы из архивов для иллюстрирования своих мнений в спорных случаях (51, с. 303).

БИБЛИОТЕКИ

ГЛАВА I

Прошлое библиотек

История библиотек

Появление библиотек, как одного из информационных институтов, является верхней границей бесписьменного и нижней границей письменного общества (77, с. 125). Почему сейчас в электронный век нужно знать о событиях такого далекого прошлого? Ведь ранее библиотеки были такими незначительными. Однако Э.К. Ричардсон в своей книге «Начало библиотек» (271) отметил, что простое и незначительное начало важно для понимания всей последующей эволюции, вплоть до современности. Понимание простого — необходимое условие для понимания сложного. Как и в естественных науках изучение клеточной структуры является условием проникновения в тайны существования всех живых существ, включая человека. За последнее время исследования наследственности на уровне ДНК с очевидностью показали справедливость этого тезиса.

При изучении эволюции библиотек, как и любого другого явления, знание ранних форм их существования может выявить идеи, которые позднее не получили должного развития. Хотя начало небольшое по размеру, оно все-таки является корнем будущего развития. Поэтому задача науки всегда заключается в том, чтобы проследить эволюцию явления для правильной оценки его последующего развития. Этот метод науки называется метафизическим или генетическим (271, с. 5—9). Такое рассуждение можно подтвердить конкретным примером из истории русских библиотек. Н.Н. Розов в статье об истории Кирилло-Белозерской библиотеки пишет, что на конкретных примерах он собирается показать, когда появились и как развивались некоторые формы современной библиотечной работы (104, с. 177).

Исследования истории библиотек породили огромную литературу на многих языках. Ее обзор по европейским средним векам К. Криста начинается с Исидора Севильского и доведен до середины XX в. (170, с. 157—252). Поскольку эта литература написана на многих языках, она труднодоступна для большинства библиотекведов и библиотекарей. Американский историк библиотек С.Л. Джексон называет это причиной, по которой он написал свою книгу (220, с. XIII), и что в определенной степени было также основанием для нашего проекта.

История древних и средневековых библиотек постоянно привлекает к себе внимание. В качестве примера можно привести симпозиум «Библиотеки в древности», который состоялся в Германии в 2007 г. (142). Кроме исследовательских работ, история библиотек стала сюжетом для научно-популярных книг, например А. Г. Глухова (73, 74) и для художественной литературы. Наиболее известные романы о библиотеках прошлого — «Видение розы» Умберто Эко и «Дуньхуан» Ясуши Инуэ. Вопрос о библиотеках и библиотекарях в художественной литературе, кинофильмах, прессе и Интернете подробно рассмотрен в диссертации М.Ю. Матвеева «Имидж библиотек как социокультурный феномен» (98, дис.).

Библиотеки по своей природе связаны с прошлым и подтверждают непрерывность развития (317, с. 140). Их эволюция неотделима от эволюции общества, науки, культуры и литературы. Они своего рода архив истории (269, с. 1158—1159). Библиотеки являются порождением культурной среды, которая подкреплялась библиотекой и на которую она имела влияние (302, с. 23—31). В древности библиотека отражала цивилизацию, в средние века сама подвергала цивилизацию воздействию, став одним из создателей средневековой цивилизации (302, с. 80—81).

Единство культуры определяло единое состояние библиотек. Это демонстрируют средневековые библиотеки исламского мира — Дамаска, Каира, Кордовы и других столиц арабского Востока (86, с. 38). В отличие от Европы в ислам-

ской цивилизации библиотеки имели более широкую основу. Их владельцами были не только монастыри и университеты, но и все категории населения: правители, образованные люди, купцы и горожане (149, с. 47).

Важной является также связь истории библиотек со всеобщей историей всех стран и времен (170, с. 40). Б.Ф. Володин подчеркивает, что это особенно касается истории русских библиотек. Их историю нельзя отделять от истории библиотек других стран. Основную идею своей книги «Всемирная история библиотек» он видит в рассмотрении истории библиотечного дела за рубежом и истории библиотечного дела в России (а ранее в СССР) как единой научной и учебной дисциплины (72, с. 6).

Возникновение библиотек

История библиотек — это история их востребованности обществом (72, с. 9—10). Они возникали, когда появилась потребность многократно использовать письменный текст. Рост потребностей в связи с развитием производительных сил, литературного и научного потенциала вел к созданию текстов, которые послужили основой для создания первых библиотек. Собрания текстов появились довольно рано, но в Месопотамии (одной из первых библиотечных цивилизаций, от которой благодаря прочному носителю информации — глине до нас дошло большое количество материалов), настоящие библиотеки появились после падения III династии Ура и шумеров в связи с необходимостью записи и хранения культовых, исторических и правовых текстов (56, с. 224—225).

Основной целью при их возникновении, как и в настоящее время, является сохранение и распространение знания. Согласно историку принципов библиотечного дела Дж.В. Томпсону это третий принцип, сохраняющий свое значение до настоящего времени. В течение столетий библиотека оставалась единственным общественным институтом, который

для каждого человека являлся устойчивой и организованной информационной базой (295, с. 207—208). Она должна была предоставить потребителю необходимую информацию в нужное время (47, с. 11).

Библиотеки возникли потому, что они стали местами памяти и письменной коммуникации. В них происходит суммирование старого и нового опыта, синтез информации. Поэтому при появлении библиотек их типовыми функциями были фондообразование (сбор и хранение) и обеспечение доступа к фондам, переход от их закрытости к доступности (72, с. 8—10).

Библиотеки правителей и храмов древнего мира были закрытыми. Свободный доступ возник только с появлением публичных библиотек в древнем Риме, в котором активная литературная деятельность привела к необходимости поиска пути доведения новых произведений до публики, кроме принятых публичных чтений. Так возникли публичные библиотеки. Отсюда поручение Цезаря Варрону, которое удалось осуществить Азинию Поллиону уже при Августе. Публичные библиотеки стали средой общения. В дальнейшем их создавали императоры и граждане. В мусульманской среде с ее культом знания публичные вакфные библиотеки получили самое широкое распространение.

Библиотеки возникли потому, что появились читатели, когда чтение в отличие от слушания стало методом передачи информации в обществе. Цивилизованный человек — это существо читающее. Когда китайцы начали читать, их цивилизация расцвела. Библиотеки появились как база чтения, как переход от словесного мира к письменному.

Возникновение библиотек связано и с тем, что появилась потребность копировать тексты, многократно повторять копирование, сохранять и передавать литературные и школьные знания (240, с. 23).

Библиотеки появились в лоне архивов и длительное время, в том числе в средние века, могли составлять с ними

единое целое. Они возникли, когда в документальном собрании появились литературные тексты наряду с хозяйственно-административными. В Месопотамии «библиотека» — это большой литературный архив, подобный коллекции Ашшурбанапала (56, с. 217). Подлинное различие между архивами и библиотеками возникло только к концу римского периода (235, с. 18).

В монастырях архивы и библиотеки начали разделять с IX в. Старейшая опись отдельно для архива и библиотеки была составлена в Боббио при аббате Вала (833—835) (296, с. 615). В папском архиве окончательное разделение архива и библиотеки произошло только при Сиксте IV (1471—1484) (4, с. 175).

В Китае было принято хранить книги и документы совместно, так как книги на исторические, религиозные и морально-этические темы считались необходимыми пособиями в управлении. Поэтому книги обычно хранились при правительственных учреждениях, которые создавали документы (4, с. 79; 54, с. 13). При императоре У-ди династии Хань имелось несколько хранилищ. В них хранились произведения письменности: книги и документы (78, с. 221). Однако стремление восстановить книжный фонд, утраченный при циньском Ши-Хуане, в конечном счете привело к созданию отдельной императорской библиотеки и ее каталога (54, с. 13). При династии Тан текущий и исторический архив Тайшицзюй уже был подчинен библиотеке (20, кн. 2, с. 157).

Библиотеки возникли как символы и центры власти, как инструменты управления. Власть всегда ощущала политический потенциал библиотек. Поэтому диадохи — наследники Александра Македонского, все были основателями больших библиотек. В Риме публичные библиотеки также были созданы императорами по политическим соображениям. В Китае правительство всегда поддерживало библиотеки, восстанавливало их после гибели при сменах династий как необходимое дополнение к учености и управлению государством (72, с. 20; 295, с. 86—90, 208—209,

218—219; 302, с. 78; 304, ч. 2, с. 50—53, ч. 3, с. 113; 310, с. 7—8).

Возникновение библиотек связано и с религиозными институтами. На древнем Востоке храм и его школа были первоначальными центрами интеллектуальной и образовательной деятельности. В результате в них появились собрания литературных текстов, т. е. библиотеки. Даже связь библиотек с дворцами правителей объяснялась тем, что правители, как, например, в древнем Египте, считались богами. Вплоть до XVIII в. н. э. библиотеки в основном создавались с религиозными целями. Александрийский Мусей был храмом Муз — олимпийских богинь, дочерей Зевса и Мнемосины. Поэтому и к Александрийской библиотеке относились как к хранилищу божественной мудрости и божественного закона (160, с. 108; 184, с. 4; 304, ч. 1, с. 9—10; 321, с. 4, 176—177).

В средневековой Европе связь библиотек с культовыми местами сохранялась. Идеологическая функция библиотеки заключалась в подчинении христианской идее и государству (66, с. 12). Основными создателями библиотек стали монастыри. Уже Пахомий Великий (ум. 346 г.) — основатель монастырей в своих правилах (§ 81 и 100) дал предписания о заботливом содержании и хранении книг, что послужило основой для появления библиотек (163, с. 6). Св. Бенедикт не предполагал сделать своих монахов учеными, и помещения для библиотеки не упомянуты в его правилах. Однако ежедневное обязательное чтение в определенные часы и ежегодное распределение книг для этого чтения вслух при трапезах предполагало и вело к появлению библиотек в бенедиктинских монастырях (236, с. 2). Возникновение новых религиозных орденов также способствовало возникновению библиотек. Миссионерство, особенно на Севере, в ранние средние века вело к необходимости обучать и как следствие использовать для этого книги и библиотеки. В результате уже со времен Каролингов возникло правило: «Монастырь без книжного шкафа как замок без арсенала». По письмен-

ному источнику эта норма датируется 1170 г. (236, с. 2, 21, примеч. 6).

В странах, которые принимали христианство, библиотеки возникали при церквях и монастырях в связи с потребностями книжности, богослужения и церковного образования. Так произошло в Эфиопии (102, с. 133) и на Руси.

В арабо-мусульманском мире как религиозные центры, так и места обучения, собраний, встреч и поэтических чтений были естественным местом для возникновения первых библиотек. В связи с определенной иерархией мечетей в каждом городе или другом населенном пункте обычно самая крупная мечеть имела самую большую и полноценную библиотеку. Библиотека мечети обычно начиналась с собрания Коранов. При возникновении мечети было принято приносить ей в дар многочисленные книги Корана полностью или по частям (132, с. 217; 148, с. 253, 255; 286, с. 49—50).

Библиотеки возникали и при буддийских храмах и монастырях. Как только буддизм получал поддержку государства, появлялись храмы и в них библиотеки. В начале VII в. инициатором их создания стал принц Сетоку, которому Япония обязана началом активной библиотечной деятельности (311, с. 10).

Первоначально, в первую очередь на Ближнем Востоке, библиотеки создавались коллективами, но постепенно, особенно в Греции и Риме, основателями выступали отдельные лица. Их становилось все больше. Возникли частные библиотеки, и в результате индивидуальный фактор почти сравнялся с коллективным (235, с. 2—3).

Особенность древней Греции заключалась в том, что в связи с демократическим строем и свободой граждан библиотеки создавались индивидуумами, а не коллективами (304, ч. 2, с. 42). Индивидуалистическая культурная среда не только создавала библиотеки, но и подкреплялась ими (302, с. 27—31). То же повторилось в Риме. Библиотечное развитие началось с частных библиотек, основателями которых были генералы, ученые, философы, поэты, ораторы и различные официальные лица (304, ч. 3, с. 103—111). В ранней

христианской среде Рима частные библиотеки также были первыми, хотя эти коллекции обычно состояли всего из нескольких книг. Первая церковь была построена в Риме только в 220 г. (304, ч. 4, с. 141).

На возникновение библиотек повлияла необходимость использовать собрания текстов в образовательном процессе. История библиотек — это часть истории образования. В конечном счете ее признали равной школе по образовательному потенциалу (170, с. 49, 53).

Значение библиотек в обществе зависело от того, насколько ценилось знание: общее, более широкое и узкое специальное. Это было связано с распространением грамотности и, таким образом, со школой. По мере увеличения грамотности населения появилась привычка читать, а это было стимулом для возникновения библиотек. В древнем Египте грамотным было не более 5% населения, а в Греции круг грамотных значительно расширился и соответственно увеличилось количество библиотек. В 1204 г. после взятия Константинополя рыцари насмеялись над грамотностью в виде издевательской процессии, в ходе которой несли перо, чернильницу и бумагу, но далее в XIII—XIV вв. влияние университетов привело к созданию нового типа библиотек — пультowych. Их целью было содействие образовательному процессу, а методом — всесторонний немедленный доступ к книгам (142, с. 99; 184, с. 5; 215, с. 60; 220, с. 1; 235, с. 11, 158; 236, с. 8).

Инициаторами создания библиотек стали философские школы древней Греции, особенно школа Аристотеля. В дальнейшем именно перипатетики были привлечены к организации Александрийской библиотеки.

Наконец, цели создания библиотек могли быть обусловлены моральными принципами — для души и получения удовольствия, т. е. отражали личные интересы культурных лиц (295, с. 86—90; 304, ч. 2, с. 43).

Важным фактором для возникновения библиотек были мир и процветание общества. Библиотеки создавались государством и разделяли его судьбу. В Китае библиотеки дина-

стии гибели вместе с ней и затем воссоздавались новой династией (267, с. 82; 295, с. 60, 204—205).

Определения и обозначения библиотек

Современное определение библиотеки дано в ГОСТ 7.0—99: «Информационное, культурное, образовательное учреждение, располагающее организованным фондом документов и предоставляющее их во временное пользование абонентам, а также осуществляющее другие библиотечные услуги» (п. 3. 1. 39).

М. Вейтемейер дает определение в применении к древней Месопотамии: «Библиотека, в отличие от архива, содержит продукцию умственной деятельности человека: библиотека — это коллекция различных произведений (религиозных, литературных, математических, правовых, филологических и др.), которые собираются с целью немедленного или более позднего использования группой лиц, которых обслуживает библиотека» (56, с. 218).

Согласно Р. Шартье слово «библиотека» может обозначать помещение, собрание текстов и каталогов (168, с. 107). В древней Греции оно обозначало любое хранилище письменных материалов. Однако с VI в. до н. э. оно было ограничено только литературными текстами (4, с. 37—38, 97). В конечном счете и в Греции, и в Риме слово «библиотека» стало обозначать и здание, и помещение, и собрание книг (189, с. 15, 96, примеч. 5). В Риме различие между ними приобрело правовой смысл. В начале III в. римские юристы обсуждали вопрос о том, имеются ли в виду в завещаниях на библиотеки книги или только шкафы (*armaria*), в которых они находятся (189, с. 26). В том же ключе этот вопрос рассмотрен в «Своде гражданского права» в «Дигестах». Вопрос заключался именно в том, что имеют в виду завещания под словом «библиотека»: мебель или книги (163, с. 136). Кроме того, слово «библиотека» могло обозначать энциклопедию или антологию, например «Библиотека» Фотия, т. е. не собрание книг, а собрание рефератов и выдержек (302, с. 67).

Постепенно вместе со словом «библиотека» стала устанавливаться терминология для обозначения основных библиотечных процессов. Хотя Н.Н. Розов считает, что применение современных терминов типа «комплектование», «учет» и др. условно в отношении к древнерусским библиотекам (104, с. 177, сноска 2), в древнем Риме эта терминология уже установилась достаточно прочно. Так, в работе «Об архитектуре» Витрувия (начало I в. н. э.) имеется ряд терминов для обозначения библиотечных процессов, набор которых в целом вполне сопоставим с современным: «*comparare*» («приобретать» — доставлять, приобретать путем покупки или копирования), «*supplere*» (дополнять тексты неполных произведений), «*disponere*» (приводить в порядок, включать в фонд новые поступления), «*digerere*» (расположение, инвентаризация, в том числе каталогизация, изготовление библиотечных этикеток для свитков) и т. д. (310, с. 27—28).

Библиотека по-аккадски называлась *girginakku* (заимствованное шумерское слово; пишется IM. GÜ. LA). Оно засвидетельствовано в новоассирийских и очень редко в нововавилонских текстах (8, с. 29).

Египетские термины *pr-md; t* (дословно «дом книжных свитков») и *pr-md; t-ntr* («дом книжных свитков бога») встречаются уже в текстах Древнего Царства. Они значили одновременно «архив» и «библиотека». Определить точно, какое именно из этих значений они имеют в каждом конкретном случае, можно лишь из контекста. Наилучшее доказательство находится в храме Эдфу, где выражение «дом книжных свитков» находится в надписи на стене вместе со списком заглавий книг, которые находились в нем (87, с. 50; 160, с. 85).

У персов в зороастрийских книгах III — IX вв. н. э. упоминаются две крупнейшие древние библиотеки Ирана и Средней Азии «Гандж Шапиган» и «Диз-и Нипишт», что в переводе с древнеперсидского значит «Сокровища Шапиган» и «Дом записей», или «Крепость записей». Библиотека Сасанидского правителя Шапура I (241—272) называлась

«Королевская Сокровищница». В ней хранились тексты Авесты и другие книги (136, с. 268—272).

Греческое слово «библиотека» по своему составу совершенно очевидно. Исидор Севильский в «Этимологиях» пишет: «*nam βιβλίων libroꝝ ἑκῆς repositio interpretatur*» («ведь *βιβλίων* значит книг и *ἑκῆς* — хранилище»). От ящика или шкафа хранилище постепенно расширилось до здания. Слово употреблялось также для обозначения архивов, поскольку слово *βιβλίον* обозначало любой исписанный свиток независимо от того, было его содержание литературным или деловым. Слово *ἑκῆς* происходит от *τιθῆμι* со значением «место», т. е. библиотека — это любое место, где находятся книги (183, с. 420; 204, с. 52—54).

В средневековой Европе для обозначения библиотек употреблялось несколько слов. В монастырях это чаще всего были «*armarium*» («шкаф») и «*bibliotheca*». Позднее в XIV—XV вв. стали использовать слова «*libreria, liberei*». При этом последние слова применялись только для обозначения собрания книг, а не помещения, в котором они находились (236, 2, 21, примеч. 9). В Китае с упором на хранение библиотеки именовались «книгохранилищами» (95, с. 178).

В арабо-мусульманском мире до X в. библиотеки называли «Байт ал-хикма» («Дом мудрости»). Данный тип библиотек находился при дворцах правителей. В X в. в арабском халифате широкое распространение получили библиотеки типа «Дар ал-илм» («Дом науки»), в которых хранение книг и обслуживание читателей сочеталось с преподаванием и обучением (86, с. 39). При ал-Мамуне (813—833) дворцовая библиотека называлась «Дом мудрости», но при ал-Мустасиме (833—842), когда резиденция халифа переместилась в Самару, библиотеку, которая осталась в Багдаде, предпочитали называть «Сокровищницей» или библиотекой «ал-Мамуна» — хизанат ал-Мамун (132, с. 182—183). Библиотеки мечетей в большинстве случаев назывались именами мечетей, в которых они находились. Наконец, многие библиотеки назывались по именам их основателей или тех лиц, кто больше способствовал их росту и содержа-

нию, например, Мансурия, Ахмадия и т. д. (286, с. 87—88). В Индии библиотеки называли «*Saraswathie Bhandar*» — «Жилище богини мудрости» (265, с. 15).

На Руси термин «библиотека» не привился вплоть до XVIII в. В основном установился термин «книгохранительница». Как отмечает М. И. Слуховский, этот термин в различных вариантах продержался до Отечественной войны 1812 г. Применяли также слова «книгохранилище», «книгохранилица», «книгохранительница», «книгохранилия» и словосочетания «книжная хранительница», «книжная казна», «крепостная казна» или просто «казна». Иногда вводились слова «книжная палата» или «палатка», в старом значении «комната». В Соловецком монастыре «книжной (или книгописной) палатой» называли скрипторий, а библиотеку при ней (своего рода резервно-обменный фонд для обмена и продажи книг паломникам) — «книгохранительной казной» (106, с. 157; 108, с. 320—321; 119, с. 6—8).

ГЛАВА 2

Виды библиотек. Библиотеки правителей. Государственные и частные библиотеки

Виды библиотек

Б. Ф. Володин в своей «Всемирной истории библиотек» справедливо отмечает постоянную изменчивость типологии библиотек и их функций в зависимости от страны и времени (72, с. 11—12). Так, на древнем книжном Востоке основными видами библиотек были храмовые и дворцовые (библиотеки правителей), хотя были также частные и школьные; в Китае — дворцовые, учебные и частные; в исламских странах — дворцовые, вакфные (общедоступные), учебные и частные; в средневековой Европе — церковные или монастырские, дворцовые, учебные и частные. При этом на передний план

выходил то один, то другой вид в зависимости от того, какой вид знания в большей степени был востребован обществом в целом и пользователями каждой конкретной библиотеки. Можно говорить и о различиях библиотек по объему фондов: большие библиотеки — в Месопотамии, эллинистическом Египте и имперском Риме, небольшие — в древнем Египте, классической Греции и во время раннего христианства.

Причина, по которой частные библиотеки рассматриваются в одной главе с дворцовыми, заключается в том, что библиотеки правителей были разновидностью частных. Они полностью зависели от воли и вкусов правителя и имели династический характер, т. е. переходили по наследству. Для государя собирание библиотеки, кроме того, что он, конечно, мог быть библиофилом, являлось также актом престижа с идеологическим подтекстом. В ходе эволюции правителям просто полагалось иметь хорошую библиотеку, которая была бы образцом для знати и всего ученого мира (132, с. 183—184).

Библиотеки правителей

От древнего Египта мало что сохранилось. Единственным доказательством того, что у фараона Аменхотепа III была библиотека, является фаянсовая табличка — ярлык книги, на которой указаны имена фараона, его супруги и название книги. Таким образом, какое-то количество книг у фараона было, но вопрос о том, была ли это библиотека, — спорный. То же можно сказать о предполагаемой библиотеке Рамзеса II. Речь идет о свидетельстве грека Диодора Сицилийского, посетившего Египет в I в. до н. э. Он рассказывал о развалинах дворца фараона Осимандиаса (в настоящее время установлено, что это был Рамзес II) в Фивах, в котором он видел помещение бывшей библиотеки. У входа в нее была высечена надпись «Аптека для души». Проблема та же, что и в случае с фаянсовой табличкой Аменхотепа III. Исключать наличие библиотеки, хотя бы храмовой, нельзя, но и определенные доказательства отсутствуют (71, с. 64; 160, с. 94; 304, ч. 1, с. 12).

Самой значительной в Месопотамии была библиотека ассирийского царя Ашшурбанапала, но и до него правители Ассирии создавали библиотеки. Тукульта-Нинурта I (1243—1207 гг. до н. э.) грабил библиотеки в вавилонских городах для пополнения своих коллекций. При Тиглатпаласаре (ок. 1114—ок. 1076 гг. до н. э.) в Ашшуре образовалась библиотека в подлинном смысле этого слова. При Саргоне II, Синхерибе и Асархаддоне крупная царская библиотека образовалась уже в Ниневии. Библиотека Ашшурбанапала была завершающим этапом этого процесса (8, с. 51; 240, с. 27).

Библиотека Ашшурбанапала погибла вместе с Ниневией в 612 г. до н. э. и в 1853 г. была открыта вновь. Это была прекрасно организованная библиотека, таблички которой имели библиотечный штамп: «Дворец Ашшурбанапала, царя Ассирии, царя четырех стран света» (8, с. 51—53).

В Богазкее была обнаружена библиотека правителей хеттского государства. Она была организована по той же методике, что и библиотека Ашшурбанапала (48, с. 29—30; 71, с. 66; 254, с. 55—56).

В древней Греции известны две библиотеки тиранов: Поликрата на Самосе и Писистрата в Афинах в VI в. до н. э. При персидском нашествии библиотека Писистрата была вывезена в Персию, но затем возвращена в Афины. Она стала своего рода образцом для Александрийской библиотеки Птолемеев и для ранней христианской библиотеки Памфила в Кесарее (204, с. 54—56; 266, с. 100—104).

Александрийская библиотека — самая знаменитая библиотека древнего мира. Ее слава достигла нашего времени и выразилась в том числе в том, что в Александрии на ее месте вновь была создана уже современная библиотека с ее названием. Количество публикаций о ней, в том числе электронных, огромно. Особенно много их появилось в связи с основанием новой Александрии. Нужно отметить и статью А.И. Черного на «Международном форуме по информации» в 2006 г. (134). В 1974 г. появился обзор только немецких исследований вопроса об Александрийской библиотеке за 1955—1971 гг. (202). Многие из статей не сообщали ниче-

го нового и фактически были популярными пересказами общеизвестных фактов. В целом в настоящее время об Александрийской библиотеке можно писать только тогда, когда обнаружен какой-либо новый факт. Другого рода работы нельзя считать научными.

Александрийскую библиотеку создали македонцы, а не греки. Александр получил греческое воспитание у Аристотеля, но он не был греком, и его царское поведение было восточным, а не греческим. Достаточно упомянуть убийство Клита, который спас ему жизнь в битве, за то, что он отказал Александру в прострации. Отсюда восточные корни Александрийской библиотеки. Некоторые исследователи пытались связать ее с древнеегипетскими «домами жизни» и даже с библиотекой Ашшурбанапала (284, с. 148—166; 304, ч. 2, с. 52).

Основателями Александрийской библиотеки были Птолемей I Сотер и его сын Птолемей II Филадельф, а фактическими исполнителями — Деметрий Фалерский и Стратон из Лампсака. Считается, что в устройстве библиотеки Птолемей Филадельф подражал Писистрату, но в основном это был перенос в Александрию идеи учебного и научного центра из Ликия и Академии (326, с. 13—14). Мусей был своего рода научно-исследовательским институтом в филологических, естественных и медицинских науках, а библиотека — его научным подразделением, как и в современных научных центрах. Одновременно Мусей был храмом, как и храм Сераписа. Храм также имел библиотеку, которая входит в общую историю Александрийской библиотеки. Наконец, Мусей и его библиотека имели царский характер. Они были частью царского квартала, и цари пользовались ими для собственного удовольствия и государственной пользы (204, с. 64—65; 220, с. 11; 304, ч. 2, с. 54—56).

Основные уроки Александрийской библиотеки, которые привели к сохранению ее образа до настоящего времени, состояли в том, что она:

- создала образец национальной библиотеки по составу фонда и библиотечной технологии;

- показала, что научная библиотека является необходимой частью научной работы;
- создала свой библиографический аппарат, что привело к возникновению идеи национальной библиографии (183, с. 20).

Пример Птолемеев был заразительным, и эллинистические правители всюду стремились создать собственные библиотеки. Такие библиотеки возникли в Пелле (Македония), Антиохии (Селевкиды), Понте (Митридат Евпатор) и в Пергаме (Атталиды). Библиотека в Пергаме считалась даже соперницей Александрийской. В конечном счете судьба этих библиотек была плачевной. Пергамскую библиотеку Антоний подарил Клеопатре в качестве вознаграждения за утрату основной Александрийской библиотеки во время войны египтян с Цезарем, а три другие стали военной добычей римлян: македонская в 168 г. до н. э. досталась римскому полководцу Эмилию Павлу, библиотека Селевкидов в 86 г. до н. э. — Сулле и библиотека Митридата Евпатора в 70 г. до н. э. — Лукуллу (204, с. 88—95).

В Риме императоры имели свои частные библиотеки, которые находились в различных резиденциях вне Рима (157, с. 154; 304, ч. 3, с. 119—121).

У персов наиболее ранние сведения о царских библиотеках Ахеменидов относятся к эпохе правления Ксеркса (486—465 гг. до н. э.). Именно Ксеркс при взятии Афин в 480 г. до н. э. захватил в качестве трофея библиотеку Писистрата и отослал ее в Персию, где она хранилась в течение 168 лет во дворце ахеменидских царей. Ее вернул в Афины в 312 г. до н. э. Селевк I Никатор. Все это время местом хранения захваченных греческих книг была дворцовая библиотека (136, с. 268—269). В сасанидскую эпоху дворцовая библиотека была известна как Королевская сокровищница. Это было место хранения текстов Авесты и других собранных книг (136, с. 272).

В средневековой Европе библиотеки правителей получили широкое распространение, но это произошло не сразу. Карл Великий имел дворцовую библиотеку. В ее созда-

нии несомненно принял участие Алкуин, который находился при дворе Карла с 781 г. Создание библиотеки имело целью собирание важнейших текстов в правильной форме для их копирования и распространения по территории королевства, т. е. цель была образовательной. Сыновья и внуки Карла также обладали книжными вкусами, но в дальнейшем при Каролингах в этой сфере возник застой. Некоторый расцвет придворных библиотек наблюдался в Х в. при Оттонах, особенно после того, как в 962 г. Оттон I получил титул императора. Это привело к культурной ориентации на Италию. В основном, однако, Оттоны не столько собирали собственные библиотеки, сколько дарили роскошные рукописные книги монастырям (204, с. 336—342; 278, с. 29—32).

В XIII—XV вв. библиотеки правителей (королей, принцев, князей) имели большее распространение. Император Фридрих II Гогенштауфен был известным покровителем ученых и книжного дела. Есть все основания считать, что у него была библиотека, но какие-либо определенные сведения о ней не сохранились. Карл Анжуйский (1266—1285) имел библиотеку как часть сокровищницы. Она существовала вплоть до его внука Роберта Мудрого (1309—1343), который был покровителем Петрарки. О короле Кастилии Альфонсе Мудром (1252—1284) известно, что он был писателем, историком и ученым, который роскошно оформлял книги со своими произведениями. Больше ничего не известно о его библиотеке, но сохранились списки книг, которые он одалживал в монастырях (204, с. 459—461).

В немецкой зоне первое книжное королевское собрание принадлежало Карлу IV в Праге. Его сын Венцель также был известен как один из наиболее значительных библиофилов. Однако достаточно конкретные сведения об их библиотеках отсутствуют. Более определенная информация имеется о библиотеке Максимилиана I (1493—1519). Он был настолько известным покровителем библиофилии, что современное общество библиофилов носит его имя. В 1523 г. был составлен инвентарь библиотеки в Инсбруке (278, с. 51—52).

Во Франции королевская библиотека возникла только при Карле V, когда оформились вкусы, впервые заявившие о себе при Людовике Святом. Сам Людовик Святой не был собирателем рукописей (11, с. 438—440). Однако начало королевской библиотеки, возможно, было связано с именем короля Иоанна Доброго, который после поражения оказался в плену у англичан. Франция обязана ему не только появлением библиотеки, но и тем, что он породил трех сыновей, которые создали библиотеки своего времени: короля Карла V, герцога Беррийского Иоанна и герцога Бургундского Филиппа Смелого. Карл V имел книги во всех резиденциях, и во время поездок возил их с собой в деревянных сундуках. Имеются инвентари его библиотеки. Во время Возрождения именно королевская библиотека стала центром библиотечного развития в стране. В 1485 г. в нее влилась часть библиотеки арагонских королей Неаполя, которая досталась в качестве военной добычи королю Карлу VII, а в 1500 г. Людовик XII также как военную добычу поместил в ней библиотеку миланских герцогов из Павии, где находились остатки библиотеки Петрарки. Эта библиотека находилась в Блуа. Франциск I основал королевскую библиотеку в Фонтенбло и туда в 1544 г. была переведена также библиотека из Блуа. В результате королевская библиотека сосредоточилась в одном месте (183, с. 548—549; 296, с. 415—422, 441—449).

С королевской библиотекой соперничала библиотека герцогов Бургундских. Она стала особенно знаменитой при герцоге Филиппе Добром (1420—1467). После гибели Карла Смелого и расчленения Бургундии в 1477 г. библиотека досталась его дочери Марии, но ее супруг австрийский Максимилиан продал книги, так как всегда нуждался в деньгах (83, с. 123; 296, с. 428—432).

У английских королей были книги, но королевские библиотеки не возникли. В XIV в. Эдуард III, хотя его воспитание происходило под руководством Ричарда из Бери, был человеком действия без особых литературных интересов. Только в начале XV в. среди английских королей появились

любители книг. Это были Генрих IV, Генрих V, Эдуард IV и Генрих VI. Тем не менее о королевской библиотеке ничего не известно (296, с. 401—413).

В Испании короли Арагона, а также Кастилии и Леона на протяжении XIV—XV вв. проявляли интерес к книгам. В 1479 г. королевства объединились. Изабелла Кастильская (1474—1504) унаследовала книжные интересы от своего отца Хуана II (1406—1454). В настоящее время в архиве Сима́нкас сохранились инвентари собственных книг королевы (255, с. 251—256).

В Австрии одним из первых собирателей книг был герцог Альбрехт III (ум. 1395 г.). В XV в. эту традицию продолжил император Фридрих III (ум. 1493 г.). Однако в 1575 г. императорская библиотека была признана придворным управлением и получила своего руководителя (299, XII, 4).

Несколько крупных библиотек правителей появилось в Италии в период Возрождения в XIV—XV вв. Этот этап возник после «времени страстных желаний», самым ярким представителем которого был Петрарка (296, с. 509). Одна из первых таких библиотек принадлежала миланским герцогам Висконти-Сфорца. Она находилась в одной из башен кирпичного дворца в Павии и включала наиболее значительные рукописи Петрарки. Как было отмечено ранее, в 1500 г. эту библиотеку перевезли во Францию в Фонтенбло (204, с. 525; 296, с. 552—559).

Значительной библиотекой обладали Д'Эсте, правители Феррары. Эта библиотека достигла расцвета при Николо III (1384—1436). Сохранился ее инвентарь 1436 г. В 1598 г. библиотеку перевели в Модену, где она хранится и сейчас (204, с. 525; 296, с. 528—533). Не менее известной была библиотека Гонзага в Мантуе. Имеются свидетельства, что Гвидо Гонзага (1360—1369) был связан дружескими и литературными узами с Петраркой. Его библиотека получила дальнейшее развитие при его наследнике Людовике I (1370—1382) и достигла расцвета при Людовике II (1445—1475) (296, с. 533—536).

Библиотека Медичи возникла при Козимо (1389—1464) и достигла расцвета при Лоренцо Великолепном (1469—1492). В дальнейшем она переезжала с места на место, но в конечном счете вернулась во Флоренцию, где находится до сих пор в здании, которое было построено Микеланджело (296, с. 544—552).

Самой же знаменитой и значительной библиотекой правителей итальянского Возрождения является коллекция урбинского герцога Федерико да Монтефельтро (1422—1482). Ее инвентарь был составлен в 1482 г. сразу после смерти владельца, который ставил своей задачей создание исчерпывающего фонда текстов для подведения итогов существующего знания. В 1658 г. папа Александр VII купил библиотеку и перевез ее в Ватикан, где она и находится до настоящего времени (84, с. 149—161; 183, с. 548; 204, с. 526—527; 296, с. 536—544).

С итальянским Возрождением связана также библиотека венгерского короля Матвея Корвина (1458—1490). Эта библиотека разделила судьбу страны. В 1526 г. венгры потерпели поражение, и рукописи, оставшиеся в Буде, были перевезены в Стамбул. Остались только отдельные книги, которые разошлись по Европе. К концу XVI в. в Буде не было ни одной книги (127, с. 40; 179, с. 124—127; 204, с. 531—532).

Византийский император Константин II (337—361) создал в столице большой скрипторий и, по-видимому, библиотеку, но это была не императорская, а публичная библиотека. Дворцовая библиотека время от времени упоминается в более поздних источниках. Лев V Армянин (813—820) читал в ней Сивиллино пророчество. В X в. Константин VII жаловался, что не всегда может найти во дворце нужную книгу. Прямое упоминание императорской библиотеки содержится в помете на Парижской рукописи 1115, переписанной в 1276 г. Там кратко сказано: «хранилась в царской библиотеке». В это же время об императорском книгохранилище писал в одном из писем Максим Плануд. К 1453 г., к моменту взятия города турками, библиотека еще существовала. Кон-

стантин Ласкарь, который в 12 лет оказался в турецком плену, упоминал, что в свое время пользовался «библиотекой константинопольского императора» (81, с. 136—138).

В арабо-мусульманском мире наиболее значительные правители всегда стремились собрать в своем дворце богатую библиотеку (149, с. 49). Некоторые из них можно было сравнить с Александрийской библиотекой. Сведения о библиотеках халифов из династии Умаййадов очень смутны, а после падения династии в 750 г. следы их придворной библиотеки совершенно теряются. Важнейший этап в истории арабских библиотек связан с Багдадом и библиотекой арабских халифов, которая существовала более двух столетий. Книжное собрание при дворе Аббасидов начало складываться при втором халифе, ал-Мансуре (754—775) и, постепенно пополняясь, перешло по наследству к ал-Мамуну (813—833), при нем она стала базой «Дома мудрости». Организованная при прямой поддержке властей за счет государственной казны, библиотека аббасидских халифов дала мощный стимул к возникновению других арабских библиотек и стала образцом для всех последующих библиотек мусульманских правителей (132, с. 182—183).

В Испании в 976 г. халиф ал-Хаким II основал в Кордове библиотеку, которую для своего времени можно было считать крупнейшей в мире. В ней было от 400 до 600 тыс. томов. Эта библиотека оставалась до конца династии, но когда Испания была разделена между несколькими правителями, библиотека была разделена между ними (182, с. 128—129). Библиотеки западноевропейских правителей, даже таких как Фридрих II Гогенштауфен, не выдерживали сравнения с библиотеками мусульманских правителей (250, с. 21).

В Ширазе во дворце буидского правителя Адуд ад-Даула (949—983) была крупная библиотека, которая помещалась в специальном здании. Источники свидетельствуют, что он сам занимался собиранием книг (149, с. 47).

Значительные библиотеки возникли у правителей Средней Азии. Наибольшей известностью пользовалась придворная библиотека бухарских эмиров. Она известна по

описанию Ибн Сины. На восемнадцатом году жизни в награду за успешное лечение эмира Нуха ибн Мансура (976—997) Ибн Сина получил разрешение работать в этой библиотеке. Затем он переселился в Гургандж (Ургенч) по приглашению хорезмшаха Абу-л-Аббас Мамун ибн Мамуна, или Мамуна II (1004—1017). В настоящее время ученые считают, что он работал в этом городе в 1005—1011 гг. При «Академии», которую создал хорезмшах еще будучи царевичем, была крупнейшая научная библиотека (86, с. 14—15; 137, с. 124—127).

В первой половине XVI в. в Мавераннахре правили шейбаниды, которые создали придворные библиотеки. При Шейбани-хане при дворе содержалась обширная библиотека, где находились собственные сочинения Шейбани-хана и те, в чьем составлении он принимал участие. Из преемников Шейбани-хана особой известностью славилась библиотека его двоюродного брата, поэта Убайдулла-хана (1533—1539) (86, с. 42—43). Наконец, уже во второй половине XIX в. получила известность придворная библиотека хивинских ханов. Она была обнаружена во время хивинского похода генерала К.П. Кауфмана в 1873 г. (86, с. 51—53).

В Индии у Акбара была библиотека. Ее использование было своеобразным. Акбар был неграмотным. Книги приносили из библиотеки и читали ему вслух (169, с. 32—33). Библиотеки были при дворах раджей. Известный китайский путешественник Сюань-цзан обнаружил обширную библиотеку при дворе кашмирского раджи. В то же время большая библиотека существовала при дворе Харшавардханы в Канаудже. В XI в. большой известностью пользовалась библиотека при дворе раджи Бходжи в Дхаре. Около середины XII в., когда Сиддхараджа Джаясинх захватил его владения, библиотека была перевезена в Анхилвад Патан, где ее соединили с библиотекой династии Чалукья (20, с. 63—64).

Дворцовые книгохранилища ведут в Китае свое начало с глубокой древности. Согласно исторической традиции уже при династии Чжоу существовали особые чиновники, в ведении которых находились книжные собрания. Одним из

них, видимо, был Лао-цзы. Однако об этих книгохранилищах сведения практически отсутствуют. Судя по немногим указаниям в китайских исторических источниках возникновение дворцовых книгохранилищ относится к более раннему времени, чем появление частных библиотек. Это понятно, так как у императоров были наибольшие возможности для накопления книжных богатств. Кроме того, в древнем Китае императорский дворец был своего рода культурным центром, вокруг него группировались наиболее образованные люди того времени (129, с. 253—254, примеч. 3).

Ко времени создания империи императоры начиная с Восточной Хань начали собирать библиотеки. Однако гибель династии, как правило, сопровождалась утратой библиотек. Каждой новой династии приходилось начинать все сначала, и это совершалось с исключительной активностью. При Хань во время правления У-ди приступили к планомерному созданию императорской библиотеки, что в конечном счете привело также к возникновению национальной библиографии (54, с. 13; 129, с. 250). Библиотеки стали особенно значительными при династиях Суй (581—618) и Тан (618—907). Из-за внутренних мятежей, в том числе в 755 г. мятежа полководца Ань Лу-шаня, императорские библиотеки гибли, но затем вновь восстанавливались. После прекращения династии Тан ее библиотеки тоже погибли, и династии Сун (960—1279) пришлось собирать все заново. В дворцовом комплексе сунских императоров было несколько крупных и более мелких книгохранилищ. В 988 г. часть книжного фонда была выделена в особое дворцовое хранилище Би гэ, в котором хранились сочинения сунских императоров, а в 979 г. было создано еще одно дворцовое книгохранилище Тай цин лоу, где поместили литературные произведения и автографы сунского императора Тай-цзуна (20, кн. 2, с. 142—150; 129, с. 255—257).

В Японии библиотеки стали появляться в императорском дворцовом комплексе после проникновения в страну буддизма. В конце VI в. принц Сётоку изучал буддизм в специальной комнате во дворце. Ее считают первой японской

библиотекой (282, с. 129). Реформы Тайка, дополненные в 701 г. специальным кодексом Тайхорё, создали фундамент для расцвета японской культуры периода Нара (VIII в.). В результате как часть программы образования при Бюро внутренних дел возникла первая архивная библиотека Цушорё, которая существовала до 1042 г. и которая после революции Мейдзи в 1868 г. оказалась в дворцовой библиотеке императора (311, с. 10—11). При дворе императора существовало особое ведомство — Императорская библиотека (Мифумидокоро, или Госёдокоро) (20, кн. 2, с. 268).

На Руси сведения о библиотеках правителей являются в основном легендарными. Такой, например, стала легенда о библиотеке Ярослава Мудрого при Софийском соборе в Киеве в XI в. Как и в случае с библиотекой Ивана Грозного, там производились безуспешные раскопки (91, 210). Библиотека московских государей, в которую якобы входили произведения античных авторов, привезенных в Москву Софьей Палеолог, несмотря на раскопки, исследования, книги и статьи (см. в том числе 80 и 128), остается легендой. У Ивана Грозного была Постельная казна, в которой наряду с документами находились книги. Однако, как отмечает С.О. Шмидт, определить состав этого книжного собрания, не просто (27, с. 131—132).

Государственные библиотеки

В полиграфическую эру личные королевские библиотеки Европы превратились в государственные (национальные). Карл Крист считал, что библиотеки немецких князей средних веков являлись ранней формой государственных и земельных библиотек (170, с. 47). Тем не менее реально библиотеки правителей рукописного периода были фактически государственными только в Китае. Особенно это проявлялось при династии Сун, когда императорская библиотека стала одним из государственных учреждений научного профиля. Ее государственный характер опреде-

лялся тем, что она обслуживала прежде всего правительство, и тем, что литературные произведения считались необходимыми для нужд государственного управления. Кроме чиновников, императорская библиотека обслуживала различные категории ученых, привлеченных к работе в государственных учреждениях. Императорская библиотека отличалась от Дворцовой, которая служила для развлечения императора (316, с. 9—12, рис. 1 на с. 10). Императорская библиотека была образцом, с ней сравнивались другие библиотеки последующих веков (129, с. 283; 316, с. 39).

Частные библиотеки

Вопрос о частных библиотеках в древнем Египте был рассмотрен в докладе на симпозиуме «Библиотеки в древности» в 2007 г. Единственным свидетельством о них являются книги в гробницах различных официальных лиц. Как отмечено в докладе необходимо принимать во внимание, что в древнем Египте грамотным было только 5% населения, и книги могли иметь только писцы (142, с. 98—99).

В Месопотамии богатые частные библиотеки имели писцы и различные профессионалы. Причем эти библиотеки они собирали начиная со времени обучения в школе (114, с. 82). Доказательством существования частных библиотек является список новых поступлений в библиотеку Ашшурбанапала. После падения Вавилона в результате гражданской войны ассирийский царь ограбил не только храмовые, но и частные библиотеки, о чем сделаны записи с указанием владельцев в списке новых поступлений. При этом неважно, были ли они переданы агентам Ашшурбанапала добровольно как дар или конфискованы. Важно то, что эти записи говорят о существовании многочисленных и значительных по содержанию частных библиотек (114, с. 99; 240, с. 27).

В Афинах частные библиотеки появились в VI—V вв. до н. э. в связи с развитием книжной торговли и переписки

книг. Это объяснялось в первую очередь широкой грамотностью населения (82, с. 33; 139, с. 3). Значительная книжная коллекция была у Эврипида. Его современник богатый Эвфидем владел большой библиотекой, которой он любил хвастаться. Сократ пытался убедить его, что гораздо полезнее беседовать с философами. Е. А. Парсонс дает перечень известных греческих частных библиотек, которые предшествовали александрийскому периоду. В отличие от Востока греческая цивилизация была индивидуалистической, и собирание частных библиотек было одной из форм проявления этого индивидуализма (135, с. 19; 204, с. 56—58; 261, с. 8—18; 266, с. 81—82; 304, ч. 2, с. 44—45).

На эллинистическом Востоке, в том числе уже в римское время, было известно несколько крупных частных библиотек. Наиболее славилась библиотека библиофила Апелликона, которому удалось заполучить спрятанные книги Аристотеля и на их основе издать его произведения со своими неточными вставками и поправками. В конечном счете библиотека Аристотеля попала в Рим как военная добыча Суллы и там была издана с доброкачественной правкой Тиранниона. Врач Гален при переселении в Рим оставил свою библиотеку в Пергаме. Плутарх также собрал домашнюю библиотеку, так как библиотеки города, в котором он жил, не имели нужных ему книг (204, с. 109—111; 304, ч. 2, с. 84).

Частные библиотеки подвергались значительным опасностям. Например, библиотека Аристотеля едва не погибла, поскольку невежественные наследники Нелея обращались с ней небрежно и хранили в плохих условиях (240, с. 66). Когда возникла Александрийская библиотека, Птолемей Филадельф скупал частные библиотеки и перевозил их в Александрию (266, с. 152).

В Риме частные библиотеки первоначально были одним из проявлений преемственности греческой культуры, но затем они получили собственное развитие. Первые частные библиотеки Рима возникли в городе как результат военной добычи. Эмилий Павел привез в Рим в качестве трофея библиотеку македонского царя после поражения македонцев

при Пидне в 168 г. до н. э. Его сын Сципион Африканский отдал нумидийским союзникам все найденные книги, кроме трактата Магона о сельском хозяйстве, который он привез в Рим. Сулла привез библиотеку Аппелликона. Лукулл после победы над Митридатом захватил его библиотеку. Библиотекой Эмилия Павла пользовался Полибий, который был учителем его сыновей, а библиотекой Лукулла — историк и географ Страбон (82, с. 35; 100, с. 219; 204, с. 111—112).

Частные библиотеки Рима, возникшие к середине I в. до н. э., были, естественно, малодоступны. Поэтому у Цезаря, косвенно ставшего виновником гибели части Александрийской библиотеки, возникла идея создания публичной библиотеки (100, с. 219—220). Частные библиотеки прочно вошли в римскую жизнь, и римляне не мыслили существования без них. В загородных виллах обычно имелись библиотеки. Они принадлежали патрициям и ученым. Гораций возносит молитву о том, чтобы у него было достаточно еды и много книг (215, с. 66). Библиотеки в загородных виллах были у Цицерона и Катона Младшего. Библиотеки в загородных виллах вошли в обычай (189, с. 20—24; 204, с. 113—115). Сохранилась научная частная библиотека в Геркулануме (71, с. 79; 100, с. 221).

Со времени Августа почти в каждом доме сенатора и всадника была библиотека. Архитектор Витрувий, рассматривая вопрос о расположении частей дома, считает библиотеку одной из обычных комнат (100, с. 220; 204, с. 115—118). Некоторые смотрели на собрания книг как на способ вложения капиталов или средство пустить пыль в глаза (100, с. 220).

В провинции также возникали частные библиотеки, как, например, в римской Испании начиная с 100 г. до н. э. (205). В Британии тоже, возможно, были частные библиотеки. Во всяком случае имеется свидетельство о том, что в XI в. аббат Эадмар открыл в Веруламе домашнюю библиотеку римских времен. По-видимому, эта коллекция была найдена в шкафу в развалинах частного дома, и свитки, безусловно, были из пергамена, так как они пережили десять столетий. Р. Ир-

вин, историк английских библиотек, который приводит эти сведения, считал, что в случае, если это открытие действительно состоялось, речь идет о римском или, скорее, о пост-римском периоде (215, с. 84).

У христиан первых трех веков также могли возникнуть частные библиотеки в связи с активным участием церковных деятелей в полемике того времени, которая имела целью сделать новую веру приемлемой для культурной элиты. Наиболее вероятно, что личные библиотеки были у таких людей, как Иреней (ум. в 202 г.), Тертуллиан (ум. в 222 г.) и Ипполит (ум. в 236 г.). Суждения о возможности существования их библиотек делаются исключительно на основе анализа их произведений, которые дают представление о том, какой литературой пользовался автор. Безусловно, не все использованные книги находились в личном владении автора, но частично они составляли его библиотеку. Многие из этих библиотек погибли при Диоклетиане (304, ч. 4, с. 144—145).

Из эпохи IV—V вв., когда христианство было признано Константином, наиболее известны частные библиотеки Августина в Африке и Иеронима в Риме и Вифлееме. В жизнеописании Августина сказано, что он имел значительную библиотеку, которая была необходима для его творческой деятельности в глухой провинции, где он не мог рассчитывать на какие-либо другие библиотеки. Иероним вообще считается небесным патроном библиотекарей и, как правило, изображается на фоне своей домашней библиотеки. Кстати, этот обычай сохранился до настоящего времени, и многие деятели культуры и науки любят фотографироваться на фоне книжных полок своего собрания. Третьим крупным частным собранием владел ирландский епископ Георгий из Каппадокии, убитый в Александрии в 387 г. Когда император Юлиан узнал о его гибели, он вспомнил, что в Каппадокии он восхищался его большой библиотекой, в которой, кроме работ христианских авторов, было много произведений по философии, риторике и истории (225; 204, с. 135—137; 304, ч. 4, с. 148—150).

В средневековой Европе основным стимулом для собирания частных библиотек было стремление к образованию и профессиональному знанию, поскольку имелись трудности в доступе к монастырским, церковным и университетским библиотекам. Другим стимулом была распространяющаяся библиофилия (163, с. 122). Однако все это было возможно лишь для богатых людей: правителей, знати и купцов (179, с. 129).

Частные библиотеки сыграли значительную роль в сохранении греческого литературного наследия. Но таких библиотек было немного, ведь собирание греческих книг требовало больших усилий и затрат (184, с. 112—135). Наконец, еще одной особенностью частных библиотек средневековой Европы было то, что их владельцы (прежде всего в XV в.) стали передавать их городам для создания публичных библиотек «для увековечивания памяти донатора» и общественного блага. Как знаменитый пример можно привести судьбу библиотеки Никколо Никколи (1365—1437). Он завещал ее Флоренции, и она стала основой для открытия публичной библиотеки при монастыре св. Марка. В 1374 г. с той же целью монастырю св. Марка была завещана также библиотека Бокаччо. Петрарка завещал свою библиотеку Венеции (125, с. 37—38; 179, с. 121).

Характерной чертой частных библиотек аристократии и богатых горожан было то, что, как правило, они существовали недолго и после смерти владельцев расщеплялись наследниками. Поэтому в отличие от библиотек церковных иерархов, которые затем попадали в библиотеки соборов и монастырей, эти библиотеки не сохранились (179, с. 121, 125, 129).

Во Франции знаменитой была библиотека герцога Беррийского, брата короля Карла V. После его смерти в 1416 г. была составлена ее опись, после того, как ее отвезли в Париж для продажи (296, с. 422—424). В XIII в. был составлен каталог книг, которые, возможно, принадлежали канцлеру Амьенской церкви Ришару де Фурнивалю. Его сочинение «Книгозаконие» (*Biblionomia*) было представлено как «сад»

с делением на «грядки» (разделы). Имеются, однако, сомнения в том, что книги, описанные в этом сочинении, составляли частную библиотеку, хотя некоторые из сохранившихся книг были идентифицированы с записями в «Книгозако-нии» (296, с. 265)¹.

В Англии частные библиотеки также были редкими. Они или строго профессиональные (церковные иерархи — религиозные; юристы, врачи, учителя — по специальности) или библиофильские. Значительной библиофильской библиотекой было собрание епископа Ричарда из Бери в XIV в. Он был автором или вдохновителем «Филобиблона» (Книголюбие). Его собрание могло включать до 1500 томов, но после смерти владельца оно быстро исчезло. Однако величайшим собирателем книг был герцог Глостерский Хамфри. Страсть к собиранию книг была у герцога наследственной. Его отец король Генрих IV и братья король Генрих V и герцог Бедфордский Джон тоже были библиофилами. Размер его библиотеки неизвестен, но на основании его даров Оксфорду можно предположить, что она содержала не менее 500—600 томов. В Англии известно о еще нескольких частных библиотеках в XIV—XV вв. (134, с. 112—131; 296, с. 403—406, 408—413).

В Германии сохранились сведения о библиотеке бургундского графа Эккарда, в завещании которого, составленном около 867 г., перечислены патристические, юридические, исторические и классические книги. Но в 1491 г. в завещании графа Герхарда фон Зайна перечислены произведения современной литературы на немецком языке. В XI в. библиотеку составил Регинфрид. Он подарил ее монастырю Тегернзе, в котором он постригся в монахи. В XV в. библиофильскую коллекцию собрал баварский рыцарь и советник герцога Якоб Пюттерих (ум. в 1469 г.). За 40 лет у него было накоплено 164 тома немецкой и античной литературы. От эрцгерцогини Мехтильды он получил для переписки 94 со-

¹ Подробнее см. *Симон К.Р.* История иностранной библиографии. — М., 1963. — С. 57—62.

временных романа и предоставил в ее распоряжение те книги, которых у нее не было. В научной литературе перечисляются другие частные библиотеки аристократии (163, с. 125—128; 296, с. 465—466).

Гуго фон Тримберг (1235—1313) был школьным учителем в Бамберге. В своей учебной поэме он сообщает, что в его библиотеке было 200 томов. В 1376 г. некий «Нотариус Фредерик» завещал 117 книг монастырю Адмонт. В 1469 г. доктор Кунхёфер, юрист и мэр, завещал 151 книгу городскому совету Нюрнберга. В 1450 г. Иоханнес Зиндель, врач императора Фридриха III, оставил свои 200 томов медицинской и математической литературы Пражскому университету. Генрих Рубенов, бургомистр, оставил все свои книги, которые он оценивал в 1000 золотых гульденов, университету в Грейфсвальде (163, с. 467—468; 204, с. 480—481).

Новым явлением были частные библиотеки ученых. В 967 г. грамматик Гунцо из Новары, когда он по приказу Оттона I отправился к его двору, привез с собой около 100 томов. Позднее его коллекция стала особенно значимой в связи с развитием римского гражданского права и теологических исследований. Дважды в 1175 г. и в 1212 г. составлялись ее описи (296, с. 143—144). В ранние средние века учеными были в основном духовные лица, а с XIII в. — также светские. Их библиотеки были профессиональные и в основном делились по принадлежности владельцев к высшим факультетам университетов: богословие, право и медицина (163, с. 129—130). Профессора часто завещали библиотеки своим университетам так же, как и бывшие студенты, которые считали себя обязанными университету за образование, которое позволило им сделать блестящую карьеру. Кроме университетских профессоров, много завещаний университетам, монастырям и церквям оставили ученые из духовного сословия. Так, Бернард фон Крайбург, преподаватель права, канцлер архиепископа Зальцбурга и епископ Химзе (ум. 1447 г.) оставил после себя значительную библиотеку, части которой в дальнейшем были установлены в государственной библиотеке в Мюнхене, в научной библиотеке в Зальцбурге и в Национальной

библиотеке в Вене. В Швейцарии были известны две теологические библиотеки духовных лиц: Феликса Хеммерли, регента собора в Цюрихе, и Хайнлина фон Штейна, правоведника и учителя. Первая была рассеяна после смерти владельца, вторая была передана картезианскому монастырю в Базеле, в котором постригся владелец.

В Италии, стране юристов, возникло несколько крупных частных библиотек. То же с медициной, которая в XI—XII вв. в Салерно способствовала рецепции греческих и арабских трудов. В XII в. была известна библиотека епископа Бруно из Хильдесхайма, а в XIII—XIV вв. — библиотеки врачей Арнольда из Виллановы (ум. 1312) и Амфония Ратинка. В библиотеке Амфония было более 100 сборников и более 300 медицинских произведений. Врач Уголино да Монтекатини во Флоренции оставил после себя библиотеку в 80 томов (1415 г.) (205, с. 485—487).

Значительную коллекцию собрал в Англии Томас Аллен (1540—1632), который за всю свою долгую жизнь практически никогда не покидал Оксфордский университет и был связан с различными научными кругами вне университета. Часть его библиотеки находится в Бодлеянской библиотеке (249, с. 279—314).

В период Возрождения в Италии произошел расцвет частных библиотек. Одна из лучших библиотек своего времени была собрана Франческо Петраркой (1304—1374). Особенно тщательно он собирал произведения античных авторов. Бокаччо также всю жизнь собирал библиотеку, хотя по сравнению с коллекцией Петрарки, она была скромнее (он располагал существенно более ограниченными средствами). Самым знаменитым собирателем книг в Италии того времени был Никколо Никколи. К концу жизни его библиотека включала в себя 800 книг. Он завещал свою библиотеку Флоренции, и на ее основе благодаря помощи Козимо Медичи возникла публичная библиотека при монастыре Сан Марко (72, с. 75—78; 296, с. 524—528, 578—588).

Большую библиотеку в Мантуе собрал крупнейший гуманистический педагог итальянского Возрождения Витто-

рино да Фельтре. О ней сообщали практически все авторы воспоминаний о нем. Библиотека, которая включала много произведений античных авторов, не сохранилась как единое целое. Погиб и ее каталог, находившийся в муниципалитете Мантуи. Во Флоренции библиотеку имел Пико делла Мирандола. Ее состав отражал интересы владельца и включал также книги на арабском и арамейском языках (84, с. 129—134, 149, 153).

В Испании возникли частные библиотеки аристократии. В первой половине XV в. библиотека была у графов Бенавенте, основанная вторым графом доном Родриго Алонсо Пиментель. Вскоре после его смерти в 1440 г. был составлен каталог библиотеки, которая соответствовала вкусам владельца. После смерти шестого графа в 1575 г. интерес к библиотеке упал, и в 1633 г. она была перевезена во дворец в Валладолиде, где через несколько лет ее объединили с другой большой библиотекой графа Гондомера. В дальнейшем библиотека была разрознена между различными знатными семьями в связи с брачными контрактами, а в XIX в. многие книги были проданы.

Достойна внимания библиотека, которую составил маркиз де Сантильяна (1398—1458). Его сын кардинал Педро Гонсалес де Мендоса (1399—1495) обладал такой властью, что его называли третьим королем (после Фердинанда и Изабеллы). Каталоги библиотеки 1523 г. насчитывают 632 тома (188, с. 207—214).

В Византии сохранилось много сведений о библиотеках частных лиц — вельмож и ученых. Лев Математик, профессор Магнаврской школы и архиепископ Солунский, был обладателем значительной библиотеки. Современник Льва — Фотий, автор «Мириобиблиона» («Тысячекнижие»), который был известен под условным названием «Библиотека», дал в этом произведении описание почти 300 книг, с аннотациями и обширными выписками. Довольно детальное представление можно составить о библиотеке Арефы, ученика Фотия и архиепископа Кесарии Каппадокийской. В XII в. большим книголюбом был Евстафий Солунский.

Один из самых начитанных эрудитов XII в. Иоанн Цец жаловался, что ему пришлось распродать все свои книги и что после этого вся его библиотека размещалась у него в голове (81, с. 139—141).

Семейные библиотеки в Грузии, сведения о которых восходят только в XVII—XIX вв., создавались в тех семьях, где переписка книг была наследственным ремеслом. Эти библиотеки включали рукописи, переписанные их владельцами (20, кн. 1, с. 196—197).

Свитки Мертвого моря дают нам представление о древней еврейской библиотеке (или даже нескольких библиотеках) двухтысячелетней давности. Далее в истории еврейских библиотек существует почти тысячелетняя лакуна. Можно лишь предполагать, что выдающиеся талмудисты и масореты располагали большими или малыми коллекциями рукописей, но какие-либо определенные сведения отсутствуют.

Обзор средневековых еврейских библиотек обычно начинается с X—XI вв. Между тем в арабских источниках были обнаружены сведения о рукописном собрании химйарита-иудея, жившего в конце VI — начале VII в., Мати^с б. Зу-л-Хаджана, сын которого принял ислам и стал одним из первых мусульманских традиционалистов. Он унаследовал книги от отца и затем сам пополнял собственную библиотеку, так как был одним из ученых людей своего времени.

Более достоверные и конкретные сведения о еврейских библиотеках относятся уже к XII в. Так, знаменитый переводчик конца XII — начала XIII в. Йехуда б. Тиббон оставил сыну Самуилу богатые собрания еврейских и арабских книг с подробным в завещании наставлением об их тщательном сохранении. Представляют интерес составленные в тот же период списки рукописей, принадлежавших египетскому еврею Йосефу (180 названий сочинений по философии, богословию, точным наукам, медицине и художественной литературе).

Из средневековых еврейских библиофилов Европы известны следующие: Мешуллам б. Йа^саков из Люнеля (вторая половина XII в.); Йехуда (Леон) Москони с о. Майорка

(ум. в 1377 г.), библиотека которого была приобретена королем Арагона (сохранилось два инвентаря этой библиотеки); итальянские евреи Менахем из Вольтерры (XV в.), чье собрание ныне находится в Ватиканской библиотеке, и Барух де Пешьер (XVI в.); амстердамский раввин Моисей Рафаил д'Агиляр (20, кн. 1, с. 322—325). Многие еврейские врачи, как в мусульманских странах, так и в Европе, имели библиотеки. К сожалению, эти библиотеки погибали при преследованиях (296, с. 342—346).

Арабо-мусульманские частные библиотеки стали возникать достаточно рано в связи с расширением научных интересов. Так, известно, что у филолога из Басры Абу 'Амра б. ал-'Ала (687—771) была целая комната, почти до потолка наполненная книгами (132, с. 282). В IX в. у многих филологов, историков, правоведов, теологов и врачей образуются значительные рукописные собрания. Имеется много прямых сведений о них, полный свод которых, как отмечает А.Б. Халидов, позволит написать историю десятков тысяч личных рукописно-книжных собраний (132, с. 182—193; 197, с. 155—190).

В Испании как страстный книголюб прославился Абул-Мутарриф 'Абдаррахман б. Мухаммед б. 'Иса б. Футайс (ум. в 1012 г.). Стоимость собранных им книг выяснилась лишь после его смерти, когда наследники выручили за них 40 тыс. динаров, устроив аукцион в квартальной мечети и распродавая их в течение целого года (132, с. 230—331).

Во время монгольского господства библиотеки в Средней Азии создавались в основном именно личные. Богатую библиотеку имел Рашид-ад-Дин. Он использовал ее для составления «Сборника летописей». Алишер Навои в Герате имел личную библиотеку. Он был весьма богатым человеком, так как в течение ряда лет занимал пост хранителя печати. В его библиотеке был даже свой библиотекарь — историк Хондемир, который оставил воспоминания о поэте и в том числе о его библиотеке (86, с. 21, 35).

В Индии значительные библиотеки принадлежали индийским ученым и писателям. В «Харшачарите» есть упоми-

вание о том, что у ее автора Бханы была своя библиотека. О других библиотеках сведения не сохранились (20, кн. 2, с. 64). В монгольский период личные библиотеки имели многие представители аристократии, принцы и принцессы. Королева Салима Султана Бегум имела личную библиотеку. Гуль Бадан Бегум, дочь Бабура и автор «Хумайюн Наме» была любителем книг. Хан-и-Ханан имел прекрасную личную библиотеку, в которой были заняты 95 человек (169, с. 33—35).

Частные библиотеки в Китае существовали со времени Вёсны — Осени (770—476 гг. до н. э.) и эпохи воюющих царств (475—221 гг. до н. э.), в династиях Тан (618—907) и Сун (960—1279) (95, с. 172). В трактате «Записи в стихах о сохранении книг» говорится, что «за время, прошедшее со времени династии Сун до конца династии Цин, в стране появилось более 1100 человек, известных своей любовью к созданию частных библиотек».

Этих библиофилов можно разделить на четыре группы: члены правящего императорского дома; министры, гуны (князья) и цины (сановники); известные литераторы, историки, систематизаторы и издатели книг; деревенские помещики. Известны случаи, когда коллекционированием книг занимались отшельники, монахи, торговцы, горожане и т. д. (95, с. 188). Частные библиотеки были центрами просвещения, где происходило живое общение ученых и литераторов (129, с. 293).

В Японии в столице находились крупные частные библиотеки. В них хранились семейные стихотворные собрания (касю), переписанные членами семьи или известными каллиграфами, памятники художественной прозы и исторической японской и китайской литературы, произведения конфуцианской классики с комментариями, буддийские сутры, трактаты буддийских проповедников. Некоторые из этих библиотек в конечном счете превратились в храмовые и школьные. Таковы были судьбы библиотек ученого-конфуцианца, высокопоставленного чиновника Исонокамино Якацугу (729—781), который, уйдя в отставку, построил

в буддийские монахи и отдал свой дом под буддийский храм, и в 1270 г. одного из влиятельнейших военачальников Ходзё Санэтоки (1224—1276). Из-за болезни он оставил столицу, поселился в своем родном поместье Канадзава (ныне в черте г. Йогагама), собрал там богатую библиотеку ценных рукописей на японском и китайском языках и основал специальную школу Канадзава Гакко. Вскоре она стала центром учености в восточных провинциях страны (20, кн. 2, с. 268—269).

На Руси сведения о домашних библиотеках, как отмечает М. И. Слуховский, относятся к XVI в. Наиболее крупные светские книжные собрания возникали в знатных семьях, у духовенства и богатых людей типа Строгановых. У Строгановых в 1578 г. было 208 книг при 84 названиях. В дальнейшем из поколения в поколение величина библиотеки увеличивалась. Известны некоторые любители книг из дьяков (68, с. 37; 111, с. 39; 118, с. 71—76, 102—107).

ГЛАВА 3

Публичные и учебные библиотеки

В настоящей главе рассматриваются публичные, т. е. общедоступные библиотеки. Оба этих термина рассматриваются как синонимы, основной смысл которого заключается в том, что этот вид библиотек обслуживает все население без ограничений. В этих значениях они приводятся и в современной «Библиотечной энциклопедии» (64, с. 751—752, 840—842). В мусульманском мире в эту категорию входят также вакфные библиотеки. Появление публичных, в отличие от частных библиотек, в эволюционном плане является одним из индикаторов развития цивилизации (182, с. 122). Далее в главе рассматриваются учебные библиотеки. Они, безусловно, не были общедоступными, но все-таки доступ в них был менее ограничен, чем в частные библиотеки, в том числе в библиотеки правителей, и в библиотеки религиоз-

ных институтов (храмы, церкви, монастыри), которые будут составлять содержание главы 4.

Публичные библиотеки

В эллинистический период идея публичной, общедоступной библиотеки носилась в воздухе. Имеются сведения (в «Суде» в статье «Эвфорион») о том, что Эвфорион отправился к Антиоху III Великому (III в. до н. э.), который назначил его библиотекарем в публичную (народную) библиотеку (266, с. 170, № 166). Более полные сведения относятся уже к истории древнего Рима.

Идея создания в Риме публичной библиотеки принадлежит Юлию Цезарю, видевшего Александрийскую библиотеку до гибели ее основной части в войне, которую против него вели египтяне, т. е. эта идея имеет прямую преемственность с эллинистической библиотекой. Цезарь поручил устройство большой публичной библиотеки Варрону, но был убит, и осуществление этой идеи досталось Октавиану Августу. Публичные библиотеки имели три основных качества:

- многие из них были при храмах или возле храмов, но они не были религиозными институтами;
- библиотеки имели два отделения: греческое и латинское;
- они были полностью общедоступными (304, ч. 3, с. 113—114, 117).

Еще одно важное свойство римских публичных библиотек — начиная с Августа их создание было прерогативой императоров, т. е. царским делом. Подтверждается это и тем, что Домициан дважды восстанавливал их после пожаров (189, с. 62; 304, ч. 3, с. 112—116, 135, примеч. 79).

Первая публичная библиотека была создана Азинием Поллионом по поручению Августа через пять лет после смерти Цезаря и через три года после битвы при Акциуме в 28 г. до н. э. (100, с. 220; 127, с. 13; 189, с. 58—61; 304, ч. 3,

с. 114). Как писал Плиний Старший, она была создана «для общего блага» (254, с. 1). Вторую публичную библиотеку Август разместил в портике Октавии, своей сестры (189, с. 64—65). Всего при нем было основано три публичные библиотеки (163, с. 83).

Последующие императоры продолжали библиотечную политику Августа. При Тиберии библиотека была создана при храме Августа (возможно при нем возникла еще одна библиотека), при Веспасиане — при храме Мира, при Траяне — при храме Траяна. Всего при Траяне в Риме было 7 публичных библиотек (100, с. 220; 151, с. 63; 163, с. 83).

В Риме библиотеки существовали также при банях (термах), что являлось выражением римской сущности и ролью библиотеки как средства проведения досуга. Эти библиотеки были разновидностью публичных (82, с. 31; 142, с. 99).

В IV в. (около 350 г.) каталог достойных внимания зданий Рима включает 29 библиотек, в число которых, несомненно, входили публичные. В 456 г. библиотека Траяна все еще существовала, так как оратор, в том году произнесший панегирик императору, смог похвалиться тем, что его статую воздвигли среди статуй авторов в этой библиотеке (165, с. 92).

Возникла среди библиотек и некоторая специализация. Они могли содержать книги по какой-либо отрасли знания или с особым признаком. Так, одна из публичных библиотек состояла из сочинений умерших латинских авторов, другая — целиком из грамматических трактатов (127, с. 18).

В провинции в I—III вв. н. э. повсюду возникли публичные библиотеки. Они создавались даже в небольших провинциальных городах. Император Адриан построил публичную библиотеку в Афинах (321, с. 18—19). Сохранились известия или остатки зданий библиотек в Галикарнасе, Эфесе и Тимгаде. Провинциальные библиотеки упоминаются в литературных произведениях (165, с. 109—123; 205, с. 205; 220, с. 19—20; 266, с. 157—158; 296, с. 9; 304, ч. 3, с. 128—132). Интересно отметить, что в отличие от библиотек (т. е. от книг) призыв в I в. н. э. об обобществлении произведе-

ний искусства не нашел отклика в римском обществе. Римская знать предпочитала размещать картины и скульптуры в своих виллах (319, с. 2).

После падения Рима первыми погибли библиотеки. Христианство также имело губительные последствия для библиотек с языческим содержанием. После победы христианства они исчезли. Уже в середине IV в. библиотеки лишились своих посетителей, к VI в. они полностью исчезли, и Кассиодор должен был создавать библиотеку в своем Виварии (163, с. 1—2; 267, с. 82; 295, с. 6—11).

Публичная библиотека в Константинополе также была императорской инициативой. Ее создал император Константин в 353 г. вскоре после того, как достиг высшей власти. Поддерживали ее и последующие императоры, но в последней четверти V в. она сгорела. Вскоре библиотека была возрождена, но в 726 г., по всей видимости, ликвидирована в связи с уничтожением высшей школы, при которой она находилась (204, с. 138—139).

В Европе идея публичного доступа к библиотекам возникла уже в XIII в. До этого библиотеки монастырей были совершенно недоступны для частных лиц. Однако в XIII в. некоторые религиозные учреждения объявили, что будут допускать частных лиц в свои библиотеки. Это способствовало тому, что им стали дарить целые библиотеки. В некоторых завещаниях присутствовало условие, что дарение основано на понимании того, что книги будут выдаваться достаточно свободно. Это способствовало возникновению идеи о публичной библиотеке (184, с. 79).

Во Франции публичные библиотеки возникли в городах. В XV в. были составлены каталоги публичных библиотек в Дижоне и Клерво (296, с. 259). В Германии публичные библиотеки стали возникать в городах в XIV—XV вв. Старейшая появилась в Нюрнберге, она известна с 1370 г. С 1429 г. ее отделили от архива, выделив отдельную комнату. С 1396 г. известно книжное собрание в Регенсбурге. В 1456 г. оно получило собственное помещение. В Лейпциге небольшое собрание возникло в середине XV в., но собственно о библио-

теке можно говорить только с начала XVI в., когда она пополнилась 253 томами юридического содержания из частного собрания (278, с. 59—61).

Мощный толчок получила идея публичной библиотеки в период Возрождения в Италии. Знаменитый библиофил Никколо Никколи завещал свою библиотеку Флоренции с тем, чтобы в городе была создана публичная библиотека. При поддержке Козимо Медичи библиотека получила хорошее помещение при монастыре Сан-Марко и название *Biblioteca Medicea Laurenziana* (более всего она известна как Библиотека Лауренциана). При Лоренцо Медичи для нее было построено специальное здание, а интерьеры были созданы по проекту Микеланджело. В Венеции также была создана публичная библиотека — Библиотека Марчиана (72, с. 75—82; 84, с. 138—148; 204, с. 514—519, 527—531).

В исламском мире общедоступные библиотеки получили самое широкое распространение. А.Б. Халидов называет все библиотеки, которые не были частными, местами скопления книг общественного пользования (132, с. 217). Они стали отдельным институтом, который в основном возникал путем преобразования трех видов библиотек: библиотек правителей, мечетей и медресе. Первые появились в VII—IX вв., а в 1236 г., когда Багдад был разрушен монголами, в нем сохранилось 30 публичных библиотек. То же можно сказать и о других городах. В статье Р.М. Элайяна приведена таблица, где дан перечень 16 крупных публичных библиотек в 10 городах от Багдада до Кордовы с именами их основателей, в основном правителей и видных сановников (182, с. 122—124). Великие библиотеки были не исключением, а типичным явлением для исламского мира. Самые знаменитые — «Дом мудрости» в Багдаде, созданный аль-Мамуном в IX в., «Дом науки» в Каире (Фатимиды, X в.) и библиотека халифов в Кордове (аль-Хакам II, XI в.) (182, с. 126—129; 203, с. 457; 246, с. 83).

Наиболее распространенными общедоступными библиотеками были вакфные. Частные лица могли передавать книги в вакф для того, чтобы ими могли пользоваться «ис-

катели знания». Поэтому вакфными могли быть не только целые библиотеки, но и отдельные книги в библиотеках, которые не были вакфными (132, с. 208—209, 225—226; 153, с. 206—207).

Вакфные библиотеки были частями вакфных учреждений, в основном мечетей, медресе, больниц и мавзолеев. Они были также при суфийских обителях. Фактически огромная сеть библиотек по всей территории ислама, кроме дворцовых и частных, была вакфной, и их судьба зависела от судьбы того учреждения, при котором они находились. Вакфные библиотеки имели особый правовой статус. В вакф полагалось обращать недвижимость, но эта форма собственности после некоторых колебаний была распространена на некоторые формы движимого имущества, в том числе на книги. Изменился статус библиотеки. Если раньше она была собственностью государя или феодала, то теперь приобрела вид неотчуждаемой собственности, переданной на «вечное» пользование исламской общине (132, с. 184—185, 205—206; 197, с. 39—155). Первая вакфная библиотека появилась в Басре в X в. (132, с. 191). В Кордове с X в. было 70 библиотек (215, с. 51). В Средней Азии в Мерве в 1228 г. географ Якут аль-Хамави нашел 10 публичных библиотек (182, с. 123). В Бухаре в начале XV в. появилась публичная библиотека, основанная шейхом Мухаммедом Парса (ум. в 1419 г.) (20, кн. 1, с. 430).

Учебные библиотеки

Библиотеки с самого начала были тесно связаны с образованием. В древности говорили: «Библиотека учит» (*Bibliotheca docet*). Десятым принципом библиотечного дела, который выделил историк принципов и библиотечного дела в целом Дж.В. Томпсон, является следующий: «Библиотекарь — это человек, который дает образование» (269, с. 1159; 295, с. 216—217). Поэтому во всех странах и во все времена возникло такое взаимодействие библиотечного и образова-

тельного пространств. Где школа, там библиотека. Общим термином для всех библиотек, связанных с образованием, является «учебные библиотеки». Библиотечная энциклопедия дает следующее определение этого понятия: «библиотеки, главная задача которых — библиотечно-информационное обеспечение (сопровождение) учебного процесса в том или ином учреждении формального или неформального образования» (64, с. 1080).

В Месопотамии учеников в школе поощряли создавать собственные небольшие библиотеки, которые затем служили им основой профессиональной деятельности. В то время книжной торговли не было, и каждый должен был самостоятельно обеспечивать себя текстами и для обучения, и для последующей жизни (114, с. 81—82; 240, с. 25).

В древней Греции школы обычно находились при палестре и гимнасии, а не в храме, как на Ближнем Востоке. Соответственно библиотеки греческих школ имели светский и демократический характер. Есть много описаний и археологических данных о библиотеках при гимнасиях. Особого развития они достигли при появлении школ софистов. Эти школы были также местами встречи для взрослых, т. е. школьные библиотеки стали общедоступными (127, с. 16; 204, с. 95—99; 220, с. 8—9; 304, ч. 2, с. 82—84). Школьные библиотеки возникали также и в Мусеях, вплоть до Александрийского. Школьные мусические состязания требовали запоминания наизусть большого количества литературных произведений, что было невозможно без солидной школьной библиотеки (321, с. 174).

Учебные библиотеки при гимнасиях в древнем Риме были распространены повсеместно. Можно даже утверждать, что основной костяк библиотек составляли именно школьные, а не публичные библиотеки. Когда в 391 г. храмы и школы были закрыты имперским указом, их библиотеки погибли (215, с. 79; 304, ч. 3, с. 122—126, 129—130).

Наиболее известные раннехристианские школьные библиотеки существовали в Александрии, Иерусалиме и Кесарии. Наиболее известна библиотека в Кесарии, связанная с

именами Оригена, Памфила и Евсевия. Первое упоминание, сначала скорее архива, в Кесарее относится к 190 г. Однако когда в 234 г. там постоянно поселился Ориген, это собрание превратилось в настоящую библиотеку. Его дело продолжил Памфил (240—310). О школьной библиотеке Памфила имеются свидетельства Иеронима и Евсевия. По выражению Иеронима, Памфил собирал библиотеку подобно Писистрату и Деметрию Фалерскому. Для христианской литературы библиотека Памфила имеет то же значение, что и Александрийская библиотека для классической греческой. На ней основана «Церковная история» Евсевия. Благодаря этой библиотеке был осуществлен переход от папируса к пергамену в изготовлении христианской книги. Библиотека в Иерусалиме была основана епископом Александром (212—250). Она возникла раньше библиотеки в Кесарее, но никогда не имела такого значения. Тем не менее Иероним и другие христианские авторы использовали ее для своей работы. Вероятно, обе библиотеки в Кесарее и Иерусалиме погибли в 614 г., когда Палестину захватили персы (76, с. 78—80, 83; 151, с. 84—89; 204, с. 131—133; 266, с. 103, 175—176; 293, с. 415—419; 296, с. 16—17; 304, ч. 4, с. 145—147).

Устройство соборов и монастырей в средневековой Европе предполагало тесную связь библиотеки, школы и скриптория. С 1000 г. библиотеки соборов превосходили монастырские, так как соборные школы стали гораздо лучше (163, с. 14; 296, с. 233; 302, с. 80). В Англии первой библиотекой считается школьная библиотека в Кентерберии, в которой имелись греческие книги (215, с. 99). Библиотека Карла Великого, созданная Алкуином, легла в основу его системы образования и включала книги, необходимые для достижения этой цели (163, с. 13).

Школы и их библиотеки в Византии были после закрытия языческих храмов в 391 г. главными средствами сохранения греческой традиции и языка (304, ч. 5, с. 189—193).

Учебные библиотеки в арабо-мусульманском мире получили особенно широкое распространение. В Дамаске в XV в. было 150 библиотек медресе, в Каире в XIV в. — 75, в Багдаде

в 1258 г., когда его захватили монголы, — 30. Они существовали в основном на вакфной основе (132, с. 200, 210—211; 183, с. 302; 197, с. 63—150). Учебные библиотеки были в Средней Азии вплоть до XIX в. (86, с. 44, 50). Образовательную роль выполняли и библиотеки при мечетях (286, с. 6—34). В Турции первичными были также и библиотеки при школах и мечетях (186, с. 65—71).

В Китае библиотеки существовали при училищах всех уровней, от столичных до уездных. К.К. Флуг посвятил библиотекам при училищах в период династии Сун отдельную главу (129, гл. XI, с. 270—278). Их появление было вызвано развитием школьного дела и необходимостью иметь при школах учебные пособия. В организации этих библиотек принимало самое активное участие правительство. Аналогично в Корее и Японии в учебных заведениях создавали библиотеки. В Японии это было осуществлено в соответствии с императорским указом в VIII в. (20, кн. 2, с. 289—293; 282, с. 129). Библиотеки существовали здесь и при частных школах, которые организовывали богатые семьи. Такие библиотеки обладали тысячами свитков китайских и японских классиков. Они существовали на земельные и денежные пожалования. В связи с тем, что значение библиотек в школах было равнозначно самим школам, при упоминании могли одинаково ссылаться и на школы, и на библиотеки. Суффикс „in“, который часто использовался в названиях школ, обозначал «библиотека» в смысле «павильон для занятий». Программа обучения опиралась на собрание книг в школе. Одной из функций школы была зависимость от письменного материала, который находился в ее распоряжении (311, с. 14—15).

На Руси в школах были небольшие библиотеки, но точные сведения о них отсутствуют. Несомненно, что в XIII в. была библиотека при училище в ярославском Спасо-Преображенском монастыре. Она была переведена в Ростов в 1214 г. (118, с. 99).

Библиотеки высших школ возникли уже в древней Греции: в Академии Платона и в Ликее Аристотеля. Поскольку

Аристотель и его последователи создали Александрийскую библиотеку, образ которой сохранился в веках, можно сказать, что библиотека Аристотеля, труды которого стали основой высшего образования и науки в Европе в средние века, являлась стимулом для создания библиотек этого времени.

В эллинистический и римский периоды специализированные библиотеки возникали при медицинских и правовых научно-учебных заведениях. Император Адриан построил библиотеку при высшей школе в Афинах (204, с. 99—107; 304, ч. 3, с. 122—126). Сохранились сведения о наличии крупной библиотеки в медицинском центре Джундишапура, который был основан Шапуром I в 260 г. (136, с. 272).

Переход ведущей роли от монастырских библиотек к университетским произошел в Европе в XII—XIV вв. Это было частью общей тенденции к секуляризации культуры. Например, в XII в. действие литургической драмы было перенесено из церкви за ее пределы и стало основой развития театра (85, с. 26—32; 278, с. 38—41).

В XIII—XV вв. основатели университетских колледжей обеспечивали их библиотеками. Так, папа Григорий XI снабдил библиотекой основанный им Григорианский колледж в Болонском университете (204, с. 432, примеч. 10). Аналогично в Оксфорде основатель Нового колледжа передал ей 240 рукописных книг в 1380 г. В целом колледжи считали одной из своих важнейших задач создание библиотек как можно скорее после основания колледжа (204, с. 433). В начальном периоде создавались также библиотеки факультетов (250, с. 18). В Париже библиотека была создана при университетском колледже, организованном Робером Сорбоном в 1257 г. (71, с. 88; 83, с. 122). В Оксфорде раньше других университетов возникла общеуниверситетская библиотека. Ее основание относится к 1320 г. В первой половине XIV в. щедрость герцога Хамфри Глостерского превратила ее в лучшую библиотеку в Англии (204, с. 433). К началу XVI в. в Европе было уже более 60 университетских библиотек (127, с. 32).

Высшие школы в Византии в различных городах должны были обладать библиотеками. Во всяком случае в новелле Константина IX Мономаха об организации юридического факультета при Константинопольской высшей школе предусматривалось, что библиофилак, хранитель книг, будет выдавать студентам необходимые пособия (81, с. 138).

В арабо-мусульманском мире высшие учебные заведения имели большие библиотеки. Только в Багдаде известны четыре таких библиотеки: библиотека аль-Мамуна; библиотека при академии, основанной в конце X — начале XI в. Сабуром ибн Ардаширом; библиотеки университетов Низамия (XI в.) и Мустансирия (XIII в.) (245).

В Индии крупными университетами с большими библиотеками были многие буддийские монастыри Северной и Центральной частей страны. Дошли описания некоторых из них. Самым крупным был университет Наланда, расположенный около древней столицы Магадхи — Раджагрихи. Уже в IV в. он стал центром буддийского и брахманского образования. Наланду посетили знаменитые китайские паломники Фа-сянь, Сюань-цзан и И-цзин. Во времена Сюань-цзана в Наланде проживали 10 тыс. человек, из них около 3 тыс. студентов и 1500 учителей. Сам Сюань-цзан провел в университете пять лет. В нем была прекрасная библиотека, которая занимала большую территорию и состояла из трех огромных зданий.

Другой крупный университет, при котором была богатая библиотека, был расположен в Валабхи, в столице раджей из династии Майтрака. Расцвет его деятельности относится к 475—775 гг.

Около 800 г. был открыт еще один прославленный университет — Викрамашила. Его основал раджа Дхармапала в Северной Магадхе, на берегу Ганга. Университет прославился тантрической школой и большим собранием тантрических рукописей, а также книг по индуизму. Университет Викрамашила, как и Наланда, был разгромлен в период мусульманского вторжения в Индию. Арабские историки пе-

редают рассказ о том, что мусульмане, захватив монастырь, обнаружили там огромное количество религиозных книг хинду. Они пытались найти кого-либо из индийских ученых, которые смогли бы объяснить им научное значение этих книг, но никого из них не осталось в живых, все были перебиты. Ознакомившись в конце концов с содержанием книг, мусульмане поняли, что и город, и крепость, и храмы — все относилось к одному большому учебному заведению, которое на языке хинду называлось вихарой. По этому слову всей области было дано название Бихар.

Большой известностью в Магадхе и за ее пределами также пользовался монастырь и университет Одантапури, который раджи из династии Пала (середина VIII — первая половина X в.) снабдили великолепной библиотекой. По образцу Одантапури в Тибете в VIII в. был построен первый буддийский монастырь (20, кн. 2, с. 60—63). В периоды Гупта (начало IV в. — конец V в.) и Пале в Бенгалии и Бихаре было 18 монастырей—университетов (141, с. 242).

В Юго-Восточной Азии с VII в. Малайя оказалась в сфере влияния суматранской буддийской династии Шривиджайя с двумя столицами — южной в Палембанге на южной Суматре и северной — на северо-западе полуострова Малакка. В Шривиджайе был создан университет, подобный индийской Наланде, в котором учился И-цзин. И-цзин сначала провел в Шривиджайе шесть месяцев, изучая санскрит перед поездкой в Индию, где он учился в Наланде, и в 685 г. вернулся в Шривиджайю и провел в ней еще четыре года. Он переводил буддийские тексты с санскрита на китайский и безусловно пользовался университетской библиотекой. В конечном счете он повез в Китай около четырехсот различных буддийских текстов (141, с. 241—242).

В Китае крупные книжные собрания были сосредоточены в так называемых шу юанях — высших школах или «академиях». Термин *шу юань* появился не позднее середины VIII в. и в период династии Тан относился не только к учебным заведениям или помещениям, где учащиеся собирались для занятий, но и к книгохранилищам. В шу юанях

имелись помещения для библиотек наряду с комнатами для занятий, спальнями, столовыми и т. п. Книжные собрания в них должны были достигать значительных размеров, если принять во внимание, что в некоторых шу юанях число учащихся составляло несколько сот, а иногда до тысячи, человек (129, с. 272—273).

ГЛАВА 4

Библиотеки религиозных институтов

Настоящая глава включает сведения о библиотеках храмов (церквей, соборов, мечетей), монастырей и церковных иерархов.

Библиотеки храмов (церквей, соборов)

В древнем Египте библиотеки, во всяком случае те, о которых имеются более определенные сведения или остатки которых сохранились, были при храмах. Покровителями письма и библиотек считались Тот и Сешат. В Рамессеуме, храме Рамзеса II, рядом с ипостильным залом имеется помещение, которое Диодор в своем описании гробницы Осимандиаса назвал «лечебницей души». К. Милькау считал, что в этой комнате помещалась небольшая храмовая библиотека. Более определенные сведения отсутствуют (87, с. 50—53; 204, с. 11; 254, с. 13—17; 257).

Сохранились остатки двух несомненных храмовых библиотек древнего Египта, но они относятся к позднему периоду: храм в Эдфу, посвященный Гору, был построен при Птолемеях в 237—147 гг. до н. э. предположительно на месте старого храма, который имел план еще Имхотепа, и храма Исиды на маленьком острове посреди Нила. Этот храм относится ко времени римского императора Тиберия. Оба храма находятся в южной части страны: Филы — в районе

1-го порога, Эдфу — севернее (87, с. 52; 160, с. 85—86; 204, с. 12—13; 254, с. 17—19).

В Месопотамии за 600 лет до Ашшурбанапала существовала библиотека в храме Ашшура. В 1986 г. была открыта храмовая библиотека нововавилонского времени в Сиппаре в подобном храме при главном храме бога Солнца Шамаша. Эта библиотека дошла до нашего времени полностью, но она относится ко времени последнего вавилонского царя Набонида и к первому году персидского царя Камбиза в VI в. до н. э. (240, с. 27—29).

В древней Греции библиотеки также берут начало в храмовых коллекциях. Если это были храмы божества — покровителя какого-либо занятия, в них преобладала определенная специализация (в храмах Асклепия — книги по медицине). В Мусеях (храмах Муз), разумеется, в первую очередь накапливались поэтические тексты и далее все образцы художественной литературы. Возникновение Александрийского Мусея является апофеозом этой эволюции (321, с. 171—175). При Птолемах библиотеки продолжали создавать в храмах, например, в храме Серапея — вторая часть Александрийской библиотеки, которая при войне с Цезарем сохранилась именно благодаря нахождению отдельно от основного собрания. В этой связи необходимо упомянуть и египетский храм в Эдфу, описанный ранее. В римский период библиотеки возникали в императорских храмах, например, в Цезарее — храме, который Август построил в 12 г. до н. э. в честь Юлия Цезаря и на месте его высадки в Египте (204, с. 107; 321, с. 152, 174—175).

В Европе при переходе к христианству обычай иметь библиотеки в храмах, естественно, перешел в библиотеки церквей и соборов. Когда возникли монастыри, библиотеки стали создаваться и при них, но первичными, безусловно, были церковные библиотеки.

Церковные библиотеки до эдикта Константина в 313 г. имели в основном литургический характер. При этом необходимо иметь в виду, что самые ранние места, в которых собирались христиане, находились в частных домах. Даже в

Риме первая церковь была построена не ранее 220 г. Таким образом, в это время «церковная» библиотека фактически была «домашней». Она включала литургические и церковные материалы, необходимые для проведения богослужений и жизни христианской общины. Нередко в это собрание входили также архивные документы. Немногие из таких библиотек пережили гонения при Диоклетиане в 303 г., хотя, как ни парадоксально, именно благодаря описанию гонений, сохранились сведения о некоторых из этих библиотек и о тех ухищрениях, к которым прибегали христиане для сохранения своих книг. Безграмотным преследователям подсовывали еретические и малоценные книги и даже книги по медицине (293, с. 412—414).

После Константина количество церквей и соответственно их литургических библиотек стало быстро увеличиваться. В 393 г. Иероним убеждал своего друга Паммохия воспользоваться церковными библиотеками так, как если бы они были распространены повсеместно. В V в. церковные библиотеки распространились и на Востоке, и на Западе империи (293, с. 420).

В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли считать набор богослужебных книг в церкви библиотекой. В применении к Руси XI—XIII вв. (домонгольской) Б.В. Сапунов считал, что можно, и исходя из этого по числу церквей и обязательного набора книг в них, исчислял количество библиотек и книг в домонгольской Руси. С этой точкой зрения и соответственно со статистикой Б.В. Сапунова не согласились М.И. Слуховский и Н.Н. Розов. М.И. Слуховский аргументировал это тем, что вряд ли правильно считать библиотекой набор богослужебных пособий в приходском храме, малочисленный по объему (нередко меньше полдюжины единиц) и имеющий прикладное значение, подобно свечам, иконам и лампадам. Н.Н. Розов вообще объяснял воззрения Б.В. Сапунова молодостью и неопытностью автора. Б.В. Сапунов не был согласен с критикой, и фактическая дискуссия ни к чему не привела в связи с ее гипотетическим основанием (112, с. 134—135). Можно, од-

нако, сказать, что в применении к ранним литургическим библиотекам, а церковные библиотеки в домонгольской Руси Б.В. Сапунов относил именно к этой категории, такой подход и расчет был вполне возможен.

Следует отметить, что ранние церковные библиотеки, включавшие книги, необходимые для христианского богослужения в отличие от иудейского, способствовали переходу от свитка к пергаменному кодексу (304, ч. 4, с. 165—172).

В Европе церковные и соборные библиотеки появились практически во всех странах. Карл Великий хотел, чтобы каждая приходская церковь имела свою небольшую библиотеку. Поскольку эти библиотеки были небольшие, сведения о них не сохранились (ср. аргументацию по статистике Б.В. Сапунова). Больше известий имеем о богатых коллекциях соборных библиотек. В Италии такие библиотеки, например в Сполето, существовали до 1002 г. К тому же времени относятся соборные библиотеки в Новаре и Реджио Эмилии. Соборная библиотека в Тревизо была создана в XII в., реорганизована в XV в. и значительно увеличена в XVIII в. за счет даров. Соборная библиотека в Вероне, возможно, возникла в V в. Ее коллекция возросла особенно в XI—XIII вв. Петрарка и, возможно, Данте читали в ней античные классические произведения. В ее фондах были найдены письма Цицерона. История этой библиотеки прослеживается вплоть до 1944 г., когда ее здание было разрушено в результате бомбардировки, но большинство книг было спасено благодаря их рассредоточению по другим местам хранения (183, с. 139—140).

В Англии содержание соборной библиотеки в Йорке можно представить благодаря стихотворению Алкуина (163, с. 15—16). В Рочестере история соборной библиотеки начинается при епископе Эрнульфe (1114—1124), когда был создан ее каталог. Второй каталог появился в 1202 г. (296, с. 278—279).

Во Франции соборные библиотеки стали развиваться особенно быстро после 1000 г., когда соборные школы пре-

взошли монастырские. В Реймсе на состав такой библиотеки оказал влияние Герберт, будущий папа Сильвестр II. В 1456 г. ее коллекция содержала 469 книг по каноническому и гражданскому праву. Это был результат научного направления, которое возникло в IX—X вв. (183, с. 140; 296, с. 233). Коллекция собора Парижской Богоматери росла медленно. Первые книги появились в ней в конце X в., но затем она увеличивалась благодаря дарам. В начале XIII в. после реорганизации часть ее была выделена для использования бедными студентами (296, с. 254—255).

Значительным было развитие соборных библиотек в Германии. Первые возникли в Майнце и Кёльне в IX—X вв. От библиотеки в Майнце, созданной благодаря деятельности первых архиепископов Бонифация (ум. 754 г.), Лула (ум. 786 г.) и Рабана Мавра (ум. 856 г.), мало что осталось после Тридцатилетней войны. Далее практически во всех соборах средневековой Германии возникали библиотеки (163, с. 95—106; 296, с. 207—221). В Зальцбурге (Австрия) соборная библиотека возникла в VIII—X вв., но окончательное оформление получила к концу X в. Она существовала до первых десятилетий XIX в., когда в результате политических и военных событий была расформирована. Часть фонда через Париж попала в Мюнхен, часть — в Вену. О богатстве этой библиотеки в течение тысячи лет свидетельствуют только сохранившиеся каталоги (299, с. 8—9).

В Швеции наиболее значительные церковные библиотеки, как в других европейских странах, возникали в соборах. Историк шведских библиотек О. Валде отмечает, что набор богослужебных литургических книг, безусловно, был в каждой церкви, в том числе в сельской местности и в небольших городах, но он сомневается в том, что эти собрания можно назвать библиотеками (ср. аргументацию Б.В. Сапунова). Наиболее древние соборные библиотеки Швеции были в Скаре и Упсале (309).

На Руси сведения о соборных библиотеках касаются в основном Софийских соборов в Киеве и Новгороде, которые возникли в XI в. (59, с. 11—13; 68, с. 8—19; 131, с. 16).

В странах буддийской культуры в каждом храме также была библиотека, почитаемая всеми посетителями (265, с. 24).

В исламском мире мечети обычно имели библиотеки. Это объяснялось в том числе тем, что мечети были центрами образования. Соответственно, самая большая, главная мечеть в городе имела самую большую библиотеку. При этом необходимо иметь в виду, что в больших городах было много мечетей. Например, в Дамаске в IX—XV вв. были 31 большая мечеть и сотни мест для молитвы (20, кн. 1, с. 470; 132, с. 208—209, 224—227, 241; 148, с. 255; 197, с. 40—41; 286, с. 6—34, 54—83).

Библиотеки монастырей

Монастыри, как христианские, так и буддийские, занимают важное место в истории библиотек. В эволюции они были своего рода посредниками между античностью и развитием средневековым, когда образовательную и библиотечную эстафету подхватили университеты. В период расцвета монастырской библиотечной культуры в 1170 г. каноник Гоффруа из Сен-Барб-ан-Ож произнес знаменитую сентенцию: «Монастырь без шкафа (с книгами) как замок без арсенала (с оружием)» (163, с. 18). Общее влияние монастырской библиотеки на культуру было огромным. Некоторые исследователи сравнивают его с влиянием Александрийской библиотеки на античную культуру (302, с. 80). Историки библиотечного дела уделили ей значительное внимание. Достаточно привести следующий пример. Л. Бузас в монографии «История немецких библиотек в средние века», опубликованной в 1975 г., имеет в своем списке литературы 105 немецких работ, посвященных монастырским библиотекам (163, с. 163—168). Основателями монастырских библиотек нередко были уже основатели монастырей. Так, основатель монастыря Сент-Галлен св. Галл не только основал монастырь в 613 г., но и в соответствии

с традицией его библиотеку. Даже в настоящее время в библиотеке монастыря сохраняется Вокабулярий, который приписывается Галлу (рукопись № 913) (204, с. 345). На Афоне основатель Лавры св. Афанасия Афанасий Святого-рец был также основателем библиотеки (130, с. 171). Наконец, Кирилл Белозерский не только основал знаменитый русский монастырь, но и его библиотеку (104, с. 178).

Уже в первых монастырях Востока возникали правила (уставы), в соответствии с которыми постепенно стали собирать библиотеки. Так, в Правилах Пахомия Великого, по которым жили первые монастыри Египта, § 82 и § 100 предусматривали бережное обращение и хранение книг (204, с. 137—138). Однако крупнейший историк библиотечного дела Дж. В. Томпсон предостерегает от излишних похвал в адрес основателей первых христианских монастырей, как Востока, так и Запада, в плане их намерений создавать библиотеки. Он отмечает, что включение в правила положений о чтении и переписке совершенно не имело в виду библиотеки. Напротив, первые монахи испытывали к книгам антипатию. Христианский аскетизм всегда относился к учености с недоверием. Несомненно, в библиотеках монастырей сохранились важные книги, в том числе классической древности, но это происходило, скорее, по недосмотру, чем по сознательному намерению.

Основное желание основателей первых монастырей заключалось в том, чтобы жизнь монахов была как можно более строгой в своей чистоте. Поэтому правила фиксировали внимание на духовной деятельности и старались предельно заполнять досуг невинными занятиями. Чтения во время трапезы отнюдь не имели целью чему-то научить. Они предназначались для того, чтобы отвлечь монахов от фривольных мыслей и беседы. Переписка книг в скриптории имела целью не создание новых книг и тем более библиотек, а возникновение занятия (одного из многих), чтобы отвлечь братию от вредоносной праздности. Поэтому если не оставалось чистого пергамента, чистили ранее исписанный, иногда не один раз, и нередко не обращая внимания на содержание стирае-

мого текста. Ценилось не то, что переписывалось, а сам процесс писания как занятие для монахов при отсутствии другого, более полезного. Безусловно, среди монахов иногда появлялись любители осмысленного чтения, и когда они облекались властью, переписка и библиотеки процветали. Но в основном монахи небрежно относились к своим книгам, что и выяснилось, когда во время Возрождения в монастырских библиотеках появились подлинные знатоки и любители в поиске раритетов (296, с. 30—31).

Мнение Дж. В. Томпсона вполне подтверждается историей первых монастырских библиотек. Так, уже после Пахомия в Египте настоятель Белого монастыря, классик коптской литературы Шенуте (333—451) ввел более строгие правила аскезы, которые ограничивали чтение и переписку книг. Однако в конечном счете оказалось, что именно в этом монастыре сохранилось наиболее богатое собрание, некоторые экземпляры которого дошли до настоящего времени (20, кн. 1, с. 23; 204, с. 137). Иногда в египетских монастырях появлялись любители античности, классики. Самым известным из них был Исидор из Пелузия (род. ок. 370 г.). Он оставил более 2 тыс. писем, по которым можно было реконструировать состав библиотеки его монастыря. Исидор был знатоком патристической литературы, но часто также цитировал классиков, как греческих, так и латинских.

Монастырские библиотеки в Нитрийской пустыне Сирии имеют большое значение, так как в них сохранилась литература на сирийском языке. Настоятель одного из этих монастырей в 932 г. совершил путешествие в Месопотамию и по Сирии, из которого вернулся с 250 рукописными книгами исключительной древности и ценности. Это оказалось своевременным действием, поскольку вскоре после завоевания Месопотамии и Сирии сельджукскими турками сирийский язык исчез как живой язык, а сирийская литература известна на основании той коллекции, которая сохранилась в монастырской библиотеке (296, с. 34).

Библиотечные традиции Востока (греческого и коптского монашества) были перенесены на Запад Иеронимом,

Кассианом из Массилии¹ (ок. 360—435) и Цезарем из Арля² (ок. 470—542) и затем приняты бенедиктинцами. Кассиан считал переписку книг разновидностью ручного труда на том основании, что «монаха, который работает, тревожит только один дьявол, а незанятого — многие». Очевидно, что ни о какой библиотеке здесь не было речи. Во многих других западных монастырях раннего средневекового периода господствовало полное безразличие к книгам и их переписке. В «Диалогах» папы Григория Великого переписка упомянута как одно из занятий в одном ряду с садоводством, собиранием сена, подстриганием виноградных лоз, собиранием оливок, строительством, хлебопечением и т. д. (296, с. 31—35).

Однако на Западе возникла также другая библиотечная традиция, которая была преемницей античной и которая в конечном счете выразилась в Правилах св. Бенедикта и ордена бенедиктинцев. Персонально эта традиция была представлена Бозцием (ум. 524 г.) и Кассиодором (ум. 575 г.). Оба они были чиновниками при дворе остготского короля Теодориха Великого. Для библиотечной истории особое значение имела деятельность Кассиодора, который между 546 и 555 гг. основал в одном из своих поместий в Калабрии монастырь, получивший название «Виварий», так как поблизости находились пруды, где разводили рыбу. В монастыре была библиотека, первый взнос в которую сделал сам Кассиодор. Кроме того, он написал знаменитый библиографический труд «Институции», который был популярен в Европе на протяжении всех средних веков. Судьба Вивария является загадкой истории (296, с. 35—44).

После исчезновения Вивария библиотечная струя сохранилась в Италии в бенедиктинских монастырях, особенно в Монте Кассино, который основал сам св. Бенедикт. Однако в 581 г., спасаясь от лангобардов, монахи бежали на север и смогли вернуться лишь в 717 г., когда началось возрождение

¹ Т. е. из Марселя.

² Недалеко от Марселя.

монастыря и его библиотеки. В 581 г. они захватили с собой только одну драгоценную книгу — кодекс с Правилами, авторграфом св. Бенедикта (204, с. 300). В дальнейшем, по мере развития ордена бенедиктинцев, их библиотечная традиция распространилась по всей Западной Европе.

Третья струя эволюции монастырских библиотек Европы связана с северным влиянием — из Ирландии, Шотландии и Англии (до VII в. — Британии). В 585 г. ирландский миссионер св. Колумбан в возрасте 45 лет вместе с 12 соратниками отправился в Галлию, где основал несколько монастырей. Он закончил свою жизнь в предальпийской Италии, где в 614 г. основал монастырь Боббио. При его преемнике Аттале (аббат с 615 г.), большом книголюбе, в монастыре возникла библиотека, которая первоначально сохраняла ирландские традиции. Это объяснялось тем, что хотя Аттала был бургундцем, его монахи были ирландцами. В первой половине VIII в. из Англии в Германию прибыл св. Бонифаций (680—754) — апостол Северной и Центральной Германии. Бонифаций был англосаксом и до своей миссии во Фризию получил необходимую подготовку в английских монастырях. Одним из монастырей, которые он основал, был Фульда, ставший крупнейшим ученым центром Германии. Точно известно, что первоначально библиотека Фульды пополнялась рукописями из Англии (296, с. 44—53).

Карта монастырских и других библиотечных центров Западной Европы в средние века представлена в монографии Л.Д. Рейнолдса «Переписчики и ученые: руководство по передаче греческой и латинской литературы» (270, с. 70). Ирландия на ней не представлена, так как все книжные собрания ее монастырей погибли от рук норманнов в конце VIII—X вв. Однако книжная культура в ирландских монастырях успела развиться в V—VIII вв., начиная с апостола Ирландии св. Патрика (372—461), и затем, в том числе через Шотландию и Англию, перешла в континентальную Европу. Св. Патрик получил образование и стал монахом в монастырях Тура и Лерена. Эти монастыри сохраняли некоторые обычаи восточного, коптского монашества, передатчиком

которых был Кассиан из Массилии. Одним из них было помещение книг в сумки из тисненой кожи, которые вешали на стенах в кельях. Этот обычай до сих пор сохраняется в коптских монастырях. Однако основное влияние на ирландское монашество было все-таки не восточным и греческим, а западным, латинским. Его оказали беженцы, которые в начале V в. прибыли из Аквитании после вторжения туда германских племен франков. Сплав этих культур привел к возникновению особой книжной и библиотечной традиции ирландских монастырей, которая перешла сначала в Шотландию и Британию, а затем через Англию на континент. Однако для того, чтобы не прерывать изложение этой эволюции, сначала необходимо рассмотреть ее развитие в Шотландии и Британии.

Св. Колумбан (считается, что он основал 300 монастырей в Ирландии и Шотландии) начал свою деятельность в Шотландии с небольшого острова Айона около острова Малл в районе залива Ферт-оф-Лорн, куда он прибыл после своего изгнания из Ирландии в 563 г.¹ и откуда распространил свою деятельность на Шотландию. Кельтское (ирландско-шотландское) влияние на церковную жизнь было прекращено по решению собора в Уитби в 664 г., созданного миссией, которая была направлена на юг Англии из Рима (204, с. 318). Однако Беда Достопочтенный (673—735) в своей «Церковной истории народа англос» отметил, что в 664 г. многие англосаксы учились в Ирландии. С VII в. такое обучение считалось нормой. В Бангорском монастыре из 3 тыс. учащихся треть была англосаксами, и для них была выделена определенная территория, названная «Треугольник англос» (*Triangl Anglorum*).

Таким образом, в Англии произошло столкновение двух книжных монастырских культур — ирландской с восточными и греческими элементами и западной, бенедиктинской. Победило западное направление. Это объяснялось и тем,

¹ Св. Колумбан именовался «отец и основатель монастырей» (*monasteriorum pater et fundator*) (204, с. 313).

что папа Григорий Великий, отправивший миссию св. Августина в Англию, снабдил ее книгами, которые стали основой библиотек в бенедиктинском монастыре в Кентерберии. Эта библиотека и библиотека собора в Кентерберии считались самыми значительными в Англии. Их фонд ко времени разгрома монастырей при Генрихе VIII составлял 3 тыс. томов.

В VII—VIII вв. значительное развитие получили также монастыри на северо-востоке Англии. В монастыре Ярроу жил и творил Беда Достопочтенный. Ярроу был отделением монастыря Вермаут (*Wearmouth*), который основал Бенедикт Епископ в 674 г. Бенедикт совершил несколько путешествий в Рим, в том числе ради приобретения книг. Библиотекой в Вермауте пользовался Беда. Умирая, Бенедикт просил монахов позаботиться о созданной им драгоценной библиотеке. В Йорке в епископской школе воспитывался и начал преподавать англосакс Алкуин, который был приглашен во Францию и стал известным деятелем каролингского возрождения (204, с. 319—325; 296, с. 102—125).

Во Франции крупнейшими монастырскими библиотеками стали библиотеки Флери, Корби, Сен-Жермен де Пре и Клуни. В 936 г. папа Лев VII провозгласил Флери самым главным монастырем. Официально он назывался Сен-Бенуа-сюр-Луар (Св. Бенедикт на Луаре), потому что здесь находились в 653 г. мощи св. Бенедикта, утраченные после разрушения Монте Кассино в 589 г. Библиотека Флери была известна с X в., и если Герберту (будущему Сильвестру II) была нужна редкая книга, он посылал за ней во Флери. Вероятно библиотека возникла еще в каролингский период, но документальные доказательства этого отсутствуют (296, с. 227).

Крупнейшей из ранних монастырских библиотек Франции была Корбийская, которая создавалась в VII—XIII вв. в основном с помощью собственного скриптория. Столетняя война (1337—1453) и особенно гражданские войны XVI и XVII вв. нанесли ей значительный ущерб. Обеспокоенный участью библиотеки кардинал Ришелье перевел корбийские

книги в аббатство Сен-Жермен де Пре, но и там они подвергались хищению, пока в конце XVIII в. библиотека аббатства не была переведена в Национальную библиотеку в Париже. В самом монастыре осталось 300 рукописных книг, которые сейчас хранятся в Амьене (83, с. 121—122).

Монастырь в Ключни был основан в 910 г. и в дальнейшем стал центром монастырской реформы. В 926—942 гг. аббатом Ключни был Одо, известный как книголюб. Уже около 945 г. в Ключни был назначен ответственный за библиотеку. Библиотека пополнялась за счет собственного скриптория, даров и вкладов (296, с. 224—227).

В Германии библиотечная культура монастырей активно развивалась с VIII—IX вв., особенно после миссии св. Бонифация. Всего в Германии в средние века возникло более тысячи монастырей (296, с. 190), в том числе 350 бенедиктинских (163, с. 23). Библиотека монастыря Фульда была описана ранее. Туда привезли тело Бонифация после того, как он был убит во время своей миссии, а также, вероятно, его книги, которые он возил с собой. Считается, что на одной из них имеются следы удара мечом, от которого Бонифаций погиб. Этот кодекс, а также два других, несомненно принадлежавшие Бонифацию, именуются «Бонифацианские кодексы» (*Codices Bonifatiani*) и в настоящее время хранятся в Земельной библиотеке Гессена в Фульде (163, с. 9—10). В 822—842 гг. аббатом монастыря в Фульде был Рабан Мавр. При нем библиотека, естественно, процветала, в том числе благодаря тому, что монастырская школа стала одной из наиболее популярных в Европе (204, с. 354—357).

Считается, что библиотека монастыря Сент-Галлен возникла одновременно с монастырем. В IX—X вв. наступил золотой век монастыря как ученого и образовательного центра. Школу возглавляли ирландцы. Библиотека стала научным центром монастыря (204, с. 345—347).

Знаменитые библиотеки возникали также в других монастырях Германии: Рейхенау (основан в 724 г.), Мурбах, Лорш, Корвей, Тегернзе, Сент-Эммерам и др. (204, с. 345—

353; 250, с. 10—13; 296, с. 191—207). В Зальцбурге (Австрия) библиотека возникла в монастыре св. Петра в VIII в. Она сохранилась до XX в. (29, с. 9—10).

Все монастыри принадлежали определенным монашеским орденам, начиная с бенедиктинцев. Бенедиктинские монастыри (первый в Монте Кассино был основан Бенедиктом Нурсийским в 529 г.) распространились по всей Европе. Только в немецкоязычном культурном пространстве возникло около 350 бенедиктинских монастырей (ок. 70 в VII—VIII вв., по 70 в IX—X вв., по 100 в XI—XII вв. и единичные с XIII в.) (163, с. 23).

В X в. монастыри Клюни, Горце и Хирсау стали инициаторами реформы с целью обновления правил св. Бенедикта и приближения их к традициям родоначальников монашества, в том числе направления, представленного Кассиодором. Это привело к расцвету скрипториев. Однако отношение к античной литературе было разным. Особенно внимательное отношение к ранним средневековым авторам (в том числе к Беде) и к римским классикам проявилось в культурном круте монастыря Горце (например, Сент-Эммерам в Регенсбурге, Тегернзе, Лорш и др.). В библиотеках Клюни и клюнийских монастырей в основном представлены труды отцов церкви и раннехристианская литература, а в Хирсау и монастырях его группы, таких, например, как Бамберг, особенно любили патристическую литературу с упором на произведения Августина. Языческие классики принимались только в учебных целях для лучшего понимания христианских текстов (278, с. 33).

С конца XI в. стремление к реформам привело к созданию новых монашеских орденов, которые оказали разное, но в целом значительное влияние на развитие книжного и библиотечного дела в монастырях (278, с. 33; 252, с. 1138). Отношение новых орденов к созданию и содержанию библиотек зависело от того, каким правилам они следовали (в основном усовершенствованным правилам св. Бенедикта или Августина), а в дальнейшем также от внешних факторов, в том числе связанных с появлением внемонастырс-

ких образовательных возможностей, прежде всего университетов.

Следующие ордена и сообщества регулярных каноников¹ оказали важное воздействие на эволюцию монастырского библиотечного дела в средние века: картезианцы (осн. в 1084 г.), цистерцианцы (осн. в 1098 г.) и (с конца XI в.), августинцы — певчие (*Chorherren*) и отшельники (*Eremiten*), премонстранты (осн. в 1120 г.) и с XIII в. — нищенствующие ордена — францисканцы (осн. в 1209 г.) и доминиканцы (осн. в 1212 г.). Нищенствующие ордена в связи с тем, что делали упор на проповедь, были вынуждены поддерживать и научные занятия, и библиотеки, и университеты с их библиотеками. Они заняли ведущие позиции в таких университетах, как Пармский, Болонский, Оксфордский, Кёльнский и др. Уже в XIII в. из доминиканцев вышли выдающиеся ученые: Альберт Великий и Фома Аквинский. В конечном счете библиотеки стали важнейшим рабочим инструментом их деятельности. Однако в основном это касалось университетских библиотек, а монастырские библиотеки по той же причине стали клониться к упадку до такой степени, что около 1290 г. монахи Сент-Галлена не могли сами писать и приглашали писцов со стороны. Эти явления постепенно распространились на все ордена, в том числе на доминиканцев и францисканцев. Ведущее положение в библиотечной эволюции перешло от монастырей к университетам (163, с. 24—94; 204, с. 426, 439—458; 278, с. 34—41).

На Востоке язык и культура оставались греческими, несмотря на постоянное стремление властей к латинизации. Основным препятствием для латинизации стала христианская церковь. Ее иерархи, философы и историки стали играть ведущую роль в развитии греческой культуры, в том числе книжной и библиотечной. Монашеское движение, которое первоначально имело протестный характер против офици-

¹ Каноники — священники, жившие по уставу (канону), получавшие доходы от земельных владений и имевшие право голоса при выборе епископа.

альной церкви и соответственно против науки и культуры, постепенно изменилось в связи с необходимостью бороться с еретическими учениями. Монастыри стали центрами богословских исследований и воспитания церковных деятелей.

Восточное монашество после Пахомия Великого стало следовать правилам Василия Великого (Кесарийского), положительно относившегося к богословским исследованиям и к использованию для этой цели, а также для образования молодежи классической языческой литературы. Сам Василий получил образование в Афинах. Для монастырей, которые следовали его правилам, создание библиотек было естественным.

Позднее в IX в. положительное отношение к собиранию библиотек нашло отражение в правилах Феодора Студита, возглавившего монастырь в Константинополе в 799 г. В определенной степени он и его правила оказали такое же влияние на восточные монастыри, как св. Бенедикт на западные. В этих правилах скрипторий и библиотека занимают значительное место. В дальнейшем правила Феодора Студита использовали многие другие монастыри, в том числе афонские (215, с. 46, 56—57; 304, ч. 5, с. 207—211).

Монастырские библиотеки возникли и в Грузии. Особенно богатыми были библиотеки монастырей Давида Гареджи и Гелати, а также в очагах грузинской культуры за пределами Грузии (в Иерусалиме, на Афоне и Синае). Во второй четверти XVIII в. книгохранилища Афонской горы посетил В. Барский, по словам которого, в хранилище грузинского монастыря было больше книг, чем в библиотеках всех других афонских монастырей. Здесь было собрано более 3 тыс. рукописей, как грузинских, так и греческих и латинских (20, кн. 1, с. 196).

Греческие библиотеки появились также на юге Италии, куда прибывали греческие иммигранты с Востока. Они спасались от персидских, арабских и славянских нашествий. Ранние беженцы, возможно, были неграмотными и враждебными в отношении литературы и книг, но постепенно это изменилось, и начиная с X в. среди них появились перепис-

чики, переводчики и собиратели библиотек. Известны библиотеки нескольких греческих монастырей на юге Италии. В Апулии монастырь св. Николая в Казоле был основан в 1099 г. Его третий аббат Николай (1153—1190) не жалел средств, чтобы получить книги из Греции. Монахи, которые в основном прибыли с Востока, знали греческую литературу и предоставляли возможности для тех, кто хотел изучить греческий язык. Этот монастырь был центром греческой культуры для всей Апулии. Примерно в 1460 г. кардинал Виссарион переместил книжные сокровища монастыря сначала в Рим и затем в Венецию. В Марчиане имеется Аристофан, который по всей вероятности происходит из этого монастыря. Интерес к монастырским библиотекам южной Италии возник в конце XIX в., когда в 1879 г. в Россано был открыт пурпурный кодекс, написанный серебряным унциалом. Он привлек внимание к византийской культуре южной Италии. В настоящее время кодекс состоит из 188 листов в переплете восемнадцатого века и содержит только Евангелие от Матфея и часть Евангелия от Марка. Первоначально он, безусловно, включал все четыре Евангелия. В настоящее время кодекс считается национальным памятником Италии (233, с. 330—337).

На Руси древнейшей монастырской библиотекой была библиотека Киево-Печерского монастыря, где был принят Студийский устав, который благоприятствовал переписке книг и созданию библиотек. М.И. Слуховский приводит сведения о некоторых других монастырских библиотеках домонгольской Руси в конце XII — начале XIII в. (59, с. 13; 69, с. 19; 112, с. 136—139). И.Л. Бендерский считает, что к XII в. ведущая роль в книжно-библиотечном деле на Руси окончательно перешла от крупнейших городских соборов к монастырям (62, с. 15), а в результате монгольского нашествия в условиях почти повсеместного ослабления городов (кроме Новгорода и Пскова) роль монастырей и их библиотек еще более возросла (62, с. 20). Особый интерес начиная с XIV—XV вв. представляют библиотеки крупных монастырей — Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоко-

ламского, Троице-Сергиева и др. Известно, что в первой половине XV в. на Руси было 70 монастырей, в XVI в. — до 100 и в XVIII в. — 220 (59, с. 18; 69, с. 38; 118, с. 58).

Основатель Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл Белозерский (ум. в 1427 г.) занимался книгописанием еще в московском Симонове монастыре, где он постригся. Основав собственный монастырь в 1397 г., он продолжал заниматься перепиской и поощрял к этому своих учеников и преемников. Единственный вид собственности, разрешаемый иметь монахам, были книги, которые после их смерти, естественно, поступали в общую монастырскую библиотеку (104, с. 178; 105, с. 412). Ее первая опись была составлена уже в конце XV в. (105, с. 118).

Библиотека Соловецкого монастыря возникла позднее. Она младше самого монастыря, поскольку его основатели не занимались книгописанием, а один из них был совсем неграмотным. Н.Н. Розов датирует основание библиотеки 90-ми гг. XV в., в то время как монахи появились на Соловках в начале XV в. (Савватий — в 1429 г.) (105, с. 119—120). Основателем Соловецкой библиотеки считается игумен Досифей, задержанный в Новгороде епархиальным архиереем Геннадием, который был постриженником и учеником Савватия, для написания жития Савватия и Зосимы, он организовал здесь переписку книг для своего монастыря. Сохранились два списка этих книг 1493 и 1494 гг. В результате возникло ядро Соловецкой библиотеки.

Из-за долгого отсутствия Досифей лишился игуменства¹, но с библиотечной точки зрения дело было сделано. Он хорошо использовал предоставившиеся ему возможности для создания небольшой, но чрезвычайно многосторонней по составу библиотеки (109). Как пишет Н.Н. Розов, эта библиотека «является фактом трансплантации на далекие острова Белого моря многовековых традиций новгородской книжности. Досифей не только заказывал по

¹ В списке иерархов и настоятелей монастырей П.М. Строева Досифей под 1503 г. обозначен как «бывший» (109, с. 303, сноска 28).

своему выбору четъи книги в Новгороде, но и стремился выбирать из них наиболее авторитетные, древнейшие оригиналы» (105, с. 121).

Монастырские библиотеки возникли также в другой конфессиональной сфере — буддийской, т. е. фактически если религиозная жизнь предусматривала монашество и монастыри, то там неизбежно в конце концов появлялись монастырские библиотеки. Примеры этого многочисленны для континентальной Индии, Цейлона и Китая.

Ведическая традиция была устной в течение длительного времени, когда для облегчения запоминания и ориентации возникла даже устная библиография в виде анукрамани¹. Буддисты использовали письмо для распространения своего учения. Археологические исследования в Таксиле (знаменитом учебном центре в 700 г. до н. э. — 300 г. н. э.) раскрыли буддийскую надпись I в. н. э., но ни одной брахманской надписи того же времени. Индийский историк библиотечного дела С.Н. Чакраворти делает из этого вывод, что в ранний период существования этого университета ведическое знание передавалось в устной форме, в то время, как буддийское, как и позднее, — в письменной (167, с. 53).

Первые надежные сведения о буддийских монастырских библиотеках появились в связи с путешествиями китайских паломников Фа-сяня, Сюань-цзана, И-цзина и других, которые прибыли в Индию в V—VII вв., чтобы поклониться буддийским святыням, а также приобрести буддийские сочинения и перевезти их на родину в Китай. Китайские паломники стали усердными студентами в монастырях — университетах типа Наланды, где они переписали или заказали переписку большого количества книг. Этот вопрос был рассмотрен в главе 3.

Наланда находился на севере, где буддизм основывался на версии махаяны, но китайцы только в Индии посетили также

¹ Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности: Бесписьменное общество / Б.А. Семеновкер ; Рос. гос. б-ка. — М. : Пашков дом, 2007. — С. 67—99.

монастыри в западной, центральной и южной частях страны, где придерживались буддизма и по версии хинаяна. Махаяна («широкий путь к спасению») была выработана индийским буддистом Нагарджуной и утверждена на 4-м буддийском соборе на рубеже I—II вв. Центр хинаяны переместился на юг, особенно на Цейлон. Махаяна распространилась на север вплоть до Китая и Юго-Восточной Азии. Канонические книги стали писать на разных языках: сторонники хинаяны — на древнем языке пали, последователи махаяны — на санскрите.

Сюань-цзан и И-цзин посетили монастырь Валабхи в западной Индии. Монастырь имел библиотеку, которая получала средства на покупку книг от правящей династии. В центральной Индии Сюань-цзан посетил монастырь, в котором Нагарджуна выработал махаянский буддизм и который имел большую библиотеку. На юге он посетил монастырь Канчипура. Знаменитые китайские паломники оставили путевые записки о годах своих путешествий и привезли с собой в Китай сотни религиозных буддийских текстов, что привело к возникновению там школ переводчиков буддийских текстов на китайский язык (167, с. 54—57)¹.

На Цейлон буддизм проник в III в. до н. э. после 3-го буддийского собора в Паталипутре. Библиотеки в монастырях стали особенно процветать с I в. до н. э. Они вызывали религиозный трепет. Переписка и сохранение религиозных книг считались большой заслугой. Учение Будды в письменной форме считалось равным живому Будде. В результате возникли книжные собрания в монастырях и храмах. Созданию библиотек способствовали также правители. Как отмечает автор статьи «Литературные традиции и монастырские библиотеки древней Шри Ланки» Т.Г. Пийадаса, «цивилизованный мир безусловно обязан древним монастырским библиотекам Шри Ланки и их хранителям за значительный вклад в мировую цивилизацию, который выразился в сохранении текстов

¹ См. также: *Никифоров В.Н.* Очерк истории Китая: II тысячелетие до н. э. — начало XX столетия / В.Н. Никифоров ; Ин-т Дальнего Востока РАН. — М., 2002. — С. 159—162.

и комментариев, имеющих отношение к буддийской мысли, практически полностью» (265, с. 18).

В Китай, по преданию, буддизм проник в середине I в. н. э. Постепенно в буддийских монастырях возникали библиотеки, которые находились во взаимодействии с императорскими собраниями буддийской литературы (20, кн. 2, с. 183—184). В монастырях происходила усиленная переводческая деятельность и переписка, материалы которой оседали в библиотеках (78, с. 223). В результате возникло большое количество каталогов буддийских сочинений (20, кн. 2, с. 175—184). Своеобразным китайским явлением были также библиотеки каменных стел с текстами буддийских канонов. Самое значительное собрание на 7137 каменных стелах полных текстов более чем 105 буддийских канонических произведений объемом около 4 200 000 слов находится в горной пещере в современной провинции Хубэй (54, с. 80—82).

Значительные библиотеки возникали и в даосских монастырях. Их особенность в отличие от буддийских собраний заключалась в том, что даосские собрания находились вне императорских дворцов, в отдаленных даосских обителях, нередко в горных районах, как, например, обители в горах Лушань и Тяньтай (в нынешней провинции Чжецзян). Известны даже имена собирателей и хранителей рукописей в этих обителях (20, кн. 2, с. 193—203).

Наконец, знаменитой является Дуньхуанская библиотека, которая находилась в одном из пещерных буддийских монастырей. Она была замурована около 1000 г. во избежание разграбления и уничтожения ее предполагаемыми врагами, оставалась замурованной в течение почти тысячи лет и была случайно открыта в 1900 г. (136, с. 274—280 и др.).

Библиотеки церковных иерархов

Наиболее значительной из библиотек церковных иерархов является Ватиканская библиотека римских пап. Ранняя история библиотек рассматривалась уже в разделе «Архивы»

в связи с тем, что длительное время архив и библиотека существовали совместно. Подлинным создателем библиотеки стал папа Николай V (Парентучелли, 1447—1455), а позднее при Сиксте IV (1471—1484) она была в значительной степени отделена от архива (155; 204, с. 134, 519—525; 296, с. 449—452, 561—567 и др.).

В Константинополе библиотека патриаршества была известна, по крайней мере, с VII в. Когда при императоре Феофиле (829—842) в ходе одного богословского диспута возник спор об истолковании какого-то пассажа в книге пророка Исаии, государь развернул свой экземпляр, но возражавший ему св. Феофан заявил, что в этом экземпляре текст испорчен, и потребовал, чтобы принесли книгу из патриаршей библиотеки, размещавшейся в Фомаитском триклинии (81, с. 138).

На Руси известна знаменитая Патриаршая (Синодальная) библиотека. Она являлась частью имущества верховных иерархов и переходила в ведение каждого очередного из них. Возникновение Патриаршей библиотеки в Москве относится к митрополичьей «книжной казне» митрополита Макария (середина XVI в.). Патриаршество было учреждено в Русской православной церкви в 1589 г. При передаче библиотеки в 1721 г. Синоду библиотека получила название Синодальной (118, с. 96—98; 131, с. 38—39).

ГЛАВА 5

Пополнение (комплектование), размеры и содержание фондов

Глава 5 — первая из глав, посвященных технологическим процессам в библиотеках рукописного периода. Для их более точного понимания необходимо сразу отметить, что современные термины типа, например, «комплектование», не вполне соответствуют содержанию тех процессов, которые они (в случае их применения) обозначают при описании рукописных библиотек. Это было осознано историка-

ми библиотечного дела достаточно давно. Предельно ясно выразил эту мысль М.И. Слуховский в предисловии к своей книге «Русская библиотека в XVI—XVII вв.»:

«Изучение внутреннего облика библиотеки, формировавшегося в давнее время, не может вестись под углом зрения наших нынешних представлений. Нельзя, в силу разности эпох, вполне отождествлять рабочие процессы в библиотеке старой и библиотеке современной. Зато использовать привычную для нас библиотечную терминологию при историческом анализе возможно. Надо лишь учитывать условность применения новых понятий в отношении к прошлому. Иначе сегодняшние термины „комплектование“, „фонд“, „классификация“ и т. п., даже сама „библиотека“, превращаются в модернизацию старины» (119, с. 4).

Если положение М.И. Слуховского правильно для русской библиотеки в XVI—XVII вв., то оно тем более верно для библиотек древности и средних веков во всем остальном мире в течение почти пяти тысячелетий¹.

Пополнение (комплектование) фондов

Дж.В. Томпсон включил в свою «Историю принципов библиотечного дела» (295) два принципа, которые имеют отношение к настоящей рубрике:

Принцип 6. Библиотеки должны расти (с. 210—212).

Принцип 13. Долг библиотекаря — увеличивать фонд библиотеки (с. 220—222).

В некоторой (вновь подчеркнем *условной*) степени граница между этими принципами — это граница между по-

¹ Мы вновь обращаем внимание читателя на *условные* нижние границы этапов эволюции информационной деятельности — устный бесписьменный, рукописный, полиграфический и техногенный (электронный): 2 000 000 / 100 000—5000—500—50. При этом верхних границ эти этапы не имеют, или, точнее, их верхней границей является современность, так как информационные достижения всех этапов сохраняют свое значение до настоящего времени (117, Бесписьменное общество, с. 12).

полнением фонда и его комплектованием. Пополнение — более пассивно, комплектование — более активно. Пополнение — это получение извне того, что поступает самопроизвольно, того, что дают. Комплектование — целенаправленное действие на собирание того, что нужно. Первоначально библиотеки пополнялись, затем их стали собирать. Необходимо также иметь в виду, что в рукописный (а затем и в первопечатный) период каждый экземпляр был уникальным. По-видимому, уже Ашшурбанапал, а тем более Птолеми и их библиотекари осознали, что каждая рукопись, независимо от носителя информации, могла содержать свой, отличный от других экземпляров вариант текста одного и того же произведения. Отсюда элементы целенаправленного комплектования в библиотечной политике этих правителей.

В целом можно выделить следующие способы составления библиотечных коллекций в древнем мире и средние века до начала книгопечатания с условным делением на пополнение и комплектование.

Пополнение

- переписка (копирование);
- дарения разных видов (дары, пожертвования, вклады, завещания, дары авторами своих произведений и автографов);
- покупки;
- обмен;
- захваты (использование власти и административного ресурса, военная добыча, конфискации, кражи).

Комплектование

- целенаправленное собирание, охотники за книгами;
- списки дешифрат;
- списки новых поступлений;
- выставки собранных книг;
- сведения об источнике поступления на книгах;
- отбор;
- отсев и продажа дублетов.

Переписка, т. е. ручное копирование текстов, была основным способом пополнения библиотек в древнем мире и средние века. На Ближнем Востоке писец вообще был ключевой фигурой древнего общества. Скрипторий при библиотеке, по-видимому, возник как особый институт по копированию и размножению книг в эллинистический период в Александрийской библиотеке. Необходимость в собственном скриптории возникла не только из желания механически пополнять царскую коллекцию книг, но и из-за того, что александрийские ученые производили сверку различных списков одного и того же текста и выбирали наиболее правильную редакцию, которая после переписки становилась образцом для последующего копирования (82, с. 34). С рукописей центрального собрания в Мусее снимали копии для других библиотек, в том числе для второй части Александрийской библиотеки, расположенной в храме Сераписа на смежном с Мусеем священном участке. Переписчики Мусея копировали книги афинской библиотеки Ликея, а также книги, которые Птолемеи захватывали или присваивали. При этом копии выдавались бывшим владельцам, а оригиналы пополняли библиотеку (321, с. 156, 159).

В Риме публичные библиотеки пополняли коллекции разными методами, но когда нужно было получить произведение автора, которого уже не было в живых, обычным способом была переписка. Бригады переписчиков направлялись в другие библиотеки, в том числе частные. Император Домициан для пополнения библиотек, пострадавших при пожарах, направлял писцов даже в Александрию, особенно для копирования греческих книг. Этим писцам было также приказано брать с собой из Рима тексты для сверки их с более надежными версиями в Александрии (165, с. 102—103; 220, с. 22; 304, ч. 3, с. 117).

Ранние христианские библиотеки в основном создавались с помощью переписки, так как первоначально христиане были бедными и не могли покупать книги (304, ч. 4,

с. 164—165). В первые пять веков христианской церкви искусство писца ценилось не менее высоко, чем искусство ученого. Скриптории Памфила и Иеронима были хорошо известны. Недаром именно в Кесарее император Константин заказал пятьдесят Библий для Константинополя. Библиотека Иеронима в Вифлееме привлекала писцов даже из Испании (293, с. 409—410, 428, примеч. 18).

В средние века в Европе переписка и наличие собственного скриптория для этой цели оставались основными способами пополнения библиотек. Для переписки нужной рукописи монахи даже ездили в другие монастыри, если книгу нельзя было получить из того монастыря, где она хранилась (163, с. 75; 204, с. 264; 296, с. 627; 310, с. 44). Однако довольно рано в монастырских библиотеках стало появляться некоторое разделение функций скриптория и библиотеки. Основная задача переписчиков оставалась прежней — пополнение собственной библиотеки, но они начинали работать и по заказам извне. Так произошло, например, в монастыре Сент-Галлен уже в IX в., а затем в Туре, Фульде и Рейхенау (170, с. 50).

На Востоке в Константинополе имперская библиотека в 372 г. получила от императора Валенса штат из семи переписчиков (четыре греческих и три латинских). Зарплата им выплачивалась из имперских фондов (215, с. 48).

В коптских монастырях само название «библиотека» подразумевало одновременно и место переписки книг — «библиотека писания» (20, кн. 1, с. 83). В Эфиопии наиболее древние и знаменитые монастыри располагали не только обширными библиотеками, но и собственными скрипториями (20, кн. 1, с. 227).

Б.Л. Фонкич при анализе библиотеки Лавры св. Афанасия на Афоне делает следующее общее замечание: «Исследования русской и западноевропейской средневековой книжности показывают, что изучение истории монастырских библиотек неотделимо от изучения монастырских мастерских письма, „питающих“ библиотеки своих обителей всей необходимой литературой; другими словами,

если заходит речь о монастырской библиотеке, почти всегда должна идти речь и о находящемся при ней скриптории» (130, с. 171).

Схожим образом на Руси основным источником пополнения библиотек в монастырях была переписка книг в самих монастырях. Основатель Кирилло-Белозерского монастыря Кирилл Белозерский сам занимался перепиской книг и вменил это в обязанность отшельникам, собравшимся вокруг него. Единственный вид собственности, который им разрешалось иметь, были книги. Книгописание в монастыре продолжалось до середины XIX в. Результатом был естественный рост монастырского книжного собрания (104, с. 178—183). Приходо-расходные книги монастырей позволяют устанавливать имена переписчиков, а также расход бумаги, других материалов и средств на переписку (80, с. 47—48, табл. 2—3).

Традиция переписки книг для библиотеки в Соловецком монастыре сложилась уже в XV в. благодаря его игумену Досифею, который во время пребывания в Новгороде организовал переписку книг для своего монастыря. Эти книги стали первоначальным ядром Соловецкой библиотеки (109, с. 296). Досифей придавал первостепенное значение переписке с исправных и авторитетных оригиналов. Эта установка сохранилась вплоть до середины XVII в., когда монастырский скрипторий — «книгописная палата» — выделился и обособился от книгохранилища (108, с. 320—321).

В Китае традиционным был государственный размах в поиске и переписке книг для императорской библиотеки. При династии Тан переписчики для императорского скриптория проходили специальную подготовку. В 627 г. при Ли Ши-мине (император Тай-цзу) последовал указ, по которому искусные в письме дети из знатных семей назначались писцами (шушоу) в скрипторий (сецзан), расположенный во внутренних дворцовых книгохранилищах. Во главе этого скриптория был поставлен специальный чиновник (гунжень, т. е. один из смотрителей императорских дворцов). Естественно, что такой способ отбора искусных писцов

обеспечивал своевременную переписку постоянно увеличивающегося потока текстов. При императоре Сюань-цзуне (712—755) во главе комплектования библиотеки был поставлен «комиссар по изготовлению книг» (сю тушу ши) (20, кн. 2, с. 144—145).

При династии Сун при книгохранилищах были учреждены особые отделы переписки, персонал которых доходил до двухсот человек, т. е. снятие копий производилось, по-видимому, в очень больших масштабах. Помимо снятия копий новых сочинений в отделах переписки производилась работа по восстановлению и дополнению текста рукописей, пострадавших от времени или испорченных книжными вредителями. Для этого в книгохранилищах были учреждены должности ученых корректоров (129, с. 261—262).

Для многих библиофилов переписка книг была приятным и любимым занятием. Значительная часть таких частных библиотек состояла из книг, переписанных лично их владельцами. Ценность этой переписки усугублялась тем, что в ее процессе происходила проверка текста, исправление ошибок, восстановление лакун и т. п. на самом высоком научном уровне, так как лица, осуществлявшие ее, в большинстве случаев были выдающимися учеными-эрудитами и знатоками литературы (129, с. 291—292).

В буддийских и даосских монастырях переписка книг и скриптории возникли уже при династии Суй к концу VI в. Источники совершенно ясно подтверждают, что при буддийских монастырях были профессиональные писцы, копировавшие рукописи и получавшие за свою работу определенное вознаграждение (20, кн. 2, с. 189—191). При даосских обителях также были скриптории, где переписывались рукописи по той же форме, что и буддийские: троекратная сверка и специальные наблюдатели для рукописей императорских заказов.

Представляет интерес тот факт, что в даосские обители были сделаны вложения для того, чтобы «стимулировать» перепиской книг появление на свет наследника престола,

так как даосы занимались вопросами судьбы и общения с силами, ведающими движением судеб. Видимо, переписка рукописи «подействовала», и в 666 г. родился будущий император Чжун-цзун (на троне в 684 г., а потом повторно в 705—709 гг.) (20, кн. 2, с. 204—206).

Дарения

Уже с древности дары разных видов были, наряду с перепиской, одним из важнейших способов пополнения библиотек, особенно публичных, учебных и религиозных. В Афинах и на острове Родос эфебы и щедрые граждане снабжали книгами в форме даров свои гимнасии и другие учебные заведения. На острове Кос известен список донаторов в местную библиотеку (204, с. 139; 266, с. 146—151).

В Риме было принято, чтобы авторы приносили свои произведения в дар публичным библиотекам. Это была одна из форм публикации и способом доведения нового произведения до заинтересованных читателей. Дар в публичную библиотеку повышал престиж авторов. К тому же они надеялись, что благодаря этому дару на них обратит внимание император. В результате автору могли воздвигнуть статую в библиотеке, что было одной из форм его признания. Таким образом, текущее комплектование осуществлялось путем пополнения по мере создания произведений преимущественно за счет авторов. Ранее созданные произведения (ретроспективное комплектование) приходилось переписывать. Публичные библиотеки пополнялись, а иногда после пожаров также восстанавливались благодаря дарам императоров (165, с. 102; 220, с. 22; 304, ч. 3, с. 117).

В раннюю христианскую эпоху до Константина дары в литургические или церковные библиотеки были редким явлением. Первый такой дар церкви зафиксирован документально только в 471 г. (293, с. 427—428, примеч. 16). В дальнейшем положение изменилось.

Одной из форм дарения было завещание (письменное или устное). Например, в 430 г. Августин на смертном одре

распорядился передать свою личную библиотеку церкви в Гиппоне, где он был епископом. Биограф Августина Поссидий составил ее каталог. Однако уже в следующем году вандалы опустошили Гиппон, и дальнейшая судьба библиотеки неизвестна (293, с. 423, 434, примеч. 97).

Дары, завещания и вклады оставались важными элементами пополнения библиотек, особенно церковных, монастырских и университетских. Папа Григорий Великий подарил книги церкви св. Клементя в Риме. Каталог в виде молитвы был помещен на мраморной плите в вестибюле церкви (258, с. 7). Послушники при поступлении в монастырь часто приносили с собой книги. Книжные вклады делали в виде одной книги или целых собраний. Иногда это объяснялось желанием сохранить собрание в надежном месте в качестве составной части большой библиотеки (163, с. 142).

Университеты также стали получателями книжных даров. Основными дарителями были профессора и студенты (163, с. 142—143). Библиотека Сорбонны — крупнейшее богословское собрание в Европе — возникла благодаря дарам. Дарителями были члены колледжа, которые завещали ему свои книжные собрания как долг благодарности. Их имена и годы дарений отражались в рукописях и каталогах. Очевидно не вполне полный список включает около 170 имен. Среди них ученые всех европейских стран от Испании до Польши (204, с. 430).

В Англии университетские библиотеки пополнялись в значительной мере благодаря дарам. В Оксфорде это касается как общеуниверситетской библиотеки, так и библиотек отдельных колледжей. Университетская библиотека возникла уже в конце XII в., но подлинным ее основателем был Томас Кобэм, епископ Вустера, который в 1327 г. завещал университету собственные книги и 350 марок на строительство библиотеки. Последнее не удалось осуществить, и библиотека находилась до 1446 г. (с перерывом в десять лет после смерти дарителя) в церкви св. Марии. Самый крупный дар библиотека получила в 1435—1444 гг. от герцога Глос-

терского Хамфри. К сожалению, эти книги были уничтожены при Эдуарде VI. Тем не менее в 1488 г. хранилище наиболее ценных книг в Бодлеянской библиотеке получило название «Библиотека герцога Хамфри». Дары поступали и от других лиц, но не в таком количестве. Это были отдельные книги или небольшие коллекции (179, с. 113—116; 296, с. 390—393). Дары получали также библиотеки отдельных колледжей, в том числе при их основании (296, с. 393—397).

Немецкие университетские библиотеки также получали значительные дары как от императоров, так и от профессоров. Так, Карл IV основал университет в Праге и в 1370 г. подарил колледжу, носящему его имя (*Collegium Carolinum*), 114 рукописей. В 1365 г. австрийский герцог Рудольф IV основал университет в Вене, факультетские библиотеки которого стали быстро пополняться благодаря дарам профессоров (278, с. 57).

В коптской церкви дары были принятой формой пополнения библиотек. Настоятели монастырей и монахи на собственные средства заказывали переписку книг для библиотеки своего монастыря. Дарение книги было одним из самых распространенных видов вклада в монастырь и считалось актом глубокого благочестия. Многие люди делали заказы на переписку книг для пожертвования в монастырь или церковь «ради спасения души». Книга была дорогим приношением, и нередко она дарилась от имени всей семьи. Среди дарителей часто встречались женщины. Бывали случаи, когда даритель заказывал переписать книгу для монастыря монаху этого же монастыря. Иногда по заказу дарителей монахи переписывали книги, хранящиеся в монастыре, для пожертвования копии в другой монастырь. Однако дарители могли при случае покупать готовые рукописи для вклада в монастырь (20, кн. 1, с. 83—86).

В Эфиопии монастыри, находившиеся под особым царским покровительством, часто получали в дар не только земельные пожалования и денежные вклады, но и книги, иногда очень дорогие и богато иллюминированные. Царям в этом отношении подражала и знать, которая проявляла

щедрость к «своим» монастырям и храмам. Записи о таких вкладах заносились обычно на свободных или специально подшиваемых листах особо ценных книг. Иногда они вносились царскими летописцами и на страницы царских хроник. О том, что библиотеки именно *пополнялись* за счет даров, свидетельствует высокий уровень дублетности в библиотеке эфиопского монастыря в Иерусалиме. Сохранилась ее опись XV в. Библиотека содержала 40 названий в 125 томах. Одних Псалтирей было 50. Иерусалимская библиотека не вполне характерная. Она находилась под особым царским покровительством. В других монастырских библиотеках средневековой Эфиопии уровень дублетности был ниже (20, кн. 1, с. 227; 102, с. 138—141).

В Сирии монастырские библиотеки пополнялись как за счет принявших монашество лиц, так и за счет посторонних, пожелавших оказать монастырю благодеяние. Известно, например, что обширная библиотека сирийского монастыря Пресвятой Богородицы в Нитрийской пустыне обогащалась благодаря поступлениям от жителей и уроженцев г. Тагрита. Ее вкладчиками были также настоятель монастыря Моисей Нисибийский и александрийский патриарх Авраам (20, кн. 1, с. 140).

Вклады были важным средством пополнения монастырских библиотек также на Афоне. Б.Л. Фонкич, который изучал книги X—XIII вв. в библиотеке Лавры св. Афанасия, отмечает, что рукописи содержат многочисленные записи с указанием факта дарения книги. Однако многие рукописи таких помет не имеют. Тем не менее Б.Л. Фонкич показывает на одном примере, как можно с определенной долей вероятности установить, как книга попала в афонскую библиотеку (130, с. 171—172).

На Руси дарения также были распространенной формой пополнения церковных и монастырских библиотек. Монахи, церковнослужители и прихожане монастыря или храма совершали в них «вклады» или пожертвования книгами. Вклады прихожан могли быть не только индивидуальными, но и семейными. Вкладчиками выступали люди разных сословий,

состояний, чинов и профессий: от великих князей и царей до зависимых людей. Нередко в книгах имелись «вкладные подписи», которые документировали вклады. Так, вкладные записи библиотеки Соловецкого монастыря упоминают до 150 имен жертвователей только среднего социального круга, вплоть до лиц простого звания. Библиотека Иосифо-Волоколамского монастыря в XVI в. насчитывала по своим подписям 189 вкладчиков. Вклады могли совершаться по завещаниям, в том числе «по слову» — устно сказанному завещанию или распоряжению родным и близким в случае смерти или какого-то другого события, либо сообщения о своем решении сделать вклад в храм книгами своему духовному наставнику. Немало книг поступало вместе с теми, кто принимал постриг (90, с. 67; 104, с. 181; 119, с. 36—43; 131, с. 24—26).

В Соловецком монастыре вклады составляли половину всех книг, поступивших в монастырскую библиотеку в XVI—XVII вв., причем их рост был прямо пропорционален росту всего собрания. В Сийском монастыре книжные поступления в виде дара достигали трети всех поступлений, а в Красногорском — больше половины (90, с. 67).

Путем дарений пополнялись также некоторые светские библиотеки. Например, Алексей Михайлович будучи еще царевичем составил свою библиотеку почти сплошь из подарков: то книгой его «благословил патриарх Иосиф Московский и всеа Руси», то «челом ударил думный дьяк Михаил Данилов», то «челом ударил боярин князь Алексей Михайлович Львов» и т. д. (119, с. 45).

В исламских странах вакф был важнейшим способом создания и пополнения библиотек. Источником вакфа могло быть любое лицо, а получателем — любое учреждение. Особенно часто вакфные библиотеки создавались при мечетях, т. е. дар в форме вакфа предназначался всей общине. В целом книжные дары являлись основой пополнения библиотек мечетей. Дарителями могли быть халифы и другие правители, знать, визири, ученые и состоятельные люди. Примеры бесчисленны, вплоть до конца XIX в. (286, с. 88—89, 92—96).

В Индии и Китае члены правящих домов дарили книги библиотекам буддийских монастырей и университетов. В Наланде местные правители выделяли значительные суммы на пополнение библиотеки. На территории университета в Валабхи был найден ряд надписей, которые сообщают о дарах местных правителей на покупку книг для библиотеки. Раджи из династии Пала снабдили университет Одантапури великолепной библиотекой буддийских и индуистских книг (20, кн. 2, с. 60—62). В Китае буддийские монастырские библиотеки столицы получали рукописи из императорских библиотек, а периферийные монастыри нередко становились адресатами богатых дарений Трипитаки из столицы (20, кн. 2, с. 184—185).

Покупки

Покупка является промежуточной формой пополнения библиотек первоначально с элементами и затем все с большим уклоном в целенаправленное комплектование. Покупку книг и даже целиком частных библиотек осуществляли Птолеми для пополнения Александрийской библиотеки (266, с. 152). Однако этот путь комплектования был, скорее, дополнительным. То же в Риме. Публичные библиотеки покупали только ходовую текущую литературу, но при этом предпочитали собственную переписку, так как торговые экземпляры изобиловали ошибками. Скорее наоборот: библиотечные экземпляры служили стандартом для торговой переписки (189, с. 87; 204, с. 140).

Ранние христианские библиотеки практически не использовали книжную торговлю из-за бедности общин. До Константина это случалось очень редко (293, с. 428, примеч. 17; 304, ч. 4, с. 165). В средневековой Европе покупка книг была практически невозможна, поскольку после падения Римской империи книжная торговля и издательское дело исчезли до конца средних веков (204, с. 248—249). Безусловно, были отдельные исключения. Так, монахи монастыря Вадстены в Швеции во время странствий и поездок по Европе

покупали книги в Париже и Риме (309, с. 17—19). Позднее университетские библиотеки покупали книги, но это также был дополнительный источник комплектования (204, с. 430; 278, с. 57).

Коптские монастыри использовали покупку книг как средство пополнения библиотек. Самая ранняя запись об этом имеется на Ватиканской сирийской рукописи, из которой следует, что эта книга была куплена такого-то числа такого-то месяца 576 г. для монастыря в Ските ее настоятелем вместе с другими книгами. В 927 г. во время поездки в Багдад и последующего пятилетнего путешествия по Северной Месопотамии настоятель Моисей покупал книги для монастыря. Покупали книги и дарители (20, кн. 1, с. 83—87).

Афонские монастыри также могли покупать книги. Однако, как отметил Б.Л. Фонкич, ему не приходилось встречать в греческих рукописях ранних записей с регистрацией покупки кодекса (обычно такие записи писали почерками XV—XVIII вв.) (130, с. 172).

На Руси монастыри лишь изредка покупали книги для своих библиотек. Это характерно даже для таких крупных монастырей, как Кирилло-Белозерский и Соловецкий (90, с. 67; 104, с. 178). В Антониево-Сийском монастыре за 120 лет было куплено 13 рукописных книг (90, с. 46).

В Китае книги покупали и для императорских, и для частных библиотек. Во второй половине X в. императорские библиотеки приобрели большое количество книг посредством закупок в различных областях Китая. Библиофилы тратили на покупку книг большую часть жалованья. Например, Шэнь Ли, биография которого включена в «Историю Сунской династии» («Сун ши»), находясь на службе в провинции Сычуань, тратил всё свое жалованье на приобретение книг, в результате чего собрал очень большую коллекцию. Его заинтересовался император Шэнь-цзун (1068—1085), и Шэнь Ли представил ему каталог своих книг. Пополнение фонда императорской библиотеки осуществлялось и путем покупки частных библиотек. Так, была приобретена большая библио-

тека Хэ Чжу, проданная его внуками около 1131 г. (129, с. 252, 260—261, 281—282).

В исламском мире с развитой книжной торговлей покупки были распространенным средством комплектования библиотек. Их основатели тратили на приобретение книг огромные суммы (182, с. 129).

Обмен

Обмен книгами был в незначительной степени принят среди монастырских библиотек Европы. Этот способ применялся, если библиотека имела много экземпляров одного произведения или считала некоторые книги ненужными для себя (163, с. 142). Тем не менее иногда обмен был средством целенаправленного комплектования. Например, в XII в. Ключни осуществлял такой обмен с другими монастырями. Беда Достопочтенный умолял приора другого монастыря прислать ему «Письма» Августина. В обмен он выслал книги, которые запрашивались приором, а недостающие обещал приобрести и переслать позднее (256, с. 226—227). Известны случаи книгообмена между монастырями в Нормандии и Англии (296, с. 243—244).

На Руси книгообмен при комплектовании библиотек тоже был достаточно редким. Тем не менее он существовал между близлежащими русскими монастырями, а также с зарубежными. Особенно хорошо был налажен документообмен с Болгарской и Константинопольской церквами (131, с. 26—27). Факт обмена мог отмечаться в книге. Так, в одной из книг Кирилло-Белозерской библиотеки написано: «Сия книга Кириллова монастыря; променял поп Аверкище Ширяев, а в то место взял в Кириллове монастыре ... Евангелие толковое воскресное печатное». После этого на книге появилась помета, уточняющая место книгообмена: «Книга Исак Сирий из Кивуи (одна из монастырских вотчин), взят вместо Евангелия толкового воскресного» (104, с. 183).

При случае меняли старую книгу на новый экземпляр. Так, в московском Ивановском монастыре в 1699 г. дана

была «Триодь цветная» в вишневом сафьяне, а прежняя взята. Известен факт крупной обменной операции. В 1677 г. библиотека Печатного двора получила из Пскова от архиепископа Арсения партию рукописей и взамен отослала печатные издания. Интерес представляет то, что в инвентарном документе дана коммерческая оценка этой сделки (119, с. 46).

В Китае библиофилы применяли более совершенную форму книгообмена, которому предшествовал обмен информацией о составе их книжных фондов. Взаимное информирование было принято среди многих библиофилов периода Сун. Так, два крупнейших библиофила этого времени Ван Цинь-чань и Сун Минь-цю договорились о взаимном информировании о составе своих коллекций, чтобы посылать друг другу копии отсутствующих у них сочинений. Благодаря книгообмену им удалось значительно пополнить свои собрания (129, с. 282).

Захваты

Под захватами имеются в виду трофеи, разграбления и конфискации во время войн, подавлений сопротивления различных противников, преследований народов и религиозных отклонений от принятой конфессии. В эту категорию входит также использование власти для получения желаемых книг.

Во время войн книги были одним из трофеев завоевателя, особенно если он знал им цену. Если не знал, то книги просто уничтожались. Поскольку войны являются постоянной чертой цивилизации, то примеры и захватов книг в качестве трофея, и их бездумного уничтожения бесчисленны вплоть до нашего времени.

Древнейшим завоевателем-книголюбом был Ашшурбанапал. В его библиотеке были подлинные вавилонские тексты, которые могли попасть в нее после того, как он подавил восстание своего мятежного брата в Вавилоне. После взятия Вавилона подверглись конфискации храмовые и частные собрания. Ашшурбанапал направлял своим наместникам письма с указанием, у кого и что следует конфиско-

вать. Одно из этих посланий сохранилось и свидетельствует о том, что царь был детально осведомлен о содержании этих коллекций и называл конкретные таблички, которые хотел бы получить (240, с. 25—26).

Древний Рим также дает яркие примеры приобретения ценных библиотек в качестве военного трофея. Именно трофеи были одним из важнейших источников первых римских библиотек, в том числе публичных (144, с. 45—46). В 168 г. до н. э. римляне разгромили и пленили последнего царя Македонии Персея. Библиотека македонских царей была перевезена в Рим, но в отличие от других трофеев стала собственностью сыновей триумфатора консула Эмилия Павла. В 70 г. до н. э. Лициний Лукулл после победы над Митридатом VI Евпатором перевез его библиотеку из Синопы в Рим, где предоставил ее всем желающим. В 86 г. до н. э. Корнелий Сунна перевез в Рим захваченную им библиотеку Аристотеля и Феофраста. Однако все эти библиотеки были в частных руках. Тем не менее их наличие в Риме к середине I в. до н. э. привело другого величайшего полководца и государственного деятеля Рима Юлия Цезаря к идее создания общедоступной публичной библиотеки (100, с. 218—220).

В Китае пополнение императорских библиотек за счет захватов и конфискаций в завоеванных областях тоже было принято достаточно широко, особенно при династии Сун. Много рукописей и печатных изданий было получено из Сычуани после ее покорения в 965 г. Книги оттуда вывозил специальный уполномоченный. Аналогично поступали с библиотеками других завоеванных провинций. В 979 г. после того, как правитель независимой области У юе (провинция Чжэцзян) признал власть сунской династии, его библиотека была вывезена и присоединена к императорскому собранию (129, с. 252). Некоторые из этих книг попадали в частные коллекции высших сановников и родственников императора (129, с. 282, примеч. 3).

В Средней Азии Тимур (1370—1405) собирал рукописи в покоренных им странах и отправлял на родину. В результате возникло несколько дворцовых библиотек. Особенно

широкую известность получила библиотека в Самарканде. Ее поисками занимались вплоть до XX в. (86, с. 23—27).

В исламских странах одним из способов пополнения и даже основания библиотек было разграбление и конфискация книжных собраний религиозных сект и еретиков в ходе религиозных конфликтов. В этом случае действовал принцип: «Военная добыча принадлежит победителю». Во время религиозных преследований некоторые неразборчивые в средствах книголюбы под аплодисменты толпы объявляли еретиками владельцев библиотек, которые они хотели захватить. К примеру, еретиком объявили аль-Кинди, а его библиотеку захватили те, кто сами были книголюбями. Однако они сохранили библиотеку, притом основали с помощью ее фонда специальную библиотеку в Багдаде и вдобавок дали ей имя бывшего владельца. К счастью, с аль-Кинди сняли обвинение в ереси и вернули ему его библиотеку. Другим повезло меньше, и их библиотеки стали основой новых библиотек (246, с. 86—87).

Формой захвата было и использование власти и административного ресурса для получения желаемых книг. В этом плане отличилась Птолемея. В эллинистическом мире была знаменитой история о том, как Птолемей Эвергет получил из Афин для переписки государственные экземпляры рукописей произведений Эсхила, Софокла и Эврипида, оставив в залог 15 талантов серебра. После того, как были изготовлены наилучшие копии, их вместо оригиналов отослали в Афины и сообщили, что афиняне могут оставить себе залог (266, с. 118—119). Известно также, что при заходе судов в Александрийскую гавань у владельцев отбирали рукописи и взамен вручали копии.

Использованием административного ресурса в приобретении книг отличался знаменитый английский библиофил Ричард из Бери. Для него как для епископа были доступны библиотеки многих монастырей, и при случае он принуждал владельцев отдавать ему ценные книги. Так, он принял от аббата Сент-Албанса четыре ценных тома в обмен на то, что в качестве епископа позволил ему заключить в темницу

тех, кого тот отлучил от церкви. Вслед за этим аббатство продало ему 30 книг за сравнительно незначительную сумму. Хронист назвал это «позорным фактом» (296, с. 385).

На Руси имели место своеобразные реквизиции книг в одних библиотеках для пополнения других, поскольку книг, прежде всего богослужебных, не хватало. Положение стало особенно трудным, когда в 1552 г. пало Казанское ханство. Московское государство оказалось перед необходимостью срочно осваивать покоренную область. Свободного книжного фонда не было, а церкви требовалось обеспечить хотя бы минимумом литургической литературы. В монастырях реквизировали книги и передавали их архиепископу Гурию, которому было поручено миссионерство в Казани (119, с. 56).

В Германии в XV в. в королевские библиотеки попадали еврейские книги, как результат конфискаций во время преследования евреев (163, с. 129).

Целенаправленное собрание

Уже в древности в библиотечной политике некоторых правителей появилось целенаправленное собрание, т. е. комплектование с определенным замыслом. Обычно это было стремление к созданию полной коллекции литературных текстов собственного культурного мира, в первую очередь на своем языке или письменности. Это в особенности было характерно для Ашшурбанапала, Птолемеев, китайских императоров и правителей Италии в период Возрождения.

Ашшурбанапал лично принимал участие в комплектовании и вовлекал в этот процесс различных официальных лиц, прежде всего своих наместников и представителей в провинции. Ранее в параграфе «Захваты» было описано его послание наместнику в Борсиппе. В нем указаны конкретные таблички и тексты с указанием первой строки, в которых царь был заинтересован. Особенно характерно указание изъять для царя любую ценную табличку, содержащую текст, отсутствующий в его библиотеке. Это предполагает,

что корреспондент царя должен был знать состав его библиотеки (56, с. 229; 240, с. 25—26).

Птолеми в Египте при составлении коллекции Александрийской библиотеки тоже стремились к созданию в первую очередь полного и надежного собрания текстов на греческом языке с целью их научной верификации и получения стандартных версий для последующей переписки.

Наиболее масштабной и продолжительной во времени была политика государственного комплектования библиотек в Китае — стране истории и книжной культуры. Это проявилось даже в том, что при династии Сун школьные библиотеки провинции комплектовались из центра. В 1001 г. был издан указ о передаче окружным и уездным училищам по одному экземпляру изданий девяти классических конфуцианских книг. Снабжение училищ правительственными изданиями продолжалось и в последующее время (129, с. 274—276).

Тем не менее наиболее развернутой была государственная деятельность по комплектованию императорских библиотек. В правление ханьского императора У-ди (140—87 гг. до н. э.) был введен план комплектования библиотечного фонда, начат сбор древних книг и записей со всей страны. Это объяснялось стремлением восстановить литературную ткань древнего Китая, нарушенную книжным погромом, который устроил циньский император Ши-хуан (95, с. 171). Однако систематическое собирание императорской коллекции началось в правление императора Чэн-ди (32—7 гг. до н. э.), причем некий Чэнь Нун был послан для поисков книг по всей стране с правом непосредственного доклада государю. В результате возникла национальная книжная коллекция и национальная библиография «Семь подразделений» — Ци люэ (20, кн. 2, с. 135).

Аналогичная активность наблюдалась при династии Тан. Особенно интенсивно столичная библиотека пополнялась при императоре Вэнь-цзуне (827—840). Его библиотекарь Чжэн Тань-ши постоянно сообщал государю о сочинениях, отсутствующих в библиотеке, и о мерах, принимае-

мых для их разыскания и переписки. Специальные императорские указы следовали один за другим. К середине IX в. библиотека значительно выросла, но в 880 г. в ходе падения династии она погибла (20, кн. 2, с. 148—149).

При династии Сун продолжались систематические розыски книг в провинции и даже в Корее. Постоянно издавались указы о розыске отсутствующих книг для пополнения императорской библиотеки. В том числе обращалось внимание на получение местных изданий. В 1186 г. по докладу Мо Шу-гуана был издан указ о представлении всеми местными властями каталогов библиотек, находившихся в их ведении, для сличения их с каталогами императорских книгохранилищ на предмет выявления недостающих изданий и присылки их копий (129, с. 260—261).

В Италии в период Возрождения в XIV—XV вв. появились люди, которые в буквальном смысле охотились за книгами. Объектами были в первую очередь тексты латинской и греческой классической древности. Наиболее известными в этой плеяде охотников за книгами были Петрарка, Бокаччо, Колуччо Салютати (1330—1406), Поджо Браччолини (1380—1459), Николло Никколини (1364—1437), Веспасиано да Бистиччи (1421—1498), Томмазо Парентучелли (будущий папа Николай V) и другие. В результате европейская культура обогатилась многими не известными ранее произведениями классической древности (296, с. 509—515).

На Руси в этой связи необходимо упомянуть путешествие Арсения Суханова на Афон. Экспедиция Суханова была библиотечной «командировкой» за границу. Она была отправлена Никоном с целью получения от греков книг, которые отсутствовали в русских монастырских собраниях и были необходимы для его реформы. Экспедиция завершилась несомненным успехом. Суханов не только привез 498 экземпляров книг, в том числе светских текстов классической древности, но и добился присылки их и впредь. В дальнейшем греческие иерархи, которые приезжали в Москву, привозили с собой книги. Всего православные иерархи из разных стран прислали в Москву около 200 книг (118, с. 119—121).

Эта форма работы с фондом была достаточно редкой, но она все же встречалась, особенно в Китае в связи с целенаправленной системой государственного комплектования императорской библиотеки. Так, при династии Сун в 984 г. был издан указ о сличении наличного состава книг в книгохранилищах с танским каталогом на предмет устранения лакун. Списки отсутствующих книг были опубликованы для всеобщего сведения, и для лиц, представивших их в библиотеку, были установлены награды. В 1061 г. был издан указ о розыске отсутствующих сочинений и составлен перечень их названий для рассылки в провинции. С этой же целью в 1110 г. по докладу Хэ Чжи-гуна был составлен список лакун (129, с. 260—261).

В частной библиотеке список дезидерат был обнаружен в клинописном тексте периода Селевкидов. В этом каталоге заклинаний около многих заглавий с краю имеется отметка «ни» — «не имеется» (114, с. 92, 100).

Учет новых поступлений

Учет новых поступлений мог быть в трех формах: списки новых поступлений, выставки собранных книг и сведения в книгах об источнике поступления. Древнейшими примерами первой формы учета являются списки новых поступлений в библиотеку Ашшурбанапала. В них включены сведения примерно о 2000 табличек и 300 навощенных досках. Указаны источники комплектования: в основном частные библиотеки, а также библиотеки брата царя и одного из ученых, который служил при царском дворе. Материалы поступили в библиотеку в 647 г. до н. э. после падения Вавилона в результате гражданской войны. Ассирийский царь ограбил вавилонские храмовые и частные библиотеки. Таким образом, эти списки не являются частью постоянной практики. Они отражают единичную акцию в связи с чрезвычайным событием (114, с. 99).

Раннехристианский список новых поступлений был найден в Египте в окрестностях Луксора в 1888 г. Он был написан с обеих сторон на остраконе — куске известняка неправильной формы с размерами 18,5×24,5×2,8 см. Список датируется концом VII—началом VIII в. и является каталогом монастырской библиотеки. В каталоге имеется 80 названий книг, которые разделены на три части. Первая часть — первичный каталог из 33 названий, расположенных по содержанию. Вторая включает 25 названий и является первым дополнением первичного каталога. Третья имеет название «Поступившие после них в монастырь святой суть следующие» и включает 22 названия книг разнообразного содержания, по всей видимости, в порядке поступления (20, кн. 1, с. 91—92).

Перечни книг, переписанных для игумена Соловецкого монастыря Досифея в Новгороде, находятся в приписках двух из них. Досифей перечислил не только книги, написанные в 1493 и 1494 гг., но и вновь им заказанные, а также отметил, в каких частях монастыря их следует расположить (109, с. 297—299).

В Китае при династии Тан во время правления Сюаньцзуна (712—755) в ходе пополнения и приведения в порядок императорской библиотеки для служащих государственных учреждений была устроена выставка собранных книг. После этого библиотека была перевезена в императорский запретный город (20, кн. 2, с. 145—146).

Сведения об источнике поступления было также принято приводить в книге. В Александрийской библиотеке это делали на ярлыках свитков. Сведения на ярлыках включали информацию о том, где и каким образом были приобретены экземпляры. Указывались даже имена предыдущих владельцев. По ходу исследования текста книги, после того как она попадала в руки ученых Мусея, на ярлык могли вносить дополнительную информацию. В дальнейшем эта информация попадала в комментарии и схолии к классическим текстам (240, с. 65—66).

Первоначально составители библиотек, особенно крупных, стремятся к максимальной полноте коллекции. Затем, однако, может возникнуть перенасыщение одними и теми же текстами или выясняется, что в фонде имеются нежелательные и даже запрещенные тексты. В этом случае становится необходимым отбор как при комплектовании, так и при оценке существующего фонда.

Уже в Риме отбор было трудно отделить от цензуры. Сенат во время Пунических войн, император Август и другие запрещали и по возможности уничтожали книги пророчеств и предсказаний, так как они могли быть одной из форм оппозиции. Диоклетиан изымал из библиотек и уничтожал христианскую литургическую литературу. После победы христианства отбору подлежали языческие авторы, христианские авторы, которые не получили признания церкви, и еретические работы (220, с. 20—21).

Отбор по цензурным соображениям продолжался и в средние века. Даже в период Возрождения в Европе монастыри и соборы продолжали относиться враждебно к античной литературе. Доминиканцы постоянно запрещали чтение языческих авторов, книг по философии, свободным искусствам и светской науке. Они также запрещали книги по алхимии и магии. Молодым членам ордена рекомендовали избегать чтения Данте. Даже в 1311 г. доминиканцы отвергали кодексы, где использовались арабские цифры, хотя они уже более столетия были приняты в мире латинского языка. Францисканцы осуждали «любопытство» в чтении. В число таких «любопытных книг» (*libri curiosi*) включали роскошно оформленные кодексы и книги со светским содержанием. Более того, в 1266 г. Общее собрание ордена постановило, что все биографии св. Франциска, написанные ранее варианта Бонавентуры, подлежали сожжению. В биографии Бонавентуры были сознательно приглушены мистические черты основателя ордена, обусловившие возникновение еретических идей (220, с. 85—87). Основной принцип заключался в том, что нужно

иметь не большое, а ограниченное количество отобранных книг (163, с. 74—75).

Дублеты из монастырских собраний могли продавать. На некоторых эфиопских книгах есть записи о том, что они были куплены непосредственно у церкви или монастыря (102, с. 136). На одной из книг библиотеки Соловецкого монастыря имеется запись, что в 1622 г. она была продана в соседний с Соловецким монастырем Анзерский скит (109, с. 301).

Влияние книгопечатания

Книгопечатание оказало прямое влияние на комплектование библиотек. В Китае оно ощущалось уже в XI—XII вв. В этот период комплектование библиотек стало смешанным: рукописные и печатные (ксилографические) книги. Было также принято комплектовать эстампажи с каменных книг (129, с. 253, 276—278).

На Руси к XVIII в. прекратилось комплектование монастырских библиотек рукописными книгами. В них поступили и рукописные богослужебные книги из церквей, когда их было запрещено использовать при богослужении (108, с. 330; 109, с. 299).

Рекомендации по комплектованию

Поскольку специальное библиотечное образование отсутствовало, возникали рекомендации по комплектованию. Их создавали отдельные заинтересованные люди по собственной инициативе или по просьбе других лиц.

Чжэн Цяо, знаменитый китайский ученый и библиофил периода Сун, включил в свой труд Тун чжи особую статью, где излагаются восемь правил, которыми должен руководствоваться коллекционер при разыскании книг:

- при разыскании определенных сочинений необходимо обращаться в те места или учреждения, к которым эти сочинения имеют непосредственное отношение по своему характеру или содержанию. Например, со-

чинения по астрономии следует искать прежде всего в астрономической обсерватории, а затем уже в других местах;

- часть нужных сочинений рекомендуется разыскивать также у людей, имеющих по своей профессии или интересам косвенное отношение к данному предмету. Так, сочинения об И цзине (Книга перемен) можно найти у гадалщиков, лексикографические работы — у буддийских монахов, поскольку они знали иностранные языки для перевода буддийских сочинений на китайский язык;
- сочинения, посвященные какой-либо местности, нужно там же и искать;
- сочинения отдельных авторов можно найти в их семьях;
- правительственные установления, храмовые обряды, статистические работы и т. п. следует искать в соответствующих учреждениях;
- при обращении к библиофилам предложено вести себя так, чтобы завоевать их расположение и доверие, благодаря чему можно достать иногда очень редкую книгу;
- возможность приобретения книги находится в прямой связи с датой ее появления. Сочинение, написанное в недавнее время, достать значительно легче, чем появившееся уже давно (129, с. 289—291).

В Италии около 1440 г. Томмазо Парентучелли (будущий папа Николай V) по просьбе Козимо Медичи, которого он консультировал по вопросам комплектования библиотеки, составил пособие по отбору книг *Canone bibliografico*. Это пособие было использовано при составлении библиотек многими итальянскими правителями (220, с. 105).

Размеры фондов

Размеры библиотек возрастали по мере увеличения знаний, которые создавались обществом. Количество книг в

библиотеках росло постоянно. Это создавало проблемы для их хранения, особенно после изобретения книгопечатания. Однако и в рукописный период количество книг — важный элемент в изучении эволюции библиотек.

Надежные сведения о размерах древних библиотек стали возможными начиная с Месопотамии, благодаря сохранности материала, который в ней использовался для письма. Библиотека Ашшурбанапала включала около 30 тыс. табличек, 20 тыс. из них в настоящее время находятся в Британском музее. Нужно также иметь в виду, что добытые при раскопках 30 тыс. табличек и их фрагменты — это не вся библиотека (240, с. 23; 295, с. 20—21). Размеры других клинописных библиотек трудно определить с достаточной надежностью, поскольку они являются частью собраний в основном с архивным содержанием. Такой является, например, находка «Холма табличек» в Лагаше, где находилось около 100 тыс. табличек (254, с. 42). Обнаруженные ассирийские библиотеки, также частично с архивным содержанием, имели размер от 900 до 100 табличек (49, ч. 2, с. 141).

О размерах Александрийской библиотеки существуют различные точки зрения, начиная со сведений, которые приводит византийский автор Иоанн Цец в XII в. (240, с. 64—65). Уве Йохум дает оценку различных точек зрения и приходит к выводу, что в Александрийской библиотеке было 400 тыс. свитков — свитков, а не произведений, так как свиток мог включать несколько произведений, или одно произведение могло занимать более одного свитка (223, с. 26—28). Это сравнимо с размерами Пергамской библиотеки, поскольку известно, что Антоний подарил ее Клеопатре и в то время она состояла из 200 тыс. свитков.

Размер римских публичных библиотек был более ограничен. Библиотека Траяна, крупнейшая из них, имела в своем греческом отделении только 10 тыс. свитков, т. е. несопоставимо меньше, чем Александрийская и Пергамская библиотеки. Иными словами, размеры греческих отделений в римских публичных библиотеках отражали результаты от-

бора. Коллекция латинских авторов была более полной (165, с. 98—99). Значительными были и размеры некоторых частных библиотек. Например, собрание Серена Саммоника (ок. 200 г. н. э.) насчитывало 62 тыс. свитков, а собрание грамматиста Эпафродита (при Нероне и Флавиях) — 30 тыс. (118, с. 21).

Раннехристианская библиотека Памфила в Кесарее включала около 30 тыс. свитков, в основном на греческом языке. Эти сведения приводит Исидор Севильский. Его источником было утраченное Жизнеописание Памфила, написанное его учеником Евсевием Кесарийским (204, с. 131—132; 151, с. 87, примеч. 29; 293, с. 427, примеч. 7).

Размеры библиотек в средневековой Европе колебались от нескольких десятков до 2000 томов. Во времена Каролингов хорошая библиотека состояла из 200—300 томов, очень хорошая — из 600—800; позднее хорошая библиотека — из 600—800 томов и очень хорошая — из 1500—2000 томов (163, с. 140). 2000 томов — это максимум, которого достигли библиотеки Сорбонны и авиньонских пап (170, с. 53). Эти числа обозначали только количество физических единиц (экземпляров). Количество произведений в них могло быть в четыре раза больше (146, с. 4, примеч. 2). В Англии во время уничтожения монастырей при Генрихе VIII насчитывалось около 800 монастырей с книжным фондом около 300 тыс. томов, т. е. в среднем 377 томов на одну библиотеку (295, с. 23).

Когда папа Николай V занял престол в 1447 г., библиотека включала около 350 томов. В 1455 г., когда он умер, здесь содержалось уже 1200 рукописей (400 греческих и 800 латинских). В 1475 г. при папе Сиксте IV она увеличилась до 2500 и в 1484 г. до 3650 томов (183, с. 548; 204, с. 548).

В Византии при Юстиниане размеры библиотек были несоизмеримо большими. Считается, что императорская библиотека включала 600 тыс. томов, а одна из частных библиотек — 120 тыс. томов (215, с. 49). Необходимо иметь в виду, что культура и библиотеки этого времени еще недалеко ушли от греческой древности. В XIII в. монастырские

библиотеки на о. Патмос и на Афоне имели размеры фондов уже сопоставимые с европейскими монастырями: монастырь св. Иоанна Евангелиста на Патмосе в 1201 г. — 330 томов, а библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне, по расчетам Б.Л. Фонкича, — около 1000 манускриптов (130, с. 170; 215, с. 46).

У эфиопских монастырей были сравнительно небольшие книжные собрания. Так, один из наиболее богатых эфиопский монастырь в Иерусалиме в соответствии с описью XV в. имел 125 томов. В самой Эфиопии библиотеками размером более ста книг располагали только крупнейшие соборы и монастыри (102, с. 141, 150).

На Руси размеры библиотек также были на общеевропейском средневековом уровне. Одна из крупнейших — Новгородско-Софийская библиотека, основанная в середине XI в., в настоящее время имеет в своем составе 1575 рукописных книг (106, с. 154). Однако в основном церковные и монастырские библиотеки были небольшими, в среднем 100—350 томов (131, с. 15). В конце XV в. библиотека Троице-Сергиева монастыря включала 300 томов (105, с. 109). Храмы имели в среднем от 14 до 40 книг (131, с. 18—20). Представляет интерес динамика роста фондов Кирилло-Белозерской библиотеки: 1601 г. — 1065 книг, 1621 г. — 1304, 1635 г. — 1328, 1664 г. — 1916 книг (104, с. 186).

В Китае количественные показатели выражались в цзюанях (свитках) начиная с «Новой описи» Сюнь Сюя, утвержденной в 317 г. Ранее количество выражали в пянях (связках дощечек). Этот переход означал переход в материале для письма с бамбуковых дощечек (планок) на бумагу (20, кн. 2, с. 170). Трудность представляет значение слова «цзюань». В течение тысячелетия от эпохи Хань до Сун китайская книга развивалась от цзюаня (свитка) к цзе (тому), типа заказного кодекса, но гораздо меньшего по размеру, а не по содержанию из-за чрезвычайной компактности китайского иероглифического письма. Несколько свитков могли, как страницы, переплетаться в том, т. е. цзюань становился частью цзе. Однако количественную характеристику книги и

размер библиотечного фонда продолжали приводить в цзюанях — цз. (316, с. 9, примеч. 21).

При династии Хань в каталоге «Семь подразделений» (Ци Люэ) было учтено 3390 цз. В 317 г. н. э. в дворцовой библиотеке было только 30 тыс. цз., но она быстро увеличивалась. В царствование императора Сяо-у (373—397) собрание достигало приблизительно 36 тыс. цз. В 502 г. библиотека династии Ци состояла из 18 010 цз. К сожалению, все эти библиотеки погибли при смене династий. При императоре Вэнь-цзунэ в 836—840 гг. библиотека состояла из 5647 цз. (129, с. 250—251).

При династии Сун увеличение фондов библиотек объяснялось появлением книгопечатания, граница возникновения которого — XI—XII вв. Кроме того, повлияло то, что династия Сун полностью объединила Китай. В результате императорская библиотека выросла до 80 тыс. цз. (129, с. 253).

Сохранились сведения и о некоторых крупных частных библиотеках. Так, известный поэт и теоретик поэзии Шэнь Юэ (441—513) имел библиотеку размером 20 тыс. цз. (20, кн. 2, с. 139). Коллекции наиболее известных библиофилов танского периода достигали 30 тыс. цз. Частные библиотеки Сунского периода нередко были значительно больше. Библиотека брата сунского императора Ин-цзуна Цзун-чо, имевшего титул Жуан-вана, достигала 70 тыс. цз.

Одно из самых крупных собраний принадлежало писателю Е Мэн-дэ (ум. в 1148 г.). Оно состояло приблизительно из 100 тыс. цз. Столь же крупная библиотека была у писателя Вэй Ляо-вэна (1178—1237). Его библиотека также состояла из 100 тыс. цз. рукописных и печатных книг (129, с. 284—285).

В арабо-мусульманском мире библиотеки достигали значительных размеров. Однако, как отметил А.Б. Халидов, «абсолютные» числа при их кажущейся точности обманчивы. Иногда приводятся разные числа для одной библиотеки в разных источниках. Так, в библиотеке фатимидского халифа ал-'Азиза в Каире X в. было якобы 120 тыс., 160, 200 или 601 тыс. книг или томов, в библиотеке г. Триполи XI в. —

3 млн или 100 тыс., в собрании ал-Кади ал-Фадила в Каире XII в. — 30 тыс., 100, 120, 200 или 1000 тыс. Иногда приводится только одно, но большое количество книг в библиотеках в Амиде XI—XII вв. — 1040 тыс., ал-Хакама II в Кордове X в. — 400 тыс., Ибн 'Аббаса в Альмерии XI в. — 400 тыс., в Мераге XIII в. — 400 тыс. и Исма'ила б. 'Аббада в Рее X в. — 206 тыс. Если взять максимальные числа, то для восьми библиотек получается в сумме 7 млн 47 тыс.

Эти числа А.Б. Халидов считает явно преувеличенными и ненадежными. Их необходимо сократить примерно в десять раз, а при разных значениях взять наименьшие. А.Б. Халидов обращает также внимание на умеренность цифровых данных о библиотеках Ирака — главного центра создания, размножения и скопления арабских рукописных книг в VII—XIII вв. Сумма данных для восьми библиотек Ирака немногим превышает 200 тыс. томов. При этом размеры фонда библиотеки при медресе ал-Мустансирийа начала XIII в., крупнейшей в Багдаде, определяются в 80 тыс. томов. В некоторых библиотеках было от 10 тыс. до 50 тыс. книг. К таким большим библиотекам в Ираке относятся библиотеки 'Али б. Йахии в Багдаде, Ибн Хамдана в Мосуле, Ибн Сивара в Басре, ан-Низамийа, ан-Насирийа и мавзолея Абу Ханифы, т. е. частные, учебные и вакфные библиотеки (132, с. 253—254). Библиотеки мечетей в основном были скромными: от нескольких сот до нескольких тысяч книг (286, с. 96—97).

В Индии библиотека Акбара состояла из 24 тыс. томов (169, с. 11). В Турции библиотеки в основном имели от одной до трех тысяч книг (185, с. 347).

Содержание фонда

В исследовании «Общественные функции библиотек» американский исследователь Б. Лэндхир устанавливает, что содержание библиотек зависит от того, какого рода информационные материалы в них находятся: краткосрочного

действия, средне- или долгосрочные. Древние и средневековые библиотеки содержали тексты, предназначенные для долгосрочного использования (235, с. 159—160). Собственно именно поэтому в древности они и возникли в архивах, а затем стали отделяться от них. Архив включал в первую очередь хозяйственную, имущественную и правовую информацию. В библиотеке накапливались результаты творческого развития человечества. Если гений может вместить в себя все предшествующие знания, то библиотека по своему содержанию — это коллективный гений того общества, в котором она находится.

В древнем Египте установить содержание библиотек трудно из-за отсутствия источниковых и археологических данных. У храма в Эдфу с его каталогом на стене было маленькое помещение для библиотеки, которая, очевидно, имела культовое, а не универсальное содержание. Необходимо также иметь в виду, что этот храм и его библиотека относятся ко времени Птолемеев. Г. Буркард обращает внимание на группу папирусов из Гелиополя, которые в настоящее время находятся в музее Бруклина. Папирусы относятся к эпохе примерно от 1080 до 400 г. до н. э., в основном к VIII—VII вв. до н. э. Это собрание, найденное в одном месте, содержит разнообразные тексты: магические (в основном), мифологические, медицинские, литургические, ритуальные и литературные. Именно опираясь на эту универсальность содержания, Г. Буркард делает вывод о том, что это должны быть остатки библиотеки (160, с. 86, 98).

В Месопотамии немецкие раскопки 1903—1914 гг. в Ашшуре выявили ряд библиотечных собраний среднеассирийского (XIV—XII вв. до н. э.) и новоассирийского (VIII—VII вв. до н. э.) периодов. Среднеассирийские библиотеки включали заклинания, различные рецепты, литературные и лексикографические тексты. Последние были характерны для школьного собрания. Новоассирийские коллекции содержат литературные, лексикографические, научные (астрономические), астрологические, фармацевтические и магические (заговоры) тексты (49). Библиотека

городского храма Ашшура, видимо, была создана двумя предшественниками Ашшурбанапала Тукулти-Нинуртой I (1243—1207 гг. до н. э.) и Тиглатпаласаром I (ок. 1114 — ок. 1076 гг. до н. э.), которые много воевали в Вавилонии, захватывали там книги разнообразного содержания и свозили их в свою столицу (240, с. 27).

Апофеозом библиотечного содержания в Месопотамии, несомненно, была библиотека Ашшурбанапала. На основании опубликованных данных можно сделать вывод, что она включала (в порядке уменьшения чисел) следующие тексты: предзнаменования и предсказания, лексические тексты (в основном двуязычные шумеро-аккадские словари), заклинания, басни и пословицы, эпическая литература, медицинская (в том числе фармакологическая) литература. Особенностью коллекции было большое количество текстов с предзнаменованиями и для предсказаний будущего и сравнительно небольшое чисто литературных: эпических и мифологических (240, с. 23—24).

Создатели Александрийской библиотеки стремились собрать в ней все тексты греческой литературы во всех возможных рукописных вариантах для создания надежных стандартизированных версий, которые становились основой для последующей переписки. Кроме того, фонд библиотеки включал некоторые негреческие тексты или тексты, переведенные с других языков на греческий. Это в полной мере соответствует седьмому принципу библиотечного дела в исследовании принципов Дж. В. Томпсона: «Седьмой принцип. Национальная библиотека должна содержать всю национальную литературу с некоторым добавлением других национальных литератур» (295, с. 212—213).

В римских публичных библиотеках греческая литература была представлена выборочно, а латинская — достаточно полно. Однако их целью не было создание национальной библиотеки с полной коллекцией латинских авторов. Содержание этих фондов определяла основная цель публичных библиотек: содействие образованию и развитию гражданского права. Соответственно в них находились произве-

дения поэтов и писателей, ораторов, историков, философов и грамматистов. Некоторые императоры отдавали предпочтение своим любимым авторам. Так, Тиберий распорядился, чтобы во всех библиотеках были произведения его любимых греческих поэтов Эвфориона, Риана и Парфения. С другой стороны, Август распорядился не включать в публичные библиотеки некоторые произведения, в том числе написанные молодым Цезарем. Когда Овидий был изгнан, его произведения были исключены из публичных библиотек (161, с. 60; 165, с. 99; 199, с. 384). В провинциальных библиотеках империи обычно имелся стандартный набор классиков с добавлением местных авторов и некоторых случайных произведений (165, с. 121—123).

Раннехристианские библиотеки в основном содержали литургическую литературу (304, ч. 4, с. 141—142). Памфил, по свидетельству Евсевия, собрал в своей библиотеке полную коллекцию отцов церкви. Как собирателя книг Евсевий сравнил Памфила с Деметрием Фалерским и Писистратом (151, стб. 86). Августин имел в библиотеке, кроме канонических книг, собственные произведения и произведения других христианских авторов. Коллекция Иеронима в отличие от других ранних церковных собраний отличалась наличием в ней произведений классической языческой литературы (293, с. 423—425). Тем не менее на протяжении всех средних веков в Европе языческая классическая литература, как правило, отсутствовала в фондах или составляла ее малую часть. На греческом Востоке это изменение в составе библиотек произошло в IV—VIII вв. (81, с. 135—136).

Средневековые библиотеки в основном имели образовательные цели. Их ядро было одинаковым по содержанию, а все остальное — индивидуальным и зависело от интересов владельца и его круга. Поэтому средневековая библиотека в отличие от современной была индивидуальной по составу, а не универсальной как в настоящее время (170, с. 53—54).

Еще одной особенностью средневековых библиотек в Европе было то, что в их составе содержались книги прежде

всего на латинском языке. Книг на греческом языке было мало, за исключением юга Италии, где существовали греческие монастыри. Греческие авторы обычно были представлены в латинских переводах (146, с. 5—7; 184, с. 105—106). В отличие от латинского Запада Восток был греческим, и именно церковь с ее греческим богослужением и библиотеками была основным препятствием для латинизации (304, ч. 5, с. 189).

Главным источником для определения содержания средневековых библиотек являются их каталоги. Однако необходимо принять во внимание, что они были неполными и отражали содержание в какой-то один момент времени (184, с. 86). Тем не менее каталоги позволяют установить усредненное содержание средневековой библиотеки. В ее состав входили разные жанры религиозных произведений, логика, церковное и гражданское право, античная поэзия и проза, грамматика, художественная литература, научные и медицинские труды (184, с. 87—107).

Некоторые авторы классической древности были представлены в достаточно большом количестве библиотек (Виргилий, Гораций, Овидий, Лукан, Ювенал, Марциал, Цицерон, Саллюстий, «Тимей» Платона), другие — редко и даже дошли в единичных копиях (Плавт, Лукреций, Каттулл, Цезарь, Ливий, Тацит) (146; 184, с. 136—147). Известно, что Поджо Браччолини совершил сенсационные для своего времени находки в немецких монастырях (278, с. 63—65).

Поджо Браччолини и Никколо Никколи стали инициаторами антикварной традиции в Европе, когда редкие рукописи сохранялись в «кабинетах редкостей» наряду с античными надписями, драгоценными предметами, фрагментами скульптур и медалями. Эти предметы рассматривали как иллюстрации к текстам рукописных книг (326, с. 16).

Библиотека Карла Великого вследствие ее связи с образованием включала книги семи свободных искусств, к ним принадлежали труды античных авторов, ранних христианских и современных светских писателей. Далее в биб-

лиотеку входили богослужебные книги, книги отцов церкви и богословов, проповеди и собрания церковного права, эпические германские произведения, сборники германского права и собрания произведений на национальных языках. Типовое содержание библиотеки отразил Алкуин в своем стихотворном описании соборной библиотеки в Йорке (163, с. 14—15).

Содержание самой знаменитой библиотеки итальянского Возрождения, библиотеки урбинского герцога Федерико да Монтефельтро описано Веспасиано да Бистиччи следующим образом: «Особенность же этой библиотеки, равной которой мне нигде не приходилось встречать, в том, что все писатели, как духовные, так и светские, все сочинения, как оригинальные, так и переведенные, представлены в ней целиком, до последней страницы; во всех прочих библиотеках многие сочинения имеются только в отрывках, нигде нет такой полноты, такой завершенности! Незадолго до отъезда герцога я побывал в Урбино, имея при себе перечень книг во всех библиотеках Италии: папской, Сан Марко во Флоренции, в Павии и даже выписанный из Англии перечень книг Оксфордской библиотеки; сравнив их с библиотекой герцога, я убедился, что все они имеют один изъян, а именно располагают многими экземплярами одного сочинения, но не имеют всех сочинений представленных авторов, не говоря уже о том, что они гораздо менее разнообразны по содержанию» (84, с. 153—154).

В библиотеках французских королей и знати в XIV—XV вв. появляется много книг на французском языке. Так, в библиотеке Людовика X (1314—1316) было 35 книг, все на французском языке.

Библиотеки средневековых ученых (богословы, юристы, врачи), казалось бы, должны были иметь жесткую специализацию по профессиям, но этого не произошло. Мнение о специализации этих библиотек основано на том, что от них мало что сохранилось. Тем не менее некоторые сведения о содержании библиотек средневековых ученых сохранились. Например, Амфоний Ратинк фон Берка (ум. в 1435 г.) — бо-

гослов, врач и библиофил к 1412 г. собрал 635 томов разнообразного содержания. На этой основе он создал библиотеку «Амфонианского колледжа» в Эрфуртском университете, о которой он заботился до конца жизни. Николай Кузанский (1401—1464), тесно связанный с папским престолом и в 47 лет ставший кардиналом, имел в своей библиотеке книги на латинском, греческом и древнееврейском языках. Он с увлечением собирал античную классику, был знатоком наук, особенно математики, интересовался мусульманством и владел двумя различными переводами Корана (163, с. 130—131; 296, с. 462—463).

Монастырские библиотеки до XIII в. в основном содержали богослужебные книги, книги для чтения в трапезной и помещениях для работ и несколько книг для школы, которые часто бывали при монастырях. Этот набор книг включал самое важное, иногда всё (236, с. 2). В XII в. церковные и соборные библиотеки, как и монастырские, имели в своих фондах преимущественно религиозную, богословскую и литургическую литературу. В большинстве библиотек нерелигиозная литература составляла менее одной трети фонда (146, с. 4—5). Развитие схоластики в XII—XIII вв. не оказало влияния на содержание церковных и монастырских библиотек, несмотря на то, что это направление началось в соборных и монастырских школах Франции (204, с. 428). В монастырских библиотеках имелась также медицинская литература в связи с предписанной заботой о больных (204, с. 249). Тексты на национальных языках составляли, особенно на ранних этапах в VIII—X вв., незначительный процент фонда. Иногда небольшие произведения на национальных языках включались в состав латинских сборников. Это показало исследование немецких монастырских библиотек (278, с. 26—29).

С некоторыми исключениями в монастырских библиотеках не запрещалось хранение языческой и еретической литературы. Об этом свидетельствуют правила монашеской жизни, начиная с Пахомия Великого. Единственные из раннехристианских монашеских правил, запрещающие чтение

языческих и еретических текстов, — это «Правила монахов» Исидора Севильского (163, с. 6—7).

Греческие классики в основном были представлены Аристотелем, но его научные и метафизические труды с комментариями Аверроэса (Ибн Рушда) были редкими. Медицинские труды были представлены Гиппократом, Галеном и трактатом Диоскорида о травах. Достаточно часто встречались произведения Филона Александрийского и Иосифа Флавия. Вся эта литература была представлена в латинских переводах и переложениях. Греческий язык до XII в. оставался за Западе практически неизвестным (146, с. 5—7).

Иным было положение латинской классики. Библиотечные коллекции включали произведения драматургов (Плавт, Теренций), поэтов (Виргилий, Гораций, Овидий и другие), авторов прозы (Цицерон, Цезарь и другие), историков, авторов научных трудов (Плиний), работ по медицине и полезным искусствам, работы по грамматике и учебные пособия по латинскому языку. По каталогам можно выявить библиотеки, где классика была особенно хорошо представлена. К ним относится, например, библиотека монастыря Клюни. В его каталоге середины XII в., который включает 570 томов, представлено большое число античных авторов (146, с. 7—16).

Содержание библиотеки Сорбонны известно по ее каталогам. Большинство книг имело отношение к богословию, но были представлены и классические авторы — Сенека, Цицерон, Боэций, Сократ, Платон, Кассиодор, Плиний и другие. Фонд включал книги по медицине и праву, а также книги на национальном языке (296, с. 257). В Кембриджском университете основная часть библиотечного фонда тоже состояла из книг по богословию, но здесь были и книги по естественной и моральной философии, церковному праву, медицине, логике, грамматике, истории. Были представлены классическая поэзия и Петрарка. В 1453 г. Королевский колледж в Кембридже имел библиотеку, которая включала работы по философии, богословию, медицине,

астрологии, математике, церковному праву, грамматике и литературные произведения. Из классического наследия в библиотеке были произведения Аристотеля, Платона, Цицерона, Сенеки, Саллюстия, Цезаря, Овидия и Вергилия (295, с. 24). Аналогичный состав был в других университетах, с добавлением некоторых произведений, которые имели местный интерес. Так, в Пражском университете в каталоге библиотеки Богемской нации в одном из богословских разделов имелись книги, относившиеся к Гусу и Виклифу, их церковь считала еретиками. В библиотеке Кёльнского университета была представлена переписка Карла Великого с Алкуином и постановления Базельского собора (278, с. 56—57).

О содержании библиотеки коптского Белого монастыря можно судить по остаткам его каталога, которые сохранились на стенах книгохранилища. Оно включало большое количество экземпляров Четвероевангелия, послания и деяния апостолов, жития святых (в основном местных), псалмы (книга «Давид царь») и произведения одного из настоятелей. Сохранились также сведения о составе библиотеки частного лица — высокообразованного богатого египтянина. Туда входили: на греческом языке — часть Илиады, «Угрюмец» Менандра, Гомилия Мелитона, апокриф «Рождество Марии», апокрифическая переписка апостола Павла с коринфянами, 11-я ода Соломона, отрывки из литургии, Евангелия от Луки и от Иоанна, Псалмы 33-й и 34-й, Деяния и разные послания апостолов; на коптском языке — часть Бытия и Второзакония, Исход, Притчи, книги пророков Осии, Иеремии, Варуха, Евангелия от Матфея и от Иоанна, Послание к Римлянам (20, кн. 1, с. 77—78, 93—95).

Собрание эфиопского императора Феодора II после взятия в 1877 г. крепости Магдала и самоубийства императора, не пожелавшего попасть в плен к англичанам, было передано в Британский музей. Коллекция Британского музея состоит из 408 рукописей, их состав представлен в таблице (20, кн. 1, с. 229):

Таблица

Вид произведения	Количество книг	Процент от общего числа
Рукописи Библии	110	26,9
Служебники	96	23,5
Особые службы и проповеди	23	5,6
Жития святых	78	19,1
Комментарии Библии	12	2,9
Богословские труды	39	9,5
Право	16	3,9
История и хронография	24	5,9
Медицина	3	0,7
Разное	7	1,7

Обычные эфиопские монастыри имели небольшие библиотеки, в составе которых, кроме богослужебной, было незначительное количество эфиопской и переводной христианской литературы (20, кн. 1, с. 228). Их более подробный анализ дан в статье В.Н. Платонова «Средневековые эфиопские библиотеки». Состав эфиопских церковных и монастырских библиотек отражал эфиопскую книжность в целом с двумя исключениями. В них отсутствуют распространенные в Эфиопии магические свитки, так как магическая практика осуждалась эфиопской церковью, и произведения придворной историографии (102, с. 145—152).

На Руси о содержании библиотек домонгольского времени можно судить по немногим сохранившимся памятникам древнерусской письменности. В основном это религиозные произведения, богослужебные книги, библейские книги, богословские сочинения, но также переводная литература исторического характера, жития святых, философские и натурфилософские сборники, географические сочинения, переводы греческих и латинских романов. Определяющую долю фондов составляла оригинальная древ-

нерусская литература: русские летописные своды, государственные документы, юридические памятники, исторические сказания, былины и т. п. (59, с. 13—14).

Новгородско-Софийская библиотека, основание которой относится к XI в., имела особые задачи. Это была не столько библиотека для чтения, сколько собрание книг, предназначенных для книгописца. В ней собирались самые древние и исправные списки преимущественно богослужебных и церковноучительных книг (106, с. 154—155). Иллюстрацией этого является переписка книг для Соловецкого монастыря, которую организовал здесь его игумен Досифей.

А. Н. Ванеев назвал церковные и монастырские библиотеки «специальными» и даже «деловыми» в том смысле, что в них сосредоточивалась литература, необходимая для церковных служебных целей (66, с. 13). Это суждение в определенной степени можно отнести ко всем церковным библиотекам христианского мира. Характерным является состав библиотеки Соловецкого монастыря в XVI в. Он приведен в таблице в статье М. В. Кукушкиной (89, с. 366). В сокращенной форме по названиям основных групп в фонде данные таблицы по описи 1597 г. можно представить следующим образом:

Книги светского содержания	6
Церковное право	16
Русская церковная публицистика	7
Житийная литература	44
Сборники церковно-назидательного характера	27
Патристическая литература	72
Богослужебные книги	309

Приведенные сведения с очевидностью свидетельствуют о превалировании богослужебной литературы, а также мизерном количестве книг светского содержания (1%). В других крупных монастырях в конце XVI в. светских книг было больше: в Кирилло-Белозерском — 4,3%, в Иосифо-Волоколамском — 5,8% и в Троице-Сергиевой лавре — 5,5%. М. В. Кукушкина объясняет это удаленностью монастыря от

других культурных центров, где могли создаваться и переписываться новые произведения (там же, с. 367).

Необходимо принять во внимание еще одно обстоятельство, которое объясняет большое количество богослужебных книг в монастырских библиотеках. Когда в церквях они благодаря дарам и вкладам превышали потребность в них, книги передавали в монастыри (109, с. 299). Таким образом, для этой литературы монастыри были своего рода депозитариями.

Особым составом обладали библиотеки, возникшие в XVII в. в различных государственных учреждениях (Печатный двор, Славяно-греко-латинская академия, Посольский приказ и др.). Их комплектование всегда носило целевой характер, и состав собраний определялся профилем учреждения. В этих библиотеках процент книг духовного содержания был весьма скромным. Чрезвычайно высок был процент книг по географии, истории, политике, западному богословию и т. п. В них также находились книги различного содержания, которые поступали в результате тех или иных форм культурных, дипломатических и иных связей (111, с. 38—39).

Особо необходимо упомянуть легенды о наличии в библиотеке московских государей греческих книг античных авторов. Этот вопрос неоднократно обсуждался, проводились безрезультатные раскопки, но итог оставался нулевым. В настоящее время принято считать, что таких книг в библиотеках московских государей не было (75).

В Китае императоры стремились добиться максимальной полноты в сборе всей литературы на китайском языке. Эти попытки неоднократно повторялись после гибели императорских библиотек при смене династий, после восстаний и войн. Эти коллекции имели государственное значение. Однако при династии Сун в 988 г. из дворцовых книгохранилищ была выделена особая библиотека Би гэ. Она была предназначена для личного использования императорами, и в ней хранились их собственные произведения. Сохранился перечень тех сочинений сунского Тай-цзуна, которые хранились в Би гэ (129, с. 254—255).

У первых арабских халифов Омейядской династии дворцовые библиотеки в Дамаске около 700 г. состояли из переводов греческих и коптских текстов, их делали христианские ученые по поручению правителей. Таким образом, сама идея библиотеки может рассматриваться как заимствование у предшествующих культур (203, с. 457). С другой стороны, библиотеки при мечетях, т. е. исконно арабо-мусульманские, первоначально обладали только списками Корана, полностью или отдельных частей, которые верующие всех состояний считали долгом подарить своей мечети (286, с. 51).

Постепенно положение изменилось в связи с развитием культуры и образования. В конечном счете для библиотек средневекового арабо-мусульманского мира стал характерным самый разнообразный состав фондов. Все библиотеки, в том числе библиотеки мечетей, включали книги практически по всем отраслям знания и деятельности. Пример универсальности фондов дали библиотеки правителей: библиотеки Аль-Мамуна в Багдаде в IX в. и «Дома науки» Фатимидов в Египте в XI в (182, с. 126—128). Разнообразие фондов библиотек при мечетях объяснялось их образовательной ролью (286, с. 97). Библиотеки имели в своих фондах книги на разных языках. Это относится и к библиотекам мечетей (286, с. 99). Однако с XI в. вакфные библиотеки содержали в своих фондах если не исключительно, то по большей части книги на арабском языке (132, с. 185).

ГЛАВА 6

Хранение фондов

Расположение фондов

Дж.В. Томпсон в исследовании «История принципов библиотечного дела» отводит три принципа расположению фондов:

Принцип 14. Библиотека должна быть расположена в каком-то порядке, и должна быть обеспечена опись ее содержания (в данной рубрике рассматривается только первая часть принципа).

Принцип 16. Поскольку библиотеки являются хранилищами знания, их следует располагать в систематическом порядке.

Принцип 17. Система расположения фонда должна определяться практической целесообразностью (295, с. 222—224).

Из первой части принципа 14 следует, что без какой-либо системы расположения фонда собрание книг нельзя считать библиотекой. Эта установка характерна для библиотек от древности до настоящего времени. В XVII в., как отметил Дж. В. Томпсон, ее образно сформулировал Габриэль Ноде, сравнив несистематизированное собрание книг, даже если их пятьдесят тысяч, с толпой в тридцать тысяч человек, в то время как библиотека подобна организованной армии с подразделениями под руководством своих командиров (295, с. 222).

В древнем Египте в храме Эдфу небольшая библиотека была разделена на две части. Отдельно от остальных произведений были представлены работы по магии (295, с. 222).

В Месопотамии уже в шумеро-аккадское время глиняные таблички располагались по содержанию. Более того, во втором тысячелетии расположение по содержанию привело к образованию тематических серий. Это объяснялось желанием собрать все тексты со сходными темами в одно собрание. Некоторые серии включали до 100 табличек (56, с. 227; 204, с. 50). Такая стандартизация привела к тому, что библиотека Ашшурбанапала была расположена тематически. Заглавия и цифры обозначали порядок расположения табличек внутри каждого раздела (19, с. 19—20).

Оказала ли влияние практика расположения глиняных табличек в Месопотамии через арамейские кожаные свитки на расположение папирусных свитков у греков, вопрос открытый (54, с. 234). Тем не менее греки, в том числе в пе-

риод эллинизма вплоть до египетских монастырей, располагали библиотечный фонд большими группами в систематическом порядке (204, с. 140). Вопрос о том, были ли «Таблицы» Каллимаха с их систематическим расположением каталогом Александрийской библиотеки, такой же открытый, как и вопрос, был ли Каллимах библиотекарем.

Е.И. Шамурин делает вывод, что античным библиотекам, как и библиотекам древнего Востока, была знакома группировка материала по содержанию. Установить характер расположения литературы более определенно (строгая систематика, предметно-групповое комплексирование или комбинация тематического и алфавитного порядка) на основании имеющихся данных не представляется возможным (135, с. 21).

Столь же мало известно о расположении фондов в публичных библиотеках Рима. Один факт несомненен: греческие и латинские книги хранились отдельно. Можно предположить, что греческая система расположения, как это было и в других областях культуры, была принята без изменений, особенно в греческой части библиотеки. Некоторым признаком является то, что около шкафов, в которых находились произведения того или иного известного автора, помещали его статую, бюст или на стене писали его портрет (220, с. 22—23; 304, ч. 3, с. 118).

В средневековой Европе расположение книг в основном было систематическим, в небольших библиотеках пр. важнейшим тематическим группам, например, духовные — светские или богослужебные — догматические и т. д. (310, с. 43). Обычная схема: Библии, отцы церкви, другое богословие, светская литература. Внутри этих групп особого деления не существовало. Некоторое исключение представляет более детальная систематическая расстановка фонда в монастыре Адмонт около Зальцбурга (Австрия) в 1074 г. Схема включала 25 тематических, в том числе персональных (Августин, Иероним, Беда и другие), групп. Замыкают перечень книги по медицине, философии (Аристотель и схоластика), книги квадривиума, книги тривиума, поэты (163,

с. 40—41, 144). Распространенное расположение фонда большими группами было нужно не для поиска, а для учета. Для описи и учета было необходимо, чтобы схемы сохранялись от проверки до проверки (163, с. 143—144).

Алфавитное расположение фонда по авторам или заглавиям не пользовалось популярностью. Расположение по форматам также встречалось редко и только с XV в. (201, с. 308—310). Б.Л. Фонкич сделал осторожный, но неокончательный вывод, что книги в Лавре св. Афанасия на Афоне могли получать место на полке по мере поступления (130, с. 172).

Фонды университетских библиотек располагались в соответствии с нуждами учебного процесса, в основном по факультетам. Библиотека Сорбонны в XIII в. делилась на тривиум и квадравиум, богословие, медицину и право (295, с. 143).

М.И. Слуховский признает проблему расположения книг в фонде, их классификации, самой трудной из всех проблем библиотечного прошлого на Руси. Сведения о расположении книг в основном базируются на анализе описей, так как какой-либо иной классификации книжного фонда, кроме порядка книг в описи, не существовало. Осложняющим обстоятельством является то, что до XVII в. полки в старых библиотеках не было и книги, как и другое имущество, хранились в коробах (119, с. 80). Е.И. Шамурин после ознакомления с древнерусскими описями делает вывод, что *идея* книжной систематики *не была чужда* русским библиотекарям в XVI—XVII вв. (135, с. 283; курсив мой. — Б.С.). М.И. Слуховский отмечает, что до конца XVI — начала XVII в. не сохранилось документальных следов о библиотечных классификациях, комбинированных по нескольким признакам (119, с. 81).

В Китае императорские, а также частные библиотеки располагались по официально принятым классификационным схемам: сначала по семи, а затем по четырем отделам. Схема Лю Сяня и Лю Синя включала следующие семь отделов: Общий; Шесть искусств (конфуцианские трактата-

ты, работы по китайской иероглифике и др., входившие в программу обучения); Философские сочинения; Поэзия; Военные книги; Астрология, гадательная литература, летоисчисление; Книги по медицине. Схема в четырех отделах, которая связана с именем Сюнь Сюя, жившего в период Западной Цзинь (265—316) и составившего каталог императорской библиотеки, включала каноническую литературу, философов, исторические сочинения и литературные произведения (95, с. 171, 194, примеч. 6, 7; 129, с. 301).

При последнем императоре династии Суй Ян-ди (605—618) каждый из четырех отделов имел свой павильон. Внутри каждого из четырех хранилищ рукописи располагались по трем классам согласно качеству: рукописи высшего класса имели оси из красного хрусталя, среднего класса — из лилового хрусталя и низшего класса — из палочек, покрытых лаком. Однако, что представляли собой эти классы неясно (20, кн. 2, с. 142).

Аналогично по четырем отделам располагалась школьная библиотека уездного училища в XI в. при династии Сун. Книги были размещены по стенам: южная стена — классика, западная стена — история, восточная стена — философия и изящная литература (129, с. 272).

В арабо-мусульманских странах также было принято систематическое расположение книг в фондах всех библиотек. Система базировалась на одной из существующих классификаций знания. Сравнение классификации философа аль-Кинди в IX в. и историка Ибн Хальдуна в XIV в. показывает, что они имели деление от общего к частному и от духовного к практическому. Схема аль-Кинди включала три основных класса: религиозные науки, литература и философия. Последняя включала науки и другое нерелигиозное знание. Литература имела в своем составе филологию, этимологию, поэзию и некоторые другие разделы. Схема Ибн Хальдуна также делила знание на религиозные и рациональные науки. Каким схемам и сколько библиотек им следовало определить невозможно, но очевидно, что религиозное

знание предшествовало светскому при расстановке фонда. Коран всегда был первым (183, с. 306).

О библиотеке Саманидов в Бухаре имеется свидетельство Ибн Сины, который получил разрешение на ее посещение. В каждой комнате хранилища были книги по одной отрасли знания: по арабскому языку и поэзии, по фикху (праву) и т. д. (132, с. 244). Внутри тематических делений книги располагались по мере поступления в фонд, скорее чем по авторам и заглавиям (182, с. 130).

Шифровка фондов

В крупных публичных библиотеках Рима нумеровались шкафы, где хранились книги. Номера писали на дверцах шкафов и заносили в каталоги для облегчения поиска (165, с. 106; 304, ч. 3, с. 116, 118).

В средневековой Европе шкафы обозначались буквами, полки — заглавными латинскими числами и места книг на полках — прописными латинскими числами. Иногда наоборот, шкафы обозначались числами, а полки — буквами (296, с. 619).

В библиотеках с прикованными книгами шкаф или пульт отмечались заглавной буквой, полка или место на пульте — прописной буквой, латинские числа могли быть использованы для определения положения отдельных кодексов. Первая буква могла обозначать не только положение шкафа, но и его содержание в соответствии с принятой классификацией (220, с. 79). Начиная с XIII в. для шифровки использовались различные цвета. Так, красный цвет применяли для обозначения богословия, зеленый — медицины и черный — права (296, с. 621).

Шифры могли приводиться на книгах на задней стороне переплета или на широком корешке, иногда внутри книги, особенно на первой странице рукописи. Обозначения шифров были индивидуальными до такой степени, что их написание служило способом идентификации при опреде-

лении происхождения книги, которая в результате различных перемещений могла оказаться в другой библиотеке и даже в другой стране (201, с. 310).

В больших библиотеках Византии книги также снабжались шифрами и расставлялись в соответствии с ними. Когда во время диспута с императором Феофилом иконопочитатель Феофан затребовал из патриаршей библиотеки книгу Исайи, он на память указал «фесис», т. е. место, где находилась нужная книга, или ее шифр. Такие обозначения имеются на книгах Лавры св. Афанасия на Афоне и на тех, что находятся в Синодальной библиотеке в Государственном историческом музее в Москве, и в Парижской национальной библиотеке. Шифры включают номера полок и номера книг на полках, т. е. за каждой рукописью было закреплено ее постоянное место (81, с. 142; 104, с. 167—169).

В китайских библиотеках с подразделением на четыре основных классификационных отдела книги каждого отдела могли иметь обложки определенного цвета или же разноцветные ярлычки (этикетки) для отличия одного отдела от другого. Упоминания о внешнем виде обложек или оберток, употреблявшихся в сунских книгохранилищах; есть в источниках (129, с. 259—260).

Ярлыки (этикетки)

Для идентификации книг на полках применялись ярлыки (этикетки). В древнем Египте один такой фаянсовый ярлык с названием книги и именем Аменхотепа III и его супруги Тиы был найден в архиве Телль-эль-Амарны. Этот ярлык, безусловно, предназначался для футляра или коробки, в которой хранился папирус из царской библиотеки (116, с. 118; 254, с. 13, 19—20).

В Месопотамии маленькие глиняные печати привязывали бечевками к связкам глиняных табличек с текстами, что облегчало их поиск. На ярлыках могли быть указаны

заглавия серий, сведения об их содержании и количество табличек в серии. Примерами таких ярлыков являются таблички К.1400 и К.1539 из Куянджикской коллекции Британского музея. Этикетка К.1400 сохранилась полностью. Ее размер 4,29×1,95 см. На одной стороне ярлыка написано заглавие серии предзнаменований, которое занимает две строки. Аналогично оформлен ярлык К.1539 (114, с. 109). Подобные ярлыки с заглавиями серий были найдены при хеттских раскопках. Заглавие серии свидетельствует о том, что ярлык имеет отношение именно к библиотеке, а не к архиву; к собранию литературных текстов, а не документов (56, с. 233—234).

В Греции к свиткам прикреплялись ярлыки, которые назывались *tituli*. Они включали сведения о содержании свитка, имя автора и начальные слова текста. Собственно само название каталога Каллимаха в Александрийской библиотеке «*Pinakes*» (Таблицы) имеет отношение к этим полочным ярлыкам — этикеткам, табличкам (139, с. 10; 183, с. 19).

В Китае ярлыки использовали для обозначения того, что книга принадлежит к одному из четырех отделов. Они имели соответствующие цвета. На ярлыках писали заглавия и количество свитков. Ярлыки прикрепляли к концу книг для идентификации их содержания. Обычно их изготавливали из слоновой кости в четырех цветах, обозначающих отделы (54, с. 156; 129, с. 259). В уездной школьной библиотеке этикетки изготавливали из промасленной шелковой ткани (129, с. 272).

Обозначения принадлежности книги библиотеке

Сведения о владельце книги могли приводиться в ее колофоне. Так, в египетском папирусе Орбиной писец Инкана сообщает, что он является владельцем оригинала, с которого сделана копия (116, с. 119). В Месопотамии в библиотеке Ашшурбанапала колофон давал подробную владельческую запись. На некоторых табличках владельческая формула

краткая: «Дворец Ашшурбанапала, царя мира, царя Ассирии» (56, с. 228).

В Европе обозначения принадлежности библиотеке писали в начале или в конце книги. Формула была простой: «Эта книга монастыря...» или «Эта книга принадлежит монастырю...». Нередко название местности, в которой находился монастырь или церковь, заменялось именем их святого покровителя. Частные лица, естественно, вписывали собственное имя. При этом часто приводили также профессию и указание места рождения или деятельности. Имя предыдущего владельца тщательно вычеркивали, стирали или дополняли именем нового владельца, нередко с указанием того, как она получена от предыдущего владельца.

В XV в. в качестве обозначения владельца появился герб, часто в красочной форме, в середине нижнего края первого листа. Особенно на частных книгах герб и инициалы владельца приводились на переплете. В XV в. началось обозначение собственности при помощи экслибрисов. Старейшие экслибрисы происходили из Баварии и Вюртемберга.

Наиболее основательное обозначение собственности встречается в библиотеке артистического факультета университета Ингольштадта в 1492 г. На нижнем крае первого листа наклеивали экслибрис с гербом факультета. При этом размер экслибриса соответствовал формату книги. Рядом с экслибрисом стояла отметка о собственности с подписью первого нотариуса университета. На десятом листе писали цитату из Библии красными чернилами, на последнем листе еще одну цитату с подписью второго нотариуса (163, с. 151—152). На Руси известен экслибрис игумена Соловецкого монастыря Досифея, которым он помечал книги, переписанные для монастыря по его заказу в Новгороде (109, с. 296—297).

В монастырских книгах пометки о принадлежности книг монастырю нередко сопровождалась анафемой вынесшему ее из монастыря или вору. Это древний обычай, который идет еще из Месопотамии.

Глиняные таблички в основном хранились в вертикальном положении, поскольку имели прямоугольную форму. Поэтому на нижнем крае не делали никаких надписей (56, с. 227).

В Греции и Риме свитки лежали на полках в нескольких слоях, в Александрийской библиотеке — в три ряда с книжными ярлыками наружу. В каждом шкафу находилось несколько сот свитков (139, с. 9—10; 165, с. 39, 106—108; 304, ч. 3, с. 116).

В Европе VIII—XIII вв. книги лежали на полках, а позднее — на пультах. Их стали хранить в стоячем положении лишь в связи с увеличением фондов (201, с. 313; 236, с. 187; 296, с. 623).

В Эфиопии книги хранились в подвешенном виде. Книга обычно помещалась в футляр из грубой кожи, снабженный ремнями для ношения на плече или подвешивания на крюк или колышек в ризнице. Этот способ хранения объясняется необходимостью предохранять пергамен как от особенностей эфиопского климата (жара, влажность, резкие перепады ночной и дневной температур), так и от нередких в подобных помещениях грызунов (в описях можно встретить даже пометки о том, что книга «объедена мышами»). Но дело не только в этом. Такой способ хранения и ношения книг объясняется еще и чрезвычайно подвижным образом жизни эфиопского феодального общества: книги носили с собой странствующие монахи и студенты, во время военных походов цари и феодалы возили с собой и походные церкви с их утварью и книгами. Военачальники во время дальних походов прихватывали с собой и личные «библиотеки» (102, с. 134).

В Соловецком монастыре применялся особый способ установки книг на полке вверх корешком. Для этого на ребрах досок переплета крепились специальные медные «ножки» (108, с. 321, 328, ил. 8).

В арабо-мусульманских библиотеках книги клали на полки плашмя, нагромождая одну на другую (132, с. 251).

Иногда их расставляли корешком вверх для облегчения поиска, так как на них писали имя автора и заголовок (203, с. 460).

ГЛАВА 7 **Сохранение фондов. Описи (инвентари). Гибель библиотек**

Сохранение фондов

Сохранение фондов — исконная задача библиотек. В этом библиотеки подобны памятникам и музеям (235, с. 157). Сохранение для древних и средневековых библиотек, безусловно, важнее, чем использование. Тем более, что во время нестабильности в обществе библиотекам всегда грозят опасности. Поэтому главное — сохранить. Что сохранено, может быть использовано, хотя бы с ограничениями. М.И. Слуховский недаром обращает внимание на то, что древнерусскую библиотеку называли «книгохранительницей» (118, с. 45). Это положение было характерно для всех стран и цивилизаций.

На сохранение фондов, в том числе на постоянную переписку глиняных табличек и папирусных свитков из-за их изношенности после использования, обращали самое серьезное внимание в библиотеке Ашшурбанапала и в Александрийской библиотеке. В европейских монастырях монахам вменяли в обязанность аккуратное обращение с книгами. В 1472 г. папа Сикст IV обратил внимание вновь назначенного библиотекаря Ватиканской библиотеки на то, что с книгами обращались небрежно и нередко их не возвращали. Поэтому был заведен регистр книговыдач (295, с. 52—54).

В странах ислама за сохранение фондов также были ответственны библиотекари, во всяком случае в первой половине средневекового периода. При финансовых трудностях,

например, в вакфных библиотеках жертвовали всем, даже зарплатой для персонала, ради необходимых затрат на реставрацию и сохранение фонда. Забота о сохранении выражалась и в том, что книги на дом выдавались только после внесения залога (183, с. 305).

В Китае государственные библиотеки отвечали за сбор, упорядочение и сохранение сочинений, имеющих историческое значение для страны. Использование этих собраний было ограничено во всяком случае до династии Мин (1368—1644). Частные библиотеки тоже охранялись от посторонних. Сведения о собраниях, особенно редких и ценных книг, держали в большом секрете. Было даже правило: «Хранить в секрете, не распространять». Таким образом, сохранение фондов было основной функцией и государственных, и частных библиотек (95, с. 171—173).

Книги рассматривались как ценное имущество. Поэтому их нередко хранили вместе с казной, а в средневековой Европе также вместе с мощами святых. Это было характерно и для церковных и монастырских библиотек, и для королевских библиотек и библиотек знати (36, с. 125—126; 236, с. 3; 279, с. 2—7). В Эфиопии книги тоже хранили вместе с предметами, необходимыми для богослужения, в помещении, которое называлось «дом вещей», что соответствует православной ризнице. Пергаменные книги были дорогими, и поэтому их хранили вместе с золотой и серебряной утварью (102, с. 133—134).

Помещения, шкафы и сундуки, где находились книги, запирали на замок, а позднее книги приковывали цепями. Первые прикованные библиотеки возникли в Англии в XIV в. (290, с. 3—9). В университетах двери библиотек запирали на ночь на три замка, которые хранили три различные официальные лица университета. Самые ценные книги держали в сундуках, запираемых также на три замка (273, с. 97).

В некоторых европейских монастырях фонды подлежали ежегодной проверке, например в соответствии с правилами монастыря Клюни. Если не ежегодно, то время от вре-

мени составлялись описи и каталоги с той же целью проверки сохранности фонда (296, с. 617).

В государственных библиотеках Китая эти проверки также осуществлялись. В 1034 г. по указу правительства была назначена полная ревизия книг, находившихся в казенных книгохранилищах. В задачи комиссии, специально созданной для этой большой и сложной работы, входила не только проверка наличия книг, но и установление образовавшихся лакун в самих сочинениях, пополнение библиотек недостающими книгами, изъятие подделок и т. д. В состав комиссии вошли известные ученые, некоторые из них имели собственные большие библиотеки (129, с. 304).

Монастырские правила предписывали аккуратность в обращении с книгами. Даются указания о том, как нужно держать драгоценные кодексы, оборачивать их платками, переворачивать страницы «нежно и деликатно», чтобы не порвать и т. д. (295, с. 53). В коптских монастырях Египта приезжие или бежавшие от преследований монахи приводили библиотеки в порядок. Так, в конце XII в. в Монастырь Сирийцев прибыл монах, «заслуживший добрую память», поскольку провел большую работу по реставрации и переплетению около 100 книг. Среди сирийских монахов, бежавших от турок в 1084 г. в Египет, в Скит и Монастырь Сирийцев, был Барсавма, который привел библиотеку монастыря в порядок, переплел разорванные и «разбросанные по всему монастырю» рукописи (20, кн. 1, с. 90).

Бережное отношение к книгам было характерно и для китайских библиотек. Типичным представителем сунских коллекционеров, любивших и оберегавших свои книги, был Сыма Гуан, который в царствование Шэнь-цзуна вышел в отставку и устроил в Лояне парк «Сад уединенной радости», где была большая библиотека классических и исторических сочинений. Хотя Сыма Гуан в течение нескольких десятилетий по целым дням читал эти книги, все они были как новые, точно ничья рука не прикасалась к ним. В наставлениях сыну он говорит о том, как следует обращаться с книгами: «Торгаш накапливает монеты, ученый — только это

[т. е. книги]. Однако и книги надо уметь беречь и ценить. Каждый год между днем летнего солнцестояния и девятым днем 9-го месяца я дожидаясь наступления ясной погоды и на следующий день выставляю на солнце стол, на который ставлю книги ребром, чтобы просушить их страницы. Благодаря этому книги сохраняются очень долго и не портятся даже через много лет. Прежде чем приступить к чтению, я смотрю, чист ли стол, кладу на него циновку и уже после этого усаживаюсь прямо и начинаю читать. При чтении во время путешествия я не держу книгу в руках, а кладу ее на дощечку, для того чтобы не прикасаться потными руками и не причинять вреда листам. Прочитав страницу до конца, я подкладываю под ее край большой палец правой руки и, придерживая сверху указательным пальцем, переворачиваю страницу. Благодаря этому, мне удастся не мять бумагу. Я часто вижу, что вы перелистываете книгу ногтями. Это мне очень не нравится. Беречь и ценить свои книги умеют даже буддисты и даосы. Допустимо ли, чтобы наши ученые в этом уступали им? Об этом следует помнить». В китайской литературе сохранилось много других примеров, показывающих бережное отношение и исключительную любовь библиофилов к своим книгам (129, с. 286—288).

Правила библиотек обычно запрещали выносить книги из помещения. Этот обычай начался уже в древней Греции. Он сочетался с установлением часов работы до наступления темноты из-за боязни пожаров в случае, если для освещения будет зажигаться огонь. Фрагмент надписи в одной из древнегреческих библиотек дает представление об этих нормах: «...Книги не следует брать с собой из библиотеки, и она должна быть открыта с первого до шестого часа» (139, с. 10). Те же правила действовали в университетских библиотеках Европы (273, с. 97).

Сохранению текстов способствовал и обычай переписывать тексты в двух и даже в нескольких экземплярах. Этот обычай также был распространен по всему миру: от Александрийской библиотеки до китайских библиотек. Для лучшей сохранности экземпляры размещали в разных хранили-

шах (20, кн. 2, с. 142). Сохранению книг способствовали их реставрация и переплетение. Ранее были приведены примеры бережного отношения к книгам в коптских монастырях. На Руси переплетение книг тоже рассматривалось как средство их сохранения (119, с. 26—32).

Несмотря на самые строгие меры, утраты в библиотеках были постоянным явлением. Причинами являлись невозвращение книг и кражи. В подробной владельческой записи Ашшурбанапала имеются следующие слова: «Если кто-то унесет [табличку] и напишет свое имя рядом с моим, пусть Ашшур и Нинлиль, гневные и озлобленные, уничтожат его и сотрут его имя, его семя на земле» (56, с. 228).

Подобные проклятия и анафема были обычными для европейских монастырских библиотек. Это не уберегало их как от недобросовестных пользователей, иногда королей, не возвращавших одолженные книги, так и от воров, в том числе ученых. Известны кражи итальянских гуманистов, которые, пользуясь своим положением в папской курии, во время церковных соборов объезжали монастыри и изымали из них рукописи с текстами античных авторов. Особенно отличились в этом плане Поджо Браччолини и Анджеоло Полициано (296, с. 456—457).

В XVI в. в Австрии историограф императора Вольфганг Лациус посещал монастыри в поисках источников для своего запланированного исторического исследования. Цель его посещений стала настолько широко известна, что в монастыре Милситатт (Каринтия) ему запретили войти в библиотеку (299, с. 4).

Описи (инвентари)

В рукописный период описи (инвентари) были преимущественно учетными документами, которые составлялись для проверки фондов. В этом они были подобны реестрам любого другого имущества, особенно ценного. В доказательство того, что в сознании библиотекарей прочно и долго удерживалась мысль о том, что библиотечный каталог

строф (92, с. 70—73). Самой знаменитой является история гибели Александрийской библиотеки. Об этом было написано много, но сейчас можно кратко резюмировать имеющиеся сведения. Библиотека состояла из двух частей: в Мусее и в храме Серапея. Библиотека в Мусее сгорела в 48 г. до н. э. в ходе военных действий, предпринятых египтянами против Юлия Цезаря. Библиотека в храме Серапея была уничтожена христианскими фанатиками, натравленными на храм епископом Александрии Феофилом (385—412). В 416 г. библиотека уже не существовала. Известия о ее гибели в 640 г. и в 645 г. при взятии и разграблении Александрии арабами является легендой. К этому времени библиотеки не было уже два столетия.

В Китае императорские библиотеки регулярно гибли при смене династий. После появления новой династии они воссоздавались. Можно привести следующий краткий список гибели династических библиотек: Цинь — 207 г. до н. э., 1-я Хань — 23 г. н. э., 2-я Хань — 208 г., Вэй и Западная Цзинь — 311 г., Ци — 502 г., Лян — 556 г., Тан — 881 и 907 гг. (20, кн. 2, с. 135—136; 103). Главный хранитель императорской библиотеки династии Суй Ню Хун (545—610) в докладе на высочайшее имя отметил пять бедствий, которые грозят книгам: гонения властей, пожары, наводнения, смуты и войны (20, кн. 2, с. 140).

Главным врагом были, безусловно, войны и пожары. Примеры войн, когда гибли библиотеки, бесчисленны. Достаточно упомянуть гибель библиотек в Средней Азии и на Руси в результате татаро-монгольского нашествия. На Руси сохранились только библиотеки Новгорода и Пскова, до которых монголы не дошли. Арабы разгромили университеты и библиотеки в Индии. В Испании арабские библиотеки погибли при реконкисте. Греческие библиотеки Византии гибли при взятии Константинополя крестоносцами и окончательно при его захвате турками. Этот перечень можно продолжить до бесконечности.

Библиотеки становились военной добычей. Известно, что первые крупные частные и публичные библиотеки Рима

возникли благодаря тому, что полководцы привозили целые библиотеки как трофеи после удачных военных кампаний. Антоний подарил Клеопатре Пергамскую библиотеку. Остатки книг византийских императоров и затем библиотеки Матвея Корвина оказались в султанской библиотеке. Этот перечень также можно продолжить вплоть до XX в.

Распространенной причиной гибели библиотек были пожары. Примеры этого бесчисленны. Когда погибала цивилизация, вместе с ней гибли все культурные ценности, в том числе библиотеки. После падения Рима исчезли его библиотеки. Около 378 г. историк Аммиан Марцеллин отметил, что библиотеки Рима были закрыты навечно, как гробницы (157, с. 158). Образно описал это южноафриканский историк библиотек Г.Ж. Влешаувер: «Библиотеки исчезают молча» (304, ч. 3, с. 111).

Раннее христианство было враждебно библиотекам. Причина заключалась в том, что библиотеки обычно существовали при языческих храмах и в их составе была классическая литература, которую христиане считали языческой и антихристианской. Поэтому как Диоклетиан при гонениях христиан уничтожал их книги, так и христиане стремились уничтожить языческие библиотеки. Это стало причиной гибели второй части Александрийской библиотеки в Серапуме (177, с. 1—2).

Аналогичный антикатолический фанатизм английского короля Генриха VIII привел к гибели монастырей, их библиотек, а также к чистке библиотек, в том числе университетских (215, с. 124—142). В Китае после эдикта 845 г. при разрушении буддийских монастырей и храмов погибли и их библиотеки. Количество разрушенных храмов, строительный материал от которых был использован на ремонт почтовых станций, достигало более 40 тыс. (129, с. 251).

В мусульманских странах библиотеки сект гибли при гонениях. К примеру, богатая библиотека ассасинов погибла, когда пала их крепость Аламут.

Еврейские библиотеки гибли при религиозных преследованиях. Так, в XV в. погибла библиотека раввина г. Май-

В Китае при династии Хань императорской библиотекой могли пользоваться император и его приближенные. В дальнейшем к ним прибавились служащие книгохранилищ и ученые лица, достигшие высшей ученой степени «академиков» (78, с. 222, 226). В сунский период дворцовые библиотеки, которые находились в недоступной для посторонних зоне, предназначались для отдыха императора (316, с. 9).

В Индии Акбар, который был неграмотным, тем не менее активно использовал свою библиотеку. Он любил, чтобы ему читали (169, с. 31).

Известно также, что правители нередко брали свои книги в походы. Это было характерно для многих, начиная с Александра Македонского. В Грузии у Давида Строителя (1089—1125) имелась передвижная библиотека, где были книги подходящего формата и удобные для пользования (20, кн. 1, с. 195).

В Андалусе (мусульманской Испании) Хакам II уделял много внимания своей библиотеке, в том числе как автор и исследователь, особенно в области генеалогии, в которой он имел значительный авторитет. Его занятиям в библиотеке способствовало и то, что он занял трон лишь в возрасте около 50 лет, получил прекрасное образование и достиг энциклопедического уровня знаний (188, с. 134).

Активными пользователями библиотек были ученые и писатели. Ф. Милькау даже предположил, что правители, которые начиная со времен эллинизма принимали при своем дворе писателей и философов, должны были собирать книги для них (204, вып. 1, с. 89). Вместе с американским историком библиотечного дела С.Л. Джексоном мы выражаем сомнение, что правители ставили перед собой именно эту цель (220, с. 8). Тем не менее основными пользователями Александрийской библиотеки, кроме царя и царской семьи, несомненно, были ученые, как резиденты Мусея, так и приезжие. Именно в Александрийской библиотеке установились традиции научной работы для установления подлинного текста классических авторов. В некотором смысле эта

библиотека стала инструментом для научной работы во многих отраслях знаний подобно лабораториям, обсерватории, ботаническим и зоологическим садам, созданным при Мусее (82, с. 34; 134, с. 3; 240, с. 95—113; 326, с. 12). Одна из статей об Александрийской библиотеке в современном сборнике, посвященном ее истории, называется «Уединенные книжные черви в курятнике муз: Древняя библиотека Александрии» (240, с. 61).

В Риме ученые, безусловно, пользовались публичными библиотеками. Однако еще до их создания историки допускались в частные библиотеки, возникшие в результате привоза в Рим библиотек в качестве военных трофеев. Так, библиотекой македонских царей, которую привез Эмилий Павел, пользовался Полибий. Он был учителем его сыновей, и в его «Всеобщей истории» упоминаются историки и поэты, воспевавшие подвиги македонских царей и живших при их дворе. Сочинения этих историков и поэтов, написанные до 168 г. до н. э., вполне могли находиться в этой библиотеке. Историк и географ Страбон пользовался библиотекой Митридата, которую привез в Рим Лукулл. В ней он нашел труды, ставшие для него источниками по истории Кавказа, Боспорского царства и походов Помпея (100, с. 219).

Ученые могли иметь личные большие библиотеки. Так, Плиний сообщает, что для создания «Естественной истории» он использовал 2000 книг, собрав 20 тыс. фактов из произведений 100 авторов, и в основном осуществил свое исследование в собственной библиотеке (215, с. 67). Евсевий использовал для своей «Церковной истории» библиотеку Памфила в Кесарее и библиотеку в Иерусалиме (204, с. 131; 266, с. 170).

Беда Достопочтенный использовал в трудах большое количество исторических, классических и патристических источников. Однако он жил безвыездно в Йорке и, безусловно, опирался на содержание библиотек своего монастыря. Его зависимость от книжных источников иллюстрируется тем фактом, что его описание римской стены, которая на-

ходила в десяти милях от его кельи, базируется на литературных источниках (215, с. 101).

Ученые и писатели использовали также библиотеки коптских монастырей в Египте. Например, в XI в. Север Ашмунейский пользовался для составления «Истории патриархов» библиотекой монастыря св. Макария. Макарий, священник монастыря Иоанна Колова, написавший в первой половине XIV в. «Номоканон» — произведение о коптском каноническом праве (на арабском языке), — брал материал для своей компиляции из многих книг в монастырях в Вади-Натрун и Каире (20, кн. 1, с. 90).

Пользователями библиотеки были и различные учащиеся. Так, Александрийская библиотека была не только научным, но и образовательным центром. Студенты пользовались публичными библиотеками Рима. Среди пользователей библиотек в «Домах знаний» и медресе были учащиеся. Это было повсеместно, так как библиотеки всегда были образовательными центрами.

Библиотеки же европейских монастырей были доступны для немногочисленных пользователей. В основном это были монахи своего монастыря. С другой стороны, настоятель мог разрешить пользоваться библиотекой и посторонним. Книги выдавали даже вне монастыря епископам, духовным и светским лицам и даже женщинам для использования и переписки (188, с. 148; 204, с. 280).

Характерно, например, что в Соловецком монастыре жили многие «мирские люди»: многочисленные «служки», «слуги» и «трудники», работавшие в большом и сложном хозяйстве монастыря, а также стрельцы, его охранявшие. Поэтому на книгах Соловецкой библиотеки появляются пометы читателей вроде следующих: «книга Петра Павлова сына кожевника» или «Читал Соловецкого монастыря сторож Ивашко Илларионов сын Верёвкин» (108. с. 327).

В Китае со времени династии Хань императорскими библиотеками, кроме самого императора и членов его фамилии, могли пользоваться чиновники, занимавшиеся установлением аутентичности текстов, сличением копий

с оригиналом, составлением каталогов, перепиской и другими работами по упорядочению фондов (95, с. 171—172). Использовали библиотеку и историки. Сыма Цянь имел в качестве источников материалы дворцовых архивов и библиотек. Он сам говорит об использовании им записей «в каменных палатах и золотых ларях» (22, с. 80—81). Кроме того, императорскими библиотеками могли пользоваться высшие чиновники, лица, получившие разрешение императора, и люди, занимавшиеся составлением книг и сборников (129, с. 180—188). Пользователями дворцовых библиотек были также члены академии Хань линь (129, с. 271).

Пользователей частных библиотек можно разделить на четыре группы: сам владелец книгохранилища; читатели, которые имели собственные библиотеки и вступали с владельцем в обменные отношения; родственники и близкие друзья коллекционера и посторонние лица в случаях, когда коллекционеры открывали им двери личных собраний, предлагали им книги для чтения и обретали благодаря этому благодарность; признательность чиновников, образованных людей и всех тех, кто близко общался с владельцем. Некоторые владельцы частных библиотек позволяли пользоваться ими довольно широкому кругу читателей. Например, о любителе книг Фань Вэе, жившем в эпоху Западная Цзинь (265—306), в одном трактате сказано: «В семье в течение поколений любили ученость, собрали книг более семи тысяч томов, из разных мест приезжало обычно более ста читателей, всех обеспечивали едой и одеждой». Фань Вэй предоставлял им свободу выбора книг в своей библиотеке. Имеются сведения о других владельцах библиотек, которые позволяли пользоваться ими посторонним лицам, а иногда даже всем желающим (95, с. 189—192).

В мусульманских странах библиотеки всех видов, от дворцовых до медресе, в том числе все вакфные, использовали ученые и учащиеся. В первой половине XI в. приезжие в «Дом знаний» обеспечивались письменными принадлежностями, бумагой, ночлегом и даже материальной поддер-

жкой. Особенно активно библиотеки использовали ученые. Уже упоминалось, что в X в. Ибн Сина получил доступ в библиотеку бухарских эмиров. Знаменитый богослов Фахр-аддин Абу Абдулла Мухаммед ибн Омар ар-Рази (ум. 1210 г.) на основе библиотеки хорезмшаха Текеша в Ургенче создал свой энциклопедический труд «Джами ал-улум» («Собрание знаний»). Даже в XVIII в. в Афганистане вокруг коллекций, собранных в библиотеке правителя, образовался кружок придворных ученых, которые занимались переводом на дари иноязычной литературы, комментировали ее и создавали новые произведения (86, с. 14—15; 101, с. 8; 132, с. 185; 137, с. 135—136).

Древние и средневековые библиотеки использовались для создания стандартных канонических текстов. Особенно это касалось классических произведений той или иной цивилизации, которые старались спасти от искажений, неизбежных при переписке. Так, в библиотеке Ашшурбанапала был создан канон клинописных текстов и знаний (19, с. 456). Научное редактирование текстов на основании множества их копий осуществлялось в Александрийской библиотеке (261, с. 219—221). Это привело к стандартизации текстов. Схолии в текстах Гомера и Аристофана, например, постоянно ссылаются на образцы, созданные в Александрийской библиотеке, а схолии к Гомеру — на рукописи из различных частей греческого мифа, например, на Хиос, Аргос и Синоп (на Черном море). Эти ссылки вполне могут иметь своими источниками ярлыки, которыми снабжались свитки в Александрийской библиотеке и в которых указывались места их происхождения (240, с. 65—66).

Библиотеки стали основой для составления энциклопедических работ. Уже была отмечена энциклопедия «Собрание знаний» ар-Рази. В Китае эта форма использования императорских библиотек была известна издавна. Во времена императора Вань-ди (220—227) в царстве Вэй приказали Лю Шао и некоторым другим собрать книги всех отраслей, рассортировать их, упорядочить и сделать из них большую энциклопедию под названием «Хуанлань». Пер-

вая в истории Китая энциклопедия была ими составлена с использованием фондов императорской библиотеки. При династии Северная Сун (960—1127) государственные библиотеки были использованы при создании четырех больших энциклопедий. При составлении энциклопедии «Юнлэ дадянь» в эпоху правления династии Мин к этому делу было привлечено более 2000 конфуцианских ученых. Они были допущены для работы в государственном книгохранилище, где провели пять лет и создали грандиозный труд, включавший 22 877 томов и 370 млн иероглифов. Для создания такого труда, который представлял собой квинтэссенцию китайской книжной культуры, число ученых — читателей библиотек должно было быть очень большим (95, с. 185—186).

В Византии X в. при дворе Константина VII возникла целая серия энциклопедий. Эти труды, как и энциклопедии других народов в средние века, лишь условно можно назвать энциклопедиями. Это были сборники выдержек, составленные путем механической компиляции. Они представляли уже существующие знания в новой форме, предназначенной для сплошного чтения и легкого усвоения. Фактически они заменяли собой целые библиотеки, что нередко вело к гибели первоисточников. Тем не менее для создания таких компиляций библиотеки были незаменимы (115, с. 67—69; 15, с. 54—55).

В публичных библиотеках древнего Рима происходили публичные чтения новых произведений. Это была одна из форм их публикации (100, с. 220). Во многих странах, особенно в мусульманских, библиотеки были местами встречи поэтов, литераторов, ученых и вообще культурных людей (246, с. 89—90).

В средневековой Европе приковывание книг возникло не из-за их ценности, а из-за частоты использования (295, с. 186).

Постепенно стали вырабатываться правила допуска читателей в библиотеки в определенные часы. Наилучшим образом для этого подходили утренние часы или, во всяком

случае, дневные до наступления темноты, что прежде всего объяснялось боязнью пожаров (139, с. 10). Эти правила были характерны для античного мира Греции и Рима (165, с. 106—108; 204, с. 142).

В средневековой Европе определенные часы работы монастырских библиотек были установлены орденом цистерцианцев, в то время как бенедиктинцы, которые также ежедневно использовали свои библиотеки, не считали необходимым делать это (236, с. 5—6).

В университетах библиотеки первоначально были открыты только в дневные часы, поскольку в них нельзя было зажигать огонь, в том числе свечи (273, с. 97). В Оксфорде университетская библиотека была открыта с 9 до 11 часов утра и с 1 до 4 часов дня, кроме воскресенья и некоторых специально оговоренных дней, включая месячный отпуск библиотекаря (179, с. 97; 273, с. 97).

В мусульманских странах некоторые библиотеки были открыты ежедневно в течение нескольких часов, а некоторые — только несколько часов в течение недели и даже только по просьбе читателя (183, с. 306). В турецких библиотеках до XVII в. книги выдавали на дом, но начиная с XVII в. выдача вне библиотеки была ограничена, и основатели библиотек в учебных заведениях и мечетях стали устанавливать дни и часы их работы. С конца XVII в. до начала XVIII в. библиотеки обычно были открыты два или три дня в неделю, но к середине XVIII в. количество дней увеличилось до 4—5 дней, обычно от восхода солнца до полуденной молитвы. Правила некоторых учебных библиотек предписывали, что они должны быть открыты ежедневно (187, с. 1—2).

В древних и средневековых библиотеках обычно не предусматривались отдельные помещения для книгохранилища и читателей. Впервые постоянные читальные залы, где знатоки могли знакомиться с рукописями императорской библиотеки и проводить свои изыскания, были учреждены в Китае при императоре Сюань-цзуне. Один из читальных залов был в Западной столице Чанъань. Он располагался не

в запретном императорском городе, а в восточной части императорских парков, примыкавших к столице с северной стороны. Там находился загородный дворец Дамингун. Вне его стен в 721 г. был «книжный двор, где собираются мудрые». Это и была читальня для ученых людей. Другой читальный зал с таким же названием был основан в восточной столице Лояне в 722 г.

Читальные залы предназначались в первую очередь для придворных писателей, историков и представителей пишущего сословия. Это видно из того, что императорская академия Ханьлиньюань, а также архивы и цензорат, следившие за точной фиксацией событий, находились в той же части дворцового комплекса Дамингун, недалеко от читален (20, кн. 2, с. 147).

В арабо-мусульманском мире для читателей создавали особые условия. В «Доме знаний» египетских Фатимидов всем приезжим выдавали бумагу, чернила и каламы. Щедрость проявляли также владельцы частных библиотек. Известный писатель и филолог, владелец библиотеки ценных книг Абу 'Абдаллах Мухаммад б. 'Имран б. Муса ал-Марзубани (ум. в 994 г.) держал в своем доме 50 постелей для тех гостей, которые интересовались наукой и оставались у него ночевать (132, с. 192, 218).

В монастырях средневековой Европы использование библиотек определялось правилами ордена. В монастырях августинцев книги выдавались ежедневно утром и должны были возвращаться вечером. В бенедиктинских монастырях книги для индивидуального чтения торжественно распределялись один раз в год в начале поста, хотя в случае необходимости для научных занятий выдача книг особо не регламентировалась. Почти повсеместно в библиотеках предписывалось молчание. Монахи должны были без крайней необходимости изъясняться жестами и знаками. В монастыре Клюни существовал специальный язык знаков. Этот обычай имеет корни в жизни христианских анахоретов. Правило молчания в королевской библиотеке Франции было введено только в XVI в. (204, с. 276, 280).

Поведение в университетских библиотеках регулировалось правилами. В 1321 г. в библиотеке Сорбонны были введены следующие правила пользования залом с пультами, к которым были прикованы книги:

- обязательно ношение мантии и головного убора;
- вход воспрещен для детей и неграмотных;
- почтенные ученые могут входить, если они представлены членом факультета. Сопровождающие их лица (слуги) должны остаться снаружи;
- каждый член факультета имеет собственный ключ [к пультам] и никому его не передает;
- запрещается когда-либо пользоваться огнем или освещением;
- запрещается вынос книг без разрешения Общества;
- книгу можно положить на пульт только после того, как с него вытерта пыль;
- никаких записей или каких-либо других повреждений книгам;
- при писании и чтении запрещается беспокоить присутствующих разговорами или хождением по помещению;
- максимальное молчание, которое уместно для мест «священных и величественных»;
- осужденные книги доступны только профессорам богословия — с использованием только по необходимости;
- профессор не должен читать такие книги из любопытства, чтобы не быть ими отравленным;
- нарушителям этого правила следует выразить неодобрение.

Из правила 3 следует, что библиотекой могли пользоваться посторонние, которых обычно сопровождает слуга. «Общество» состояло из 36 бакалавров и докторов, которые образовывали «Дом и Общество Сорбонны» (220, с. 84—85).

В Оксфордском университете доступ в библиотеку был только для имевших ученые степени или членов религиозных орденов, которые изучали философию в течение вось-

ми лет. Исключения могли быть сделаны, например, для сыновей членов парламента. Все читатели должны были принести клятву, что они не будут уродовать книги вырезками или пятнами (179, с. 116).

К полкам и шкафам пользователей обычно не допускали. Если нужно было получить или сдать книгу, обращались к служителю. Этому правилу следовали в крупных древних библиотеках, как в греческих, так и в римских. В греческих библиотеках (Пергам, Эфес, Афины) шкафы помещались на возвышении, куда нельзя было подняться (204, с. 142; 304, ч. 3, с. 118).

Доступ

Историю библиотечного дела в значительной мере можно рассматривать как историю постоянного расширения круга лиц, которым открыт доступ к фондам библиотеки (122, с. 164). Пятый принцип библиотечного дела Дж.В. Томпсона — «Библиотека — для всех» (296, с. 209). Однако библиотеки стали общедоступными отнюдь не сразу и, безусловно, не все.

Библиотеки древней Греции были более доступны, чем храмовые и дворцовые библиотеки древнего Востока. Это объясняется в том числе тем, что греческие библиотеки в отличие от восточных не имели сакрального характера. Даже библиотеки правителей стали более доступны. Так, Витрувий отмечает, что Пергамская библиотека была доступна для общего пользования (266, с. 164).

Однако подлинная общедоступная, публичная библиотека появилась в древнем Риме. Идея возникла у Цезаря, но он не успел ее осуществить, и первую публичную библиотеку создал Август. Несомненно, у Августа, кроме культурных, были политические цели. Грамотность уже была широко распространена. Власть считала для себя полезным оказывать грамотному сообществу, которое имело значительное влияние на положение в государстве, определенную поддержку. Институт клиентуры был распространен на искус-

ство и литературу. Публичные библиотеки были одной из форм меценатства.

Следующие императоры продолжали эту политику, и ко времени Константина количество публичных библиотек в Риме достигло 28 (304, ч. 3, с. 113). Первая публичная библиотека возникла в 28 г. н. э. в портике храма Аполлона на Палатинском холме. Библиотека горела три раза, и в последний раз в 363 г. уже не была восстановлена. При Траяне ее несколько затмила Ульпиана — библиотека, созданная этим императором (304, ч. 3, с. 114). Публичные библиотеки появились и в провинциях.

Цензурные ограничения, видимо, не применялись в римских публичных библиотеках, хотя некоторые императоры вводили запреты на некоторых авторов и отдельные их произведения. Например, известно, что Август запретил помещать в библиотеках произведения молодого Цезаря (304, ч. 3, с. 117).

Как было показано ранее, общедоступность не означала открытого доступа к фондам. Если читателю была нужна книга, наличие которой устанавливалось по каталогам, ее доставляли служащие библиотеки (220, с. 20).

Частные библиотеки также иногда имели сравнительно легкий доступ для посторонних. Лукулл, например, предоставлял возможность пользоваться трофейной библиотекой Митридата всем желающим (100, с. 219). Цицерон знакомился с произведениями Аристотеля в собрании Суллы и имел свободный доступ к библиотеке своего друга Аттика. Коллекция Аттика, который занимался книгоизданием и торговлей, была доступна тоже за плату. Тираннион получил таким образом доступ к редкой и бесценной коллекции канонических текстов Аристотеля (304, ч. 3, с. 108).

В монастырских и соборных библиотеках средневековой Европы доступ посторонним был ограничен. В основном разрешение использовать библиотеку получали духовные лица. Его давал настоятель. В XIII—XV вв. число пользователей извне возросло. Поскольку библиотеки находились недалеко от dormitorio (келий), это нарушало покой мо-

нахов. Кроме того, желание обеспечить безопасность фондов делало необходимым установку пультов для приковывания книг, что привело к возникновению разных отделений с различным доступом. Этот вопрос будет рассмотрен позднее (163, с. 75; 236, с. 9—10, 15, 24; 250, с. 14; 295, с. 66—69; 310, с. 45).

Необходимость более широкого доступа привела к созданию университетских и частных библиотек. Однако доступ в эти библиотеки отнюдь не был всеобщим. Ранее были рассмотрены правила доступа для ограниченного, но достаточно определенного круга лиц в библиотеки Сорбонны и Оксфорда. В Венском университете доступ в библиотеку артистического факультета, в которой посетители могли пользоваться прикованными книгами, заключался в следующем: всем, кому было разрешено пользоваться библиотекой, а к ним относились также члены других факультетов, ключи от библиотеки выдавали за плату (163, с. 117).

В исламской цивилизации свободный доступ к информации в библиотеках был твердо установленным принципом (183, с. 297). При передаче книг в вакф могло быть определено, что ими могут пользоваться все «искатели знания» без ограничений. Библиотеки, в том числе учебных заведений, были доступны для всех грамотных и желающих (139, с. 226; 182, с. 124—125). В то же время в дворцовые библиотеки правителей и в частные библиотеки доступ был, естественно, ограничен, хотя ученые могли получать разрешение на их использование. Отмечается, что ограничения в доступе к дворцовым библиотекам привели к сохранению в них греческого наследия, т. е. одним из положительных следствий трудного доступа было более надежное сохранение фонда (139, с. 252; 142, с. 99). С другой стороны, правители могли создавать библиотеки, специально предназначенные для их широкого использования. Такой общедоступной была библиотека «Дома знания» в Каире, основанная Фатимидами в 1004 г. (188, с. 127—128). В этом имелась определенная преемственность с политикой римских императоров.

В Китае доступ в библиотеки в основном был ограничен. В том числе частные библиотеки, естественно, были доступны при условии знакомства с владельцами. Однако имелись книжные собрания, доступные довольно широкому кругу лиц. В сунский период такой была библиотека, принадлежавшая Сун Мин-цю. В этом значительном и тщательно выверенном книжном собрании могли заниматься многие. По свидетельству исторических источников, число лиц, желавших поселиться по соседству с домом Сун Минь-цю, чтобы пользоваться книгами из его библиотеки, было настолько велико, что цена на помещения и квартиры в этом квартале поднялась вдвое (129, с. 293—294).

В Японии первая доступная библиотека возникла в VIII в. Эта библиотека (скорее «кабинет») была собрана Исоноками но Якатсугу. Она состояла из конфуцианской литературы и была открыта для молодежи из благородного сословия (282, с. 130).

В буддийских монастырях Цейлона желающих пользоваться библиотекой подвергали предварительному испытанию, чтобы убедиться в их научной компетенции и намерениях (265, с. 4).

Отделения

По мере увеличения фондов библиотек для упорядочения их использования собрание стали делить на части по различным практически обоснованным признакам. Эта технология сохранилась до настоящего времени. Каждая общественная библиотека имеет в своем составе несколько, иногда достаточно много специальных библиотек с собственными фондами и системами обслуживания читателей.

Уже Александрийская библиотека состояла из двух частей: «внутренней» в Мусее и «внешней» в храме Серапея. Первая была доступна только для ученых Мусея, не считая членов царской семьи, вторая, возможно, имела более широкий доступ. Об этом есть свидетельство, которое относится к довольно позднему периоду — к IV в. н. э., хотя это не-

достаточно надежно. Кроме того, вскоре библиотека погибла от рук христианских фанатиков (240, с. 68).

Более достоверные сведения имеются о римских публичных библиотеках. Они были разделены на два отделения: греческое и латинское. Это отражало взгляд римлян на знание и в определенной степени также деление учебного процесса. Впервые такое деление фонда было осуществлено в Палатинской библиотеке, основанной Августом. По ее образцу составлялись и другие, в том числе библиотеки учебных заведений. Так, деление на греческое и латинское отделения было в университете Афиней, который был основан Адрианом (100, с. 220; 204, с. 105; 304, ч. 3, с. 104).

С утверждением христианства в качестве государственной религии в частных библиотеках возникло другое деление: христианское и языческое отделения. Иногда языческое отделение делилось на две части по классической модели: латинское (романское) и греческое (аттическое) (204, с. 118; 304, ч. 3, с. 127, 129).

В средневековой Европе деление библиотек на функциональные части тоже применялось. В зависимости от назначения в монастырях было несколько отделений. Основной фонд назывался *camera librorum* — тихая и спокойная комната. Богослужебные, а также наиболее ценные книги хранились в ризнице, которая издавна рассматривалась как хранилище наиболее ценного имущества. Школьные книги (*libri scholastici*) уже со времен Каролингов обычно составляли особое собрание. К нему принадлежали и произведения античных авторов. Иногда школьное собрание в свою очередь делилось на две части: внутреннюю (для мальчиков, которые готовились к пострижению в монахи) и внешнюю (для будущих священников и светских учеников). В трапезной хранился фонд для чтения во время трапез. В комнате, предназначенной для общего собрания, находились правила ордена, мартирологии и некрологии для поминания недавно почивших. В больнице находились книги для монахов, которые не могли принять участие в общих ритуалах, а также специальная медицинская литература (трактаты,

книги о лечебных растениях, собрания рецептов) для монахов-врачей.

Книги выделялись для помещений спального корпуса. Иногда аббат имел книги в собственных комнатах или разрешал это некоторым монахам в связи с их занятиями. В бенедиктинских и цистерцианских монастырях в нишах вдоль крестного хода помещались шкафы с книгами для ежедневного использования. К ним имели доступ все монахи. Иногда эти собрания размещались в приоратах, создаваемых в отдаленных владениях монастыря, или в домах священников, связанных с монастырем.

К концу средних веков в отдельные собрания стали выделять книги на национальных языках. Они составляли «внешнюю библиотеку», которая находилась вне помещений для монахов и предназначалась для светских лиц. «Внутренняя библиотека» книг на латинском языке предназначалась для духовных лиц и находилась внутри монастыря. В женских монастырях все было наоборот — книги на национальных языках находились во внутренней библиотеке и предназначались для монахинь, а книги на латинском языке — во внешней, для использования священниками (204, с. 277—278). В соборе Парижской Богоматери было два отделения: для служащих собора и для бедных студентов (296, с. 254—255).

В университетах, кроме общей библиотеки, отдельные библиотеки принадлежали факультетам, колледжам и землячествам. Общие библиотеки возникли позднее, с XV в. Исключение составил Оксфордский университет, где общезадачная библиотека появилась раньше библиотек колледжей. Библиотека Сорбонны делилась на две части: *Libraria magna* (Большая библиотека) и *Libraria parva* (Малая библиотека). Большая библиотека включала книги, необходимые для учебного процесса, они были прикованы к пультам и не выдавались за пределы библиотеки, кроме особых случаев. Малая библиотека предназначалась для выдачи на дом. Она включала дубликаты и малоспрашиваемую литературу (204, с. 430).

В Китае императорские библиотеки делились на 4 или 7 частей в соответствии с принятыми схемами классификации. Основные отделы могли в свою очередь подразделяться на части. Каждый отдел имел обложки книг, оси, завязки, футляры и бирки разных цветов, чтобы удобнее их различать. В каждом из хранилищ были основной и дополнительный (дублетный) отделы. В дворцовой библиотеке выделялось особое отделение для произведений, принадлежавших кисти императора. Отдельные хранилища отводились для даосской и буддийской литературы (20, кн. 2, с. 148, 165—166; 129, с. 256—257).

Книговыдача

В древности выдача книг вне библиотеки обычно не практиковалась. Однако в древнем Риме, как свидетельствуют источники, это все-таки случалось. Так, Геллий сообщает, что однажды он с друзьями находился на вилле в Тибуре (Тиволи). Им подали воду из растопленного снега. В компании присутствовал специалист по Аристотелю, предупредивший их, что это может нанести вред. Чтобы доказать свою правоту, он пошел в городскую библиотеку и вернулся с книгой Аристотеля, в которой находился нужный пассаж, т. е. в библиотеке разрешили ее вынести, хотя это мог быть уникальный экземпляр. От библиотеки в Афинах сохранилась надпись, где записано, что здесь решено запретить выдачу книг вне библиотеки. Отсюда вывод, что это имело распространение среди библиотек. Марк Аврелий и его учитель смогли получить из Палатинской библиотеки или библиотеки Тиберия нужные книги, что могло объясняться их статусом, хотя, возможно, это позволялось и менее значительным и знатным лицам (165, с. 107—108).

В средние века в Европе книговыдача вне библиотеки также обычно не существовала. Только в более поздний период картезианцы и затем бенедиктинцы стали выдавать книги таким образом. Для этого к XI в. в библиотеках возникли два отделения: особо ценные книги, которые не вы-

давались, и книги, которые могли быть выданы монахам и даже светским лицам (258, с. 11; 310, с. 45). В картезианских монастырях при выдаче книг монахи должны были ставить закладку с номером своей кельи на место книги. Более пожилые монахи имели приоритет при выдаче перед более молодыми (163, с. 59).

В соборе Парижской Богоматери и аббатстве Сен-Виктор в Париже с 1270 г. книги выдавали на год. Те же сроки возникли в колледжах английских университетов. В доминиканских монастырях книги выдавали на короткие сроки: один день или немного больше. Францисканские и доминиканские монастыри выдавали книги другим монастырям начиная с 1233 г. В основном это были монастыри, которые находились невдалеке. В 1336 г. «Конституции» папы Бенедикта XII запретили слишком активную выдачу вне монастырей, особенно если при этом монастыри лишались своих книг по грамматике, логике, философии и богословию. Тем не менее из папской библиотеки в Авиньоне, которая была одной из самых больших в конце XIII — начале XIV в., многие экземпляры популярных книг выдавались.

При выдаче вне монастыря обычно требовался залог большей стоимости, чем цена книги. Францисканцы требовали его только у светских лиц, которые брали книги более чем на месяц. Порой книги выдавались пожизненно. Однако в этом случае иногда требовали, чтобы книги ежегодно показывали, а вновь избранный епископ не мог вступить в должность, пока он не вернул книги в библиотеку своего монастыря. В доминиканских монастырях при выдаче книг извне записывали название монастыря, который выдал книгу. В случае, однако, если правила выдачи были достаточно либеральными, как, например, в Малой библиотеке Сорбонны, где не требовали залога, библиотека лишалась многих книг. Так, проверка библиотеки показала, что из 1722 книг, которые числились в ее фонде, 500 не могли найти или установить, кому они были выданы (220, с. 83—84).

Правила картезианских монастырей определяли, что монахам могло быть выдано до 5 книг. Однако число могло

быть увеличено. Во второй половине XV в. в картезианском монастыре в Базеле могли выдавать до 30 книг (204, с. 279—280).

Сроки, на которые выдавались книги в монастырях, обычно не ограничивались (163, с. 59). В бенедиктинских монастырях их выдавали монахам на год. Книги следовало вернуть во второй день Великого поста (296, с. 226). В испанских монастырях в соответствии с «Правилами монахов» Исидора Севильского книгу выдавали монаху на день, и ее нужно было вернуть в библиотеку вечером (188, с. 150; 296, с. 684). Такое же правило действовало в августинских монастырях (204, с. 276). В Византии по правилам студитских монастырей монах подлежал наказанию в виде стояния во время трапезы, если не возвращал книгу из своей кельи после того, как библиотекарь дал звуковой сигнал (200, с. 123).

Выдача книг вне монастыря или университета была, как правило, запрещена, хотя монастыри иногда выдавали книги другим монастырям для переписки. Порой запрещение включалось в директивные документы: в 1212 г. в постановление францисканского совета в Руане и постановление Синода в Париже (163, с. 75—76; 179, с. 90—91; 184, с. 84; 304, ч. 4, с. 163—164). Запрет на книговыдачу вне библиотеки действовал также в университетах (273, с. 98). В библиотеках православных монастырей на Руси и в Грузии существовали те же правила (20, ч. 1, с. 196; 119, с. 88—109). В то же время монастырские и соборные библиотеки выдавали книги другим монастырям для переписки (59, с. 20; 242, с. 3).

Обычно при выдаче книги вне библиотеки брали залог. Нередко это была другая книга (181, с. 49). В папской библиотеке не брали залогов, но при выдаче предупреждали, что книги следует вернуть в целости и сохранности. В противном случае виновника могла постигнуть папская немилость. При Юлии II и Льве X при выдаче вне библиотеки стали брать залог, но затем это было отменено (296, с. 565—567). Залог брали также университетские библиотеки. В Сорбонне залог должен был соответствовать стоимости книги (278, с. 57; 296, с. 439). Известен случай, когда

король Людовик XI хотел, чтобы ему выдали какой-то медицинский труд из библиотеки медицинского факультета. Там потребовали от него в качестве залога двенадцать марок серебра и сто крон золотом. Король согласился с этим требованием, книга была выдана, с нее была сделана копия, и после ее возвращения 24 января 1472 г. залог вернули королю (295, с. 67—68).

В монастырских и университетских библиотеках вели также регистрацию книговыдачи. Это вменяли в обязанность библиотекарей (273, с. 98). Ведение списков книговыдач было широко принято. В соборной библиотеке Кельна первый такой список датируется 833 г., второй — первой половиной XII в. (242, с. 2—3). Сохранился список лиц, которым выдавались книги в аббатстве Сент-Албанс (Англия). В него входят имена семи монахов XV в. (249, с. 254—257, 273—276). Иногда регистрация была достаточно небрежной. Так, в монастыре Рейхенау список книговыдачи оказался на первом листе рукописи Августина, и, судя по всему, книги не были возвращены (296, с. 194—195). В картезианском монастыре в Майнце, кроме записи на месте книги, в фонде ставилась закладка с номером монашеской кельи (163, с. 59).

Королевский библиотекарь Жиль Мале, который отвечал за библиотеку в Лувре с 1365 по 1411 г., проводил регистрацию книговыдачи (296, с. 420). Регистры книговыдачи составлял также библиотекарь Ватиканской библиотеки Бартоломео Платина, назначенный префектом библиотеки в 1475 г. В этих регистрах находилось около 400 записей за десять лет, с 1475 по 1485 г. (296, с. 564). В Сорбонне велись тщательные регистры книговыдачи, в них вносили имя лица, которому выдана книга, ее название и шифр, стоимость, первые слова второго и предпоследнего листа и количество тетрадей в книге с тем, чтобы книга могла быть надежно определена при возврате (204, с. 431).

Регистрация книговыдачи осуществлялась и в частных библиотеках. Грамматист Гуццо де Новара был призван ко двору императора Оттона I в 965 г. С собой он взял свою

библиотеку, которая состояла примерно из 100 томов. Позднее в 1175 г. и в 1212 г. были созданы ее описи. В первой описи в записях имеются сведения о том, что две книги были выданы. Из второго каталога следует, что они были в наличии, т. е. система регистрации действовала вполне эффективно (296, с. 143—144, примеч. 45).

Тем не менее книги пропадали. В Сорбонне с ее хорошей регистрацией в 1338 г. из 1722 книг Малой библиотеки 300 числились выданными или пропавшими (204, с. 431). В самой большой соборной библиотеке Англии в Кентерберри каждый год производилась проверка фонда на предмет выявления отсутствующих книг (296, с. 375). Ранее было описано, что в монастыре Рейхенау из-за небрежной регистрации книги не возвращали в библиотеку (296, с. 195).

В арабо-мусульманских странах возврат книг зависел от обычаев, совестливости читателей, страха божьего, так как юридические санкции против порчи, утери или присвоения книг не предусматривались. В биографиях многих лиц упоминается склонность обогащать личные собрания путем присвоения чужих или библиотечных книг. Часто это не осуждается и выдается за особую любовь к книгам, едва ли не похвальное качество. Неудивительно, что в литературе порой встречаются советы не одалживать книги (132, с. 252). Необходимо отметить, что беспрепятственная выдача книг основана на принципе ислама, который восходит к завету пророка: распространять знание и проклятие тому, кто этому мешает (186, с. 71, 74). Тем не менее в ходе эволюции возникли жесткие правила выдачи, использования и возврата книг.

Прежде всего при выносе книги из здания, где находится библиотека, необходимо было внести денежный залог. Книги выдавались только достойным доверия и надежным лицам. Только жители города могли выносить книги из библиотеки. Иностранцы и приезжие могли читать только в библиотеке.

Читателю запрещалось делать какие-либо поправки или пометки в книге. Если он заметил ошибку, о ней следовало

сказать библиотекаря. Запрещалось передавать книгу третьему лицу. Все книги подлежали возвращению по окончании срока, на который они выданы, или по требованию библиотекаря. Если книга задерживалась, это считалось противозаконным и могло привести к последующим отказам в книговыдаче. Считалось также правильным, если при возврате книги выражалась благодарность тому, кто ее выдал.

Библиотека могла регистрировать книговыдачу. Иногда это было условием вакфа. Например, Али ал-Ибшади передал в вакф книги мечети ал-Азхар в 1513 г. на том условии, что при их выдаче библиотекарь будет записывать имя того, кому они выданы, в специальный регистр. После возвращения книги имя это стиралось. Такие регистры велись и в других библиотеках. Иногда, напротив, именно предписания вакфа способствовали расхищению библиотеки. Так, в Тунисе Ахмад Паша I в основанной им библиотеке Ахмадийя предписал, что книги могут выдаваться сроком на год. В результате библиотека пришла в плачевное состояние. Некоторые доноры запрещали выдачу книг из библиотеки, даже за залоги, которые в несколько раз превышали стоимость книги. В основном, однако, библиотеки поощряли использование своих книг читателями. Андалузский историк Гранады Абу Хайян (ум. в 1343 г.) писал: «Если мне нужна книга, я всегда могу получить ее в какой-либо библиотеке. Если же мне нужны деньги, чтобы купить книги, то никто их мне не одолжит».

Предписания вакфа могли также устанавливать дни и часы работы библиотеки. Так, вакф для Библиотеки Гури в Каире особо устанавливал, что она должна быть открыта не менее двух дней в неделю, при этом обязательно в пятницу. Библиотека Ахл ал-Байт мечети Тамими в Багдаде была открыта ежедневно после полудня до наступления темноты (286, с. 105—108).

Количество книг, которые можно было взять в библиотеке, различалось от библиотеки к библиотеке, но в целом политика библиотек в этом плане была достаточно либе-

ральной. Так, географ Якут ал-Хамави, посетивший Мерв (современный Мары в Туркменистане) в 1228 г., обнаружил там не менее 10 библиотек, доступных для всех желающих, и смог взять в одной из них сразу более 200 книг (182, с. 123).

В османской Турции до XVII в. в библиотеках учебных заведений и мечетей в соответствии с принципами ислама, которые были описаны выше, книги выдавались читателям достаточно свободно, в том числе на вынос из библиотеки. Однако в XVII в. выдача книг стала более ограниченной. Читатель должен был заниматься или в самой библиотеке, или в здании, где она находилась. Как следствие этой установки стало обычным определять дни и часы, когда библиотека была открыта для читателей (187, с. 1). В некоторых библиотеках ограничивали количество книг, которые выдавали читателям за один раз (187, с. 4).

Книговыдача ограниченному числу лиц в императорских библиотеках Сунской династии подчинялась особым правилам, они должны были обеспечить сохранение фонда. Если чиновнику, имевшему доступ к библиотеке, нужен был какой-либо текст, он прежде всего просил выдать ему Сводный каталог императорской библиотеки и получал его после того, как его имя вносилось в регистр. Когда каталог возвращали, его вновь запирали на замок. Затем желающий получить книгу шел в соответствующее книгохранилище и передавал свой запрос служителю. Получивший книгу мог использовать ее только в пределах здания библиотеки (316, с. 38). Тем не менее выдача была все-таки достаточно либеральной и значительной. Об этом свидетельствуют сведения о невозвращенных книгах. Так, в 1114 г. один из чинов подал доклад, что количество книг, выданных с 1104 г. и не возвращенных в книгохранилища, достигло 4328 цзюаней. После этого доклада император приказал, чтобы в разрешениях на пользование книгами был указан срок. Количество невозвращенных книг может служить косвенным указанием на то, что общее количество книг, выдававшихся из книгохранилища, было достаточно велико (129, с. 271).

Древние и средневековые каталоги нередко мало чем отличаются от описей. Однако если каталоги отражают расположение книг в фонде или имеют какую-либо классификацию, они могут быть использованы для поиска книг. Для библиотек древнего Востока можно даже считать, что наличие каталога является индикатором для квалификации собрания текстов как библиотеки (240, с. 28). Основное смысловое отличие каталогов от описей заключалось в том, что описи обеспечивали сохранение фонда, а каталоги — их раскрытие для использования (163, с. 143).

От древнего Египта дошли фрагменты нескольких каталогов. Из них подлинными каталогами можно считать только два списка книг из храма Эдфу: «Каталог многих ящиков с книгами и больших свитков из подлинной кожи животных» (22 названия книг) и второй каталог того же храма (14 названий). Список книг, содержащих погребальный ритуал Аписа, книги магического содержания и книги о празднестве бога Осириса, является, скорее, библиографическим, даже если они отражали содержание подсобных храмовых библиотек, так как они посвящены одному вопросу и предназначены для увековечивания книг, которые должны были читаться при совершении определенных обрядов (87, с. 52; 116, с. 122—123).

Месопотамские каталоги, дошедшие до нашего времени, небольшие, и обозначения мест хранения табличек в них не вполне ясны (114, с. 99). Два каталога, которые датируются началом второго тысячелетия до н. э., предположительно являются полочными описями. Они содержат соответственно 62 и 68 названий. Об их группировке трудно судить, поскольку известны только 28 из этих произведений. Интерес представляет то, что 43 произведения имеются в обоих каталогах, и по некоторым палеографическим данным они были написаны одним писцом. Группировка записей в каталогах разная. Это и наличие двух третей одинаковых записей позволяет сделать вывод о том, что данные ка-

талогии являются полочными описями, последовательно составленными и отражающими изменения в составе и расположении фонда (56, с. 231).

Из месопотамского материала наибольший интерес представляют списки новых поступлений в библиотеку Ашшурбанапала, которые возникли после того, как царь подавил восстание в Вавилоне и ограбил местные библиотеки, в том числе частные. В основном, однако, эти списки представляют интерес с библиографической точки зрения (114, с. 99).

Относительно «Таблиц» Каллимаха отсутствуют доказательства того, что это был каталог Александрийской библиотеки (115, с. 19; 220, с. 14).

Ранние христианские библиотеки обычно не имели каталогов, потому что эти собрания были небольшими. В них были только описи (304, ч. 4, с. 164). Тем не менее Евсевий в «Церковной истории» упоминает, что в «Житии Памфила» он описал каталог, который составил Памфил для своей библиотеки церковных писателей (266, с. 175). От монастырей IV—V вв. остались фрагменты двух каталогов. Первый из них из Фаюма включает небольшое количество греческих и коптских кодексов на папирусе и пергамене в основном религиозного и богослужебного содержания. Второй на остроконе из Луксора состоит из 80 записей и из двух частей: основного фонда и новых поступлений. В каталоге имеется некоторое упорядочение. Основная часть расположена в соответствии с содержанием книг, вторая часть — видимо, по мере поступлений (304, ч. 4, с. 156). Наличие списков новых поступлений, как и ранее в библиотеке Ашшурбанапала, свидетельствует о более или менее регулярной работе с фондом и учете его содержания.

В средневековой Европе для обозначения каталогов использовались различные слова и словосочетания. Чаше всего употреблялись описательные выражения: *Isti sunt libri* (Следующие книги); *Hii sunt libri, qui pertinent ad cameram librorum* (Вот книги, которые находятся в хранилище книг) и т. д. То, что каталоги имели характер описей, подтвержда-

ется следующими названиями: *Inventarius* (Опись); *Numerus librorum* (число книг), *Descriptio librorum* (Описание книг) и также Тезаурус (т. е. Казна) в случае, если книги хранились вместе с ценностями монастыря или церкви. Для неполных перечней применялись такие слова, как *Breviarium* (Краткий обзор), *Brevis* (Краткий) и *Breviculus librorum* (Коротенький [список] книг). В поздние средние века для обозначения каталогов стали использовать слова *Registrum* и *Index*. Слово «каталог» появилось только около 1500 г. (163, с. 149).

Первоначально библиотеки не испытывали потребности в каталогах из-за своих небольших размеров (279, с. 3). Один из самых ранних каталогов относится к VIII в. Это перечень книг на последнем листе трактата Августина, без какой-либо классификации или упорядочения. По всей вероятности, это была полочная опись без каких-либо сведений о расположении книг. Обычная форма для так называемых каталогов в течение нескольких последующих столетий (291, с. 258). По различным источникам до нашего времени дошли 25 каталогов IX в., 15—17 — X в., 30—36 — XI в., 62—136 — XII в. и 18 — XIII в. Как отмечает Дж.В. Томпсон, эта статистика свидетельствует о так называемом «Возрождении XII в.» с его увеличением количества библиотек (296, с. 614). В основном это были библиотеки монастырей, соборов, церквей и духовных лиц (146, с. 17—20). Позже количество каталогов, как и библиотек, значительно увеличилось. Коллекция в Мюнхене насчитывает не менее 600 средневековых германских каталогов (296, с. 453). В XV в. количество каталогов монастырских библиотек уменьшилось, а соборных и университетских увеличилось (258, с. 217).

Первый известный каталог папской библиотеки относится к 1295 г. Он был составлен при Бонифации VIII. Во время пребывания пап в Авиньоне было составлено несколько каталогов. Подлинным основателем библиотеки в Авиньоне был Иоанн XXII (1316—1334). Каталог был подготовлен при его преемнике Бенедикте XII в 1334 г. При Урбане V (1362—1370) возникло три каталога. Последний из

них 1369 г. включал 2102 записи и имел форму описи. Еще один каталог возник в 1379—1380 гг. при Клименте VII (1378—1394) (296, с. 449).

Для библиотеки Сорбонны за период 1289—1338 гг. было составлено четыре каталога. Четвертый 1338 г. включал 1722 записи, разделенные на 59 тематических групп. В них приводились первые слова второго и предпоследнего листов текста, стоимость книги и имя того, кто ее подарил библиотеке (296, с. 257, 439). Ф. Милькау считает эти каталоги вершиной средневековой каталогизационной техники (204, с. 430).

В XV в. в Кэмбридже было составлено пять каталогов: два — общеуниверситетской библиотеки и три — колледжей. Общеуниверситетские каталоги относятся к 1424 г. и 1473 г. Каталог 1424 г. включает 223 записи с расположением по следующей системе: Библии, Богословие, Моральная философия, Естественная философия, Медицина, Логика, Поэзия, Софистика, Грамматика, Хроники, Церковное право. В каталоге 1473 г. количество книг увеличилось до 329, но систематическое расположение записей уже не применялось. Записи располагались в порядке нахождения книг на полках. Грубая систематика сохраняется, но она не является достаточно четкой. Изменен порядок: Библии и богословие помещены в конце, а грамматика и медицина — в начале (258, с. 77, 91—93, 106—110).

В Венском университете первые известия о каталоге артистического факультета относятся к 1415 г. С 1443 г. эта библиотека выполняла функции общеуниверситетской (163, с. 117). В Пражском университете, который был основан в 1348 г., возникали каталоги библиотек колледжей и землячеств. В каталоге Богемского землячества было систематическое расположение записей. Систематические деления обозначались буквами. Буквы А—Q относятся к богословию, R — к праву и S — к медицине, интерес представляет то, что под буквой P была собрана литература по Яну Гусу и движению гуситов. Ян Гус считался еретиком. В другом каталоге Пражского университета под буквой M были представлены

труды Виклифа, еще одного еретика. В этом же каталоге система включала произведения латинских классиков Овидия, Вергилия и Горация наряду с литературой по философии, филологии, риторике, арифметике, геометрии и медицине, т. е. отражала фонд, необходимый для изучения семи свободных искусств артистического факультета (278, с. 57).

Составлялись также каталоги частных библиотек. Гуццо де Новара, который в 965 г. был призван ко двору Оттона I, имел в библиотеке только 100 томов, в основном по гражданскому праву и богословию. Ее каталоги были составлены в 1175 г. и в 1212 г. В первом — 60 записей, во втором — 73 (296, с. 143—144).

Большой интерес представляет каталог, который составил для своей библиотеки врач из Нюрнберга Хартманн Шедель (ум. в 1514 г.). Он изучал медицину в Падуе и был один из первых немцев, выучивших греческий язык в Италии. Его библиотека состояла из 632 томов с перевесом артистической (7 свободных искусств), гуманистической и классической литературы. Схема расположения в каталоге отличается от традиционной средневековой тем, что Библии и отцы церкви, которые обычно открывали схему, оказались в конце. Схема открывается артистическими отделами (грамматика, логика, риторика, естественная философия, этика). Затем следуют «гуманистические книги» (Цицерон, писатели и ораторы, греческие, древние латинские и новые историки, космография и география), медицина, право, богословие и группа книг без систематизации, в том числе 28 книг на немецком языке (163, с. 133).

В Англии возник каталог библиотеки магистра Оксфордского университета Томаса Аллена (1540—1632). Аллен поступил в университет в возрасте 20 лет и после этого в течение всей своей долгой жизни не выезжал из Оксфорда. Его библиотека после смерти магистра в основном оказалась в Бодлеянской библиотеке. Каталог был составлен в 1622 г. В основном он включал научную литературу (125 томов), но также медицину (15), богословие (40), патристику (3), литургию (3), жития святых (15), историю и хроники (15), кар-

тулярии (5), право (3), английскую, французскую и латинскую литературу (249, с. 279, 282, 293).

Как было отмечено ранее, первоначально трудно было отличить каталоги от описей библиотек, т. е. они были не поисковыми, а учетными документами. Постепенно, особенно после появления университетов, возник интерес к авторам и их произведениям. Поэтому первичным становится поиск конкретного произведения, что стало заметным в XII—XIII вв. (279, с. 7—8). В собрании нужно было найти не просто том, а тот из них, где, возможно, наряду со многими другими находилось какое-то конкретное произведение. Для этого нужна была не опись, а ключ к содержанию библиотеки. Вот почему на первый план стал выходить алфавитный каталог авторов (279, с. 8; 288, с. 228). Появляются каталоги, которые позволяют найти нужную книгу без помощи библиотекаря и его памяти (163, с. 145).

Диверсификация каталогов проявилась в возникновении топографических, алфавитных и предметных каталогов. Особый интерес представляют сводные каталоги (163, с. 146—147; 170, с. 49—50). Постепенно возникло то их сочетание, которое было повсеместно распространено в полиграфическую эру: топографический, авторский и предметный каталоги. Вариантом был топографический каталог с авторским и предметным вспомогательными указателями. Еще одним вариантом было дополнение топографического каталога своего рода словарным (перекрестным) вспомогательным каталогом авторов, заглавий, анонимов и предметных ключевых слов (163, с. 147—148; 296, с. 619—620).

Собирание сводной информации о библиотеках приобрело две формы: сводные собрания каталогов различных библиотек и сводные каталоги. Сводные собрания каталогов возникли уже в XIII в. Между различными монастырями существовал обмен каталогами своих библиотек. Их переписывали. В целом комплектование было нацелено на их приобретение. Примеры этому весьма многочисленны. Еще

до 1250 г. монахи монастыря Арнульфа в Меце собирали сведения о книгах, имевшихся в других монастырях города. У монастыря Савиньи в 1210 г. было собрание каталогов монастырских библиотек Нормандии (135, с. 336, примеч. 21; 201, с. 328—329). В 1347 г. аббат Альберт из бенедиктинского монастыря Сент-Эммерам собрал каталоги доминиканских, францисканских, августинских и бенедиктинских монастырей Регенсбурга и близлежащих мест в единую коллекцию (204, с. 275).

В XIV в. от собирания коллекций каталогов других библиотек перешли к созданию сводных каталогов. Первый крупный сводный каталог возник в Англии. Там в середине XIV в. францисканцы составили «Перечень книг Англии» («*Registrum librorum Angliae*»), который в виде алфавитного каталога авторов представил сведения о собраниях 186 не-францисканских монастырских библиотек страны. Продолжение этого каталога составил августинец Джон Болтон в 1410 г. Каталог Болтона включает сведения о 700 авторах в 195 библиотеках Англии. Библиотеки обозначены цифрами. Аналогичные каталоги составляли в августинских и доминиканских монастырях (204, с. 276).

На Руси в XVII в. была составлена «Опись книгам, в степенных монастырях находившимся». Для этого использовались «отписные книги» (описи) различных монастырей. Сама «Опись...» построена как сумма выдержек из «отписных книг». Всего указано 2672 заглавия книг из 40 монастырей. В начале описи имеется прямое указание, что она составлена 11 января 1653 г. Для включения в опись был произведен отбор, принцип которого неизвестен. Например, фонд Иосифо-Волоколамского монастыря в 1573 г. составлял 1150 экземпляров, а в «Описи» через 80 лет имеется только 189 записей, т. е. менее чем 17% фонда (118, с. 113—117).

Особое положение занимает стихотворный каталог Алкуина, в 782 г. покинувшего Англию по приглашению Карла Великого, возглавившего школу и затем в конце жизни ставшего настоятелем монастыря в Туре. Там он составил

свой стихотворный каталог монастырской библиотеки в Йорке, что было ему поручено еще в 780 г., т. е. за два года до отъезда на континент. Помимо того, что этот каталог был стихотворный, в нем отражены книги, которых никогда не было в библиотеке Йорка. Иными словами, каталог был составлен вдали от этой библиотеки, т. е. по содержанию он не имеет никакого отношения к своей библиотеке (258, с. 8—9). Означает ли это, что это был своего рода типовой каталог для монастырской библиотеки того времени?

Доминиканцы создавали библиотеки с практической целью для использования в проповедях, бывших основой их деятельности. Поэтому в инструкции для библиотекарей, которые возникли в XII в., они включили типовой образцовый каталог для новых монастырей (278, с. 38). Интерес представляет и рекомендация читать каталоги для того, чтобы библиотекарь знал, что отсутствует в фонде и какую справку дать, если он получит запрос (279, с. 12—13).

В арабо-мусульманских странах при расстановке книг и в библиотечных каталогах применялось расположение по историко-иерархическому принципу, который был принят в средневековом обществе. Например, в каталоге Сабура, не дошедшего до нашего времени, тематические рубрики следовали в таком порядке: списки Корана, экзегеза, истолкование Корана и разные способы его чтения, фикх, молитвы, деление наследства, законоведческо-теологические школы (мазхабы), богословие, полемика и диспут, книги потомков пророка и книги о них, генеалогии, филология, пословицы, грамматика и этимология, рифмы, поэтические сборники, анекдоты, история, послания, медицина, астрономия, философия, геометрия. Отрасли знания составляли три группы: религиозно-этико-правовую, литературно-филолого-историческую и натурфилософско-прикладную. Внутри каждой группы дробление на дисциплины могло быть более или менее детализированным. Отдельные дисциплины могли меняться местами (132, с. 251).

Для облегчения поиска списки книг прикреплялись к полкам, шкафам или к дверям хранилища. Иногда каталоги

составляли несколько томов. Так, библиотека соборной мечети в Исфахане имела каталог в трех томах (132, с. 241, 250; 182, с. 130). Ибн Сина рассказывает, что в библиотеке Саманидов в Бухаре, которую он посетил в молодости, он мог по перечню книг выбрать то, что ему нужно (132, с. 244). Необходимо, однако, отметить, что каталоги, особенно в вакфных библиотеках, предназначались не для посетителей, а для библиотекарей. Эти учетные перечни были документами вакфа. Когда в собрание вливались новые книги, списки приходилось менять (197, с. 202—203). Известно много каталогов в библиотеках мечетей (286, с. 100—102).

В Китае системы каталогизации и классификации получили значительное развитие, начиная с династии Хань. В целом каталоги следовали одной из двух основных систем: системе семи отделов, впервые предложенной в каталоге Лю Синя «Семь подразделений» (Ци люэ, I в. н. э.), и системе четырех отделов, предложенной впервые в каталоге Сюнь Сюя «Новая опись» (Синь бу, III в.). Постепенно система четырех отделов вытеснила систему Лю Синя, но они сосуществовали примерно до середины VI в. Этим системам следовало расположение книг и каталоги дворцовых библиотек различных династий. Буддийские и даосские собрания имели собственные классификации для своих каталогов, начиная со второй четверти IV в. (20, ч. 2, с. 134—206; 129, с. 298—329).

ГЛАВА 9

Помещения и оборудование библиотек

Помещения и оборудование — материальная основа деятельности библиотек. Некоторые историки библиотечного дела даже считают, что книжное собрание нельзя считать библиотекой, если у него нет специального помещения (102, с. 133). Во всяком случае не подлежит сомнению, что эволюция этой стороны библиотечного дела является важным индикатором его состояния в различных цивилизациях и в различные хронологические периоды.

В своей материальной форме библиотека прошла развитие от полки и шкафа до специальной комнаты и затем здания. Б.Ф. Володин отмечает также, что эволюция зданий заключалась в движении от здания, приспособленного для библиотеки, к зданию, специально создаваемому для библиотеки (72, с. 9).

В древнем Египте храмовая библиотека в Эдфу расположена вблизи помещений, где осуществлялись культовые церемонии, т. е. около задней части храма (160, с. 110). В Месопотамии при раскопках были обнаружены специальные комнаты со скамьями для хранения глиняных табличек. В Эбле, которая была разрушена аккадцами около 2250 г. до н. э., две небольшие комнаты находились рядом с залом для аудиенций. В одной из них сохранилось около тысячи, а в другой 15 тыс. табличек, в основном хозяйственного содержания. Вполне вероятно, что это были остатки не столько библиотеки, сколько архива, но различие между ними в то время было не вполне ясным. Специальные помещения для хранения табличек были обнаружены и в Сиппаре и Лагаше (240, с. 28—29; 254, с. 35—36, 42—44; 312, с. 490—492).

Достижением греко-римской цивилизации было отделение читальной зоны от книгохранилища. Первично это было характерно для публичных библиотек Рима. В них были два отделения: греческое и римское. У римского отделения были отдельные читальные залы, в греческих они отсутствовали. Публичность римских библиотек проявлялась и в том, что в них были залы для чтения вслух, т. е. для публикации новых произведений в устной форме. Эта модель была экспортирована в Грецию. Иными словами, здесь в отличие от многих других сфер библиотечной и другой культуры имел место не импорт, а экспорт идей из Рима в греческий мир. Это подтверждается архитектурой здания библиотеки в Эфесе (165, с. 88; 240, с. 67—68; 304, ч. 3, с. 116, 125).

Первая публичная библиотека в Риме, которую Август воздвиг на Палатинском холме при храме Аполлона в 28 г.

до н. э., имела два пристроенных портика для греческого и латинского отделений (100, с. 220). На основании реконструкции провинциальных библиотек в Эфесе и североафриканском городе Тимгаде можно заключить, что и в библиотеках Рима, таких как Палатинская и Ульпиана (библиотека Траяна), в читальных залах в передней части над входом в библиотеку были большие окна. В небольших комнатах в глубине библиотеки окна находились в боковых стенах (298, с. 134). Римские библиотеки в отличие от греческих, которые часто находились при гимнасиях и палестрах, строились именно как библиотеки. Поэтому их залы и здания имели стандартную удлиненную форму, а в банных заведениях — полукруглую. Их чертой было также наличие в помещении узких коридоров, которые предназначались для уменьшения влажности воздуха (158, с. 93).

Поскольку библиотеки были во многих частных домах и виллах, архитектор Витрувий, рассматривая вопрос о наилучшем расположении частей дома, считает библиотеку одной из обычных комнат: «Спальни и библиотеки должны выходить на восток, потому что их назначение требует утреннего света, а также для того, чтобы не портились книги. Ибо в библиотеках, выходящих на юг и на запад, в книгах заводятся черви и сырость, так как их порождают и питают доносящиеся сюда сырые ветры и, наполняя свитки влажным дуновением, покрывают их плесенью» (100, с. 220).

Ранние христианские библиотеки были небольшие по размеру, и для их размещения не требовалось специальное помещение. Достаточно было одного шкафа или сундука, нередко в потаенном, укрытом месте (81, с. 141; 304, ч. 4, с. 162). В средневековой Европе отделение библиотеки от скриптория и эволюция в размещении библиотеки от шкафа для богослужебных книг до отдельной комнаты, нескольких комнат, здания и даже нескольких зданий было постепенным процессом.

Важная особенность церковных и монастырских библиотек заключалась в том, что они помещались в каменных

зданиях. Это была гарантия для сохранности книг, как и архивных документов (131, с. 13).

Немецкие монастырские библиотеки готического периода размещались поблизости от хора над ризницей или в капелле рядом с хором. При этом нередко библиотека помещалась между хором и помещениями с кельями монахов. Часто она находилась в церкви. Это отражало отношение к книгам как к ценному имуществу, которое хранилось в казне (236, с. 3, 9, 23—24). Главное, что это было достаточно надежное место.

В VIII—XIII вв. шкафы для книг стали также размещать в различных помещениях монастыря в зависимости от их практического назначения: в трапезной, школе, больнице (236, с. 2—3, 8, 21). Помещения, где находились библиотеки, были плохо освещены, что было хорошо для хранения, но не для использования. Со второй половины XV в., когда в библиотеках появляются посторонние посетители, возникают трудности, особенно если книгохранилище находилось поблизости от монашеских келий. Излишний шум стал нарушать их покой (236, с. 9).

В XIV в. для монастырских библиотек начали выделять отдельные комнаты, как, например, в аббатстве Сент-Альбанс в Англии (249, с. 258). Они появились также в соборах, например, в соборной библиотеке в Зальцбурге (299, с. 8—9). От монастырей обычай размещать библиотеки в отдельных помещениях перешел к университетам (236, с. 17—18).

Читатели размещались в том же помещении, что и книги. Нередко монахи могли уносить книги в свои кельи, и особого помещения не требовалось. В Италии обычай читать книги прямо в книгохранилище возник достаточно давно. В 410 г. Паулин, епископ Нолы, устроил библиотеку в здании базилики, посвященной св. Феликсу. Над входом в библиотеку была надпись: «Тот, чьи мысли посвящены Божьим законам, может сидеть здесь и размышлять над священными книгами». Обычай размещать одновременно книгохранилище, иногда в виде одного шкафа с книгами, в небольшой капелле в церкви вместе с читаль-

ным залом сохранился в Италии в последующих веках (293, с. 422).

В некоторых монастырях в помещении, где находилась библиотека, для удобства престарелых монахов устраивали так называемые каррелы. Каррелы представляли собой ниши, по форме напоминающие будки для часовых. Одну сторону ниши занимало окно. Это было единственное освещение каррела. С другой стороны комнаты напротив каррела находилась небольшая дверь в книгохранилище. Дверь позволяла также наблюдать за читателем. В карреле имелись стол и сидение, расположенные так, чтобы свет падал на читателя слева (295, с. 183).

Позднее для пультowych библиотек стали строить специальные комнаты. Их особенностью было наличие окон на небольшом расстоянии друг от друга по обеим сторонам помещения. Между окнами размещались пулты со скамьями для сидения между ними (295, с. 184—185). В библиотеке Сорбонны пультовая комната имела размер 40 на 12 шагов (футов), т. е. примерно $12,5 \times 3,5$ м, и 19 окон по боковым стенам. Между окнами стояло 28 пультов с прикованными книгами. Это была «Большая библиотека» для чтения на месте. «Малая библиотека» для выдачи находилась в соседней комнате в шкафах (236, с. 8).

В XV—XVI вв. для библиотек стали строить специальные здания. Артистический факультет Венского университета разместил свою библиотеку в пристройке рядом с актовым залом в 1443 г. (163, с. 117). В 1473 г. эта библиотека была объединена с библиотекой медицинского факультета в общей постройке (278, с. 57). В Сорбонне в 1481 г. было построено специальное здание для печатных изданий, которое существовало еще в XVII в. (204, с. 431). В 1524—1559 гг. Микеланджело построил во Флоренции Лауренциану — библиотеку для рукописного собрания Медичи (273, с. 101—102)¹.

¹ См. также *Hibbard H. Michelangelo / Howard Hibbard.* — Penguin Books, 1978. — P. 212—219.

В арабо-мусульманском мире в X—XI вв. было учреждено несколько библиотек, названных «домом знания» (*дар ал-‘илм*). В них работали ученые и велось преподавание. Эти библиотеки существовали как самостоятельные учреждения и помещались в отдельных зданиях (132, с. 185). Аббасиды в Багдаде построили библиотеку для университета Мустансирия. Считается, что это произошло в 1234 г. (245, с. 297—299). Для «Дома знаний» Фатимидов, открытого в Каире в 1005 г., было построено специальное здание, богато отделанное и обставленное. Библиотека была открыта для всех желающих (132, с. 218). В здании было 40 комнат (203, с. 457).

Халифская библиотека андалусских Омейядов (756—1031) помещалась в отдельном здании. Согласно известию, которое восходит к заведовавшему библиотекой Талиду, в ней насчитывалось около 400 тыс. томов. Когда библиотека разрослась и здание стало для нее тесным, ее перевели в другое; на перемещение книг потребовалось шесть месяцев (132, с. 229).

В X в. в отдельных зданиях находились дворцовая библиотека бухарских эмиров, которой пользовался Ибн Сина, и библиотека во дворце буидского правителя Адуд ад-Даула в Ширазе, которую описал арабский географ Макдиси. Обе библиотеки располагались во многих помещениях. Библиотека в Ширазе занимала большой вестибюль и длинный свободный зал с боковыми комнатами (86, с. 14—15).

В 1428—1429 гг. по указанию Улугбека при его знаменитой астрономической обсерватории под Самаркандом для библиотеки было построено трехэтажное здание. Внутри стены были расписаны фресками, отражающими строение космоса. В здании были освещенные и просторные залы (86, с. 31).

Здания возводились не только для библиотек правителей. В городах Средней Азии здания библиотек числились среди других строений гражданского зодчества. Особенно славилась библиотека Мерва и Ургенча. Они включали высокие читальные залы. Одна из таких библиотек изображена на миниатюре, которая хранится в собрании Института востоковедения России (86, с. 18).

В исламском мире придавали большое значение архитектуре библиотечных зданий. В Каире и Кордове в них были предусмотрены помещения различного назначения: галереи, где находились полки с книгами, и комнаты, где пользователи могли читать и заниматься; комнаты для копирования рукописей; комнаты для литературных собраний и даже в некоторых случаях комнаты для музыкальных развлечений. Многие публичные библиотеки имели также комнаты для собраний и небольшие комнаты для дискуссий и дебатов. Окна и двери были прикрыты коврами, чтобы в помещении не было сквозняков. На полах лежали ковры и маты, поскольку посетители сидели на скрещенных ногах, как это принято на Востоке (182, с. 124—125).

В османской Турции типичная комната для читателей обычно была достаточно большой по размеру. Полы были покрыты матами и коврами. Читатели обычно сидели вдоль стен, где для удобства им предоставляли подушки и столики для рукописей (187, с. 3).

Библиотеки мечетей размещались или в самих мечетях или в помещениях и зданиях на их территориях. Не существовало какого-либо точно определенного места для них. Изредка библиотеки мечетей находились вне их ограды. Внутри мечети библиотека часто размещалась поблизости от минбара и михраба, где хатиб читал пятничную молитву и имам руководил молитвами¹. Иногда шкафы с книгами размещались справа и слева от михраба. Считалось, что расположение библиотеки поблизости от места молитвы делало ее более доступной.

В некоторых мечетях библиотеки находились на центральном дворе (сахне). Такое расположение на открытом пространстве имело два преимущества. Во-первых, их мог видеть каждый входящий в мечеть. Во-вторых, большая ве-

¹ Минбар — возвышение с ведущими к нему ступенями, нечто вроде кафедры, с которой читаются проповеди в мечети; михраб — ниша в стене мечети, указывающая направление на Каабу. К ней обращаются лицом молящиеся мусульмане, перед ней стоит имам, руководящий коллективной молитвой, около нее ставится минбар.

роятность сохранения библиотек при пожарах, которые время от времени случались в строениях, окружающих двор. С другой стороны, размещение библиотек во дворе подвергало их опасности гибели от наводнений.

Часто встречалось размещение библиотеки в восточной части или в восточном крыле мечети. Поэтому эти библиотеки иногда носили название Шаркия (Восточная). Нередко их размещали поблизости от главного входа или на верхних этажах над ним. Причина та же: легкая доступность для посетителей (286, с. 84—87).

Частные библиотеки располагались в доме в любом удобном месте, но иногда для них выделяли отдельную комнату. Так, у филолога из Басры Абу 'Амра б. ал-'Ала', жившего в 687—771 гг., целая комната была наполнена книгами до потолка (132, с. 182). Порой для частной библиотеки строилось специальное здание. Так, кордовский правовед и традиционалист Абу-л-Мутарриф 'Абдаррахман б. Мухаммад б. 'Иса б. Футайс (ум. в 1012 г.) построил для своего собрания ценных книг по различным отраслям знания специальное здание с богатой отделкой и убранством (132, с. 230).

В Индии в университете Наланда библиотека занимала большую территорию и состояла из трех огромных зданий. Первое из них, девятиэтажное, было отведено собранию редких и священных книг. В Наланде в читальном зале стояли ряды столов для чтения, а по стенам размещались полки с книгами. Такая модель библиотеки была принята во многих странах Азии с буддийской культурой, особенно в Индокитае, Таиланде, Бирме и Тибете (10, кн. 2, с. 60—61; 141, с. 242).

В Китае при династии Хань императорская библиотека помещалась в павильоне Тяньлугэ в Чанъани (ныне Сиань). После переезда столицы в Лоян библиотеку поместили в двух дворцах. Правители государства Вэй хранили собранные книги в императорском библиотечном ведомстве в специальном павильоне. При династии Лян в Цзянькане под хранилище книг также было отведено специальное дворцовое строение. Буддийские книги хранились в особом строении в императорском парке (20, кн. 2, с. 135—136, 138).

При династии Сун в конце 977 г. вблизи императорского дворца было построено особое здание для книгохранилища «Трех палат» (или коллегий). Оно состояло из трех флигелей, в которых помещались книги каждой из трех коллегий. В 999 г. император Чжэнь-цзун учредил хранилище Лун ту гэ для хранения произведений, написанных или переписанных императором Тай-цзуном. В этом хранилище имелся отдельный зал (гэ) для хранения конфуцианских классических произведений, исторических, «писателей-философов», изящной литературы, астрономических и карт с рисунками. Особый зал был предназначен для хранения драгоценных и редких музейных вещей. Кроме того, было построено здание еще для одного дворцового книгохранилища, где также хранились произведения и автографы сунского Тай-цзуна, а кроме того, эстампажи и сочинения из всех четырех отделов китайской литературы, копии которых были приготовлены в 999 г. (129, с. 255—257).

Большой интерес представляет библиотечный комплекс в столице династии Южной Сун в Ханчжоу (1127—1279). Этот комплекс занимал большую территорию со множеством зданий и парками для отдыха сотрудников. Кроме зданий, в которых размещался фонд библиотеки в виде традиционных четырех отделений и в которых находились сотрудники библиотеки и технический персонал, комплекс включал церемониальные здания для приема императора и его свиты, здание императорского архива и здания учреждений, ответственных за подготовку государственных документов и написание истории империи (316, с. 15—18).

В сунский период специальные здания строили и для частных библиотек. Писатель Е Мэн-дэ (ум. в 1148 г.) построил здание для своей библиотеки, которая состояла из 100 тыс. цз. Здание находилось у горы Бэньшань в уезде Усин (провинция Чжэцзян). В 1147 г. здание сгорело вместе с книгами. Специальные здания были построены для библиотек Вэй Ляо-вэна (1178—1237) и для Сыма Гуана в его парке «Сад уединенной радости» (129, с. 285—286).

В Японии VIII—IX в. при храмах для сохранения буддийской и китайской классической литературы строили специальные хранилища, которые должны были обеспечить безопасность и сохранность рукописей. Они назывались «киодзо». Некоторые из них сохранились до настоящего времени. В результате многие храмы стали значительными книгохранилищами (311, с. 13).

На Руси библиотеки, как ценное имущество, хранились вместе с казной в тех помещениях, где в церкви или монастыре находилась казна. Когда библиотека хранилась отдельно, помещение старались разместить так, чтобы доступ к нему был затруднен, часто в подвале или даже под сводом церкви, с подъемом по лестницам, с проходами в стенах и т. п. Так, Ферапонтов монастырь хранил библиотеку в церкви. В ней был устроен внутри стены глухой ход в церковную главу. Там, среди лабиринта комнат, ходов и пандусов находилось продолговатое помещение библиотеки с полками на стенах.

Весьма распространено было хранение вне церкви, на колокольне, на разной высоте. Известны факты, когда библиотеки помещали в башни ограды. Случаев возведения отдельного здания для монастырских библиотек до XVIII в. не обнаружено. Вопрос о наличии библиотечного здания в Соловецком монастыре является спорным. По свидетельству местного летописца, в нем в 1602 г. на паперти соборной церкви была построена «книгохранительная книжная палата». Однако слово «построена», вероятно, следует понимать как «устроена» (организована). Личная библиотека царя Ивана Грозного, как полагал Н.П. Лихачёв, помещалась в верхнем этаже «постельных хором» дворца (80, с. 12; 119, с. 8—13).

Оборудование

В древнем Египте папирусы в библиотеках хранились либо в ящиках, либо в глиняных сосудах, или даже в специальных трубообразных футлярах. В Телль-эль-Амарне были

найлены алебастровые таблички, служившие, по-видимому, крышками для продолговатых прямоугольных ящиков. В этих ящиках папирусы хранились в футлярах: на внутренней стороне одной из этих крышек сохранился круглый отпечаток папирусного футляра, в течение долгого времени соприкасавшегося с крышкой (87, с. 50—51).

Глиняные ящики и сосуды для табличек в Месопотамии помещали в нишах в стене или на банкетках вдоль стен. Если места вдоль стен не хватало, банкетки ставили посреди комнаты (56, с. 225, рис. 5; 204, с. 50).

В Пергамской библиотеке и особенно в публичных библиотеках Рима свитки помещали на полках в деревянных шкафах, которые стояли в каменных нишах на цоколях до потолка. Шкафы закрывались дверцами на шарнирах. Это позволяло защитить хрупкие папирусные свитки от жары, света и влажности. Такая мебель применялась уже в первых публичных библиотеках при Августе (139, с. 7—8; 304, ч. 3, с. 116). В средние века мебель была важной частью библиотечного имущества. В «Своде гражданского права» Юстиниана в Дигестах рассматривался вопрос о том, что включается в понятие «библиотека» в завещании: мебель или также книги, которые находятся в этой мебели (163, с. 136).

В библиотеках церквей и монастырей книги хранили в шкафах, на полках, в ларях и сундуках, иногда в сумках и корзинах. Шкафы и сундуки обычно запирались. Если книги в шкафу были прикованы, то для их чтения использовали откидывающиеся доски. В пультовых библиотеках читали книги на пультах. Книги для выдачи из библиотеки в университетах, как, например, в Сорбонне, хранились в шкафах. Для чтения в каррелах стояли столы и стулья.

В Греции и Риме возникла традиция украшения библиотек, которая по сути дела сохранилась до настоящего времени. Роскошное оформление особенно публичных библиотек фресковой живописью, бюстами и статуями великих писателей имело целью создать ощущение пребывания в сакральном пространстве, помогало отрешиться от профан-

ного уже в процессе чтения произведений прошлого. В определенной степени это привело к объединению в рамках одного института библиотеки и музея (321, с. 178).

Расположение статуй и бюстов авторов рядом со шкафами с их произведениями имело целью не только украшение библиотеки, но и облегчение поиска. Наличие на шкафу или над полкой бюста или портрета выдающегося писателя, главы школы или литературного направления облегчало нахождение произведений других авторов, писавших на родственные темы или в том же литературном жанре (135, с. 16).

В Европе обычай украшать библиотеки бюстами и портретами прославленных авторов сохранился в средние века. В VII в. этот способ украшения библиотеки применял Исидор Севильский (135, с. 324, примеч. 18). Знаменитый итальянский библиофил урбанский герцог Федерико да Монтефельтро заказал для украшения рабочего кабинета — *studiolo* — портреты 28 знаменитых мужей: мыслителей, поэтов, богословов и философов как прошлых веков, так и своего времени. Важно то, что большинство изображенных на портретах было представлено в библиотеке их сочинениями. Программа библиотеки перекликалась с программой портретной галереи. Объединение древнееврейских писателей (именно в этом качестве были включены изображения Моисея и Соломона), античных мудрецов, отцов церкви, схоластов, средневековых юристов, врачей, гуманистов и церковных деятелей XV в. декларирует всеобщее согласие (84, с. 153—158).

В мусульманских странах библиотеки, если они были небольшого размера, хранили в деревянных сундуках или в нишах в стене. По мере увеличения количества книг в библиотеках стали использовать шкафы. Обычно полки на стенах не помещали слишком высоко, чтобы избежать использования лестниц. Иногда, однако, их ставили вплоть до потолка. Полки и шкафы изготавливали из дерева. Степень их украшения зависела от возможностей библиотеки. Иногда шкафы были открыты, но чаще закрыты (286, с. 102—103).

ГЛАВА 10

Персонал библиотеки.

Законы, правила, научные и методические работы

Персонал

Когда речь идет о создании и функционировании библиотек, необходимо прежде всего различать основателей библиотек и их персонал. Основатели — это те лица или учреждения, которые проявили инициативу или выделили материальные и другие ресурсы на создание библиотеки и обеспечение ее функционирования. Персонал, или библиотекари — это те, кто занимался составлением фонда библиотеки, ее функционированием и управлением. Поэтому эволюция библиотек в значительной мере определяется развитием профессиональной библиотечной деятельности, расширением круга обязанностей библиотекаря, изменениями требований к нему и его становлением как специалиста со специальной подготовкой и образованием (72, с. 8—9). Собственно библиотека может считаться состоявшимся общественным и культурным институтом, когда появляется библиотекарь, т. е. лицо, ответственное за ее составление, сохранение и функционирование.

Дж. В. Томпсон в своей истории принципов библиотечного дела рассматривает пять принципов, которые имеют отношение к библиотекарю:

Принцип 9. Библиотекарь должен быть образованным человеком.

Принцип 10. Библиотекарь — это педагог, человек, который способствует образованию.

Принцип 11. Роль библиотекаря может быть важной, если она является частью существующей общественной и политической системы.

Принцип 12. Библиотекарь должен получать профессиональную подготовку.

Принцип 13. Долг библиотекаря — пополнять фонд своей библиотеки (295, с. 215—222).

Как отмечает Ф. Милькау, в древнем Египте все попытки ученых найти библиотекарей, оказались безуспешными (204, с. 6). Единственное исключение — это «правители дома писаний» IV династии Шепсескаф и его сын Эмери. Однако в достаточной мере очевидно, что эти лица не библиотекари, а главы канцелярии фараона (135, с. 10; 254, с. 10—12; 304, ч. 1, с. 11).

При дворе ассирийского царя Ашшурбанапала ящик с табличками и также вся библиотека носили название *girginakku*, а ответственный за библиотеку занимал особую должность *rab girginakku*. Название известно из источников (254, с. 34), это всё, что знаем о библиотекарях древней Месопотамии, за исключением того очевидного факта, что библиотекарь безусловно должен был получить образование писца со знанием шумерского и аккадского языков и разбираться в литературных текстах, которые входили в состав фонда (295, с. 103).

О персонале Александрийской библиотеки известно значительно больше. Первым организатором библиотеки, несомненно, был Деметрий Фалерский, приглашенный для этого Птолемеем I Сотером. Однако первым хранителем считается Зенодот Эфесский. А.И. Чёрный в своей статье об Александрийском Мусее и библиотеке приводит список хранителей, который считается наиболее авторитетным:

Зенодот Эфесский (281—247 гг. до н. э.), филолог и критик, комментатор Гомера;

Аполлоний Родосский (240—230 гг. до н. э.), эпический поэт и филолог;

Эратосфен из Кирены (230—194 гг. до н. э.), математик, астроном, географ и филолог;

Аристофан Византийский (194—180 гг. до н. э.), филолог и критик;

Аристарх Самофракийский (180—171 гг. до н. э.).

В список включали и других лиц, в том числе Каллимаха, составителя «Таблиц», но сейчас принято считать, что хранителем библиотеки он не был (134, с. 10).

Сохранились некоторые названия титулов, которые имели хранители: «простат библиотеки» — ее предстоятель

(титул Аполлония Родосского); «хранитель библиотеки» — *custos bibliothecae* (должность Эратосфена) (321, с. 257).

С.Л. Джексон обращает внимание на тот факт, что после середины II в. до н. э. имена хранителей уже не известны. Как он отмечает, это свидетельствует о том, что к этому времени век библиотеки закончился (220, с. 10).

Очевидным при рассмотрении списка хранителей является также факт, что это были филологи. Даже Эратосфен, в основном специалист по естественным наукам, имеет филологию в числе своих специальностей. Это, несомненно, — следствие того, что главная работа и Мусея и его библиотеки заключались в установлении надежных, стандартных текстов классической литературы для их последующей переписки. Другой особенностью хранителей библиотеки было то, что они, как правило, исполняли обязанности воспитателей наследников престола. Таким образом функции хранителя были научные и образовательные.

Сотрудниками и пользователями библиотеки были и другие ученые Мусея. Среди них особое место занимает Каллимах. Его «Таблицы» («*Pinakes*») будут подробно рассмотрены в следующем выпуске «Эволюции», который будет посвящен развитию библиографии рукописного периода¹.

В такой большой библиотеке, как Александрийская, техническая работа требовала значительного штата. В основном ее осуществляли рабы. В их обязанности входили процедуры, ставшие обычными для последующих поколений библиотекарей: учет новых поступлений, расположение рукописей в фонде, их выдача и возвращение на место, снятие копий, сохранение от насекомых и других вредных влияний и т. д.

В Риме организаторами первых библиотек назначались ученые. Об этом свидетельствует Светоний. Цезарь поручил создание публичной библиотеки Варрону, который был автором не дошедшей до нас работы «О библиотеках». Август поручил организацию Палатинской библиотеки поэту и

¹ Описание «Таблиц» Каллимаха дано в монографии «Библиографические памятники Византии» (115, с. 18—20).

грамматику Помпею Мацеру. Затем ее руководителем стал Гай Юлий Хигин — грамматик, вольноотпущенник Августа. Приведение в порядок второй публичной библиотеки в портике Октавии было поручено также грамматiku, вольноотпущеннику Мецената Гаю Мелиссе (144, с. 46)¹.

При Тиберии и далее количество публичных библиотек увеличивалось. В результате возникло своего рода библиотечное ведомство, во главе которого был поставлен специальный чиновник «прокуратор библиотек» (*procurator bibliothecarum* или *a bibliothecis*). По воле обстоятельств эту должность как часть своей карьеры занимал Светоний, и его свидетельства о носителях титула «прокуратор библиотек» являются достаточно надежными. Этот эпизод в карьере самого Светония, а также факты о других прокураторах, дошли до нашего времени в виде различных надписей. Поэтому стало возможным составить список прокураторов библиотек в первые три века новой эры.

Назначались они лично императором для выполнения различных административных обязанностей как в Риме, так и на территории всей империи. В Риме прокураторы возглавляли ведомства управления различными гражданскими службами, такими как бани, библиотеки и т. д. В первом веке прокураторами библиотек в основном были вольноотпущенники императора, начиная с директора Палатинской библиотеки Хигина. Со времени Флавиев в 69 г. н. э. на эту должность стали назначать лиц из сословия всадников. Оклад прокураторов библиотек составлял 200 тыс. сестерциев. В той же категории по окладам находились губернаторы небольших провинций, например Британии, Испании и др. Несомненно, что прокураторами библиотек назначались лица с литературными или образовательными интересами. И они были заинтересованы в дальнейшем продвижении, должность прокуратора не была венцом их карьеры. Ины-

¹ См. трактат Светония «О грамматиках и риториках», 20—21 // Светоний. Жизнь двенадцати цезарей / Гай Светоний Транквил. — М.: Наука, 1964. — С. 228.

ми словами, прокураторы библиотек не были профессиональными библиотекарями, что отрицательно влияло на всё ведомство.

Должность прокуратора библиотек документирована начиная с Т. Клавдия Сцирта, вольноотпущенника Клавдия. После Клавдия должность многократно документирована. Как было указано ранее, одним из прокураторов библиотек был Светоний. Около 125 г. при Адриане должность стала называться «прокуратор греческих и латинских библиотек», т. е. официально признавалось существующее со времен Августа деление публичных библиотек на две части по языковому и культурному признаку. В III в., возможно, возникли две должности прокураторов: один отвечал за публичные библиотеки, другой — за частные библиотеки императора в его виллах вне Рима и даже вне Италии. После 240 г. руководство библиотеками, вероятно, было подчинено префекту Рима наравне с другими общественными службами. В 300 г. префекту Рима подчинялись храмы, публичные здания и бани, в которых размещались библиотеки, но более определенные сведения об управлении библиотеками в IV в. отсутствуют (157).

Нет также надежных сведений о библиотекарях в императорских библиотеках Восточной Римской империи. Одно время считалось, что обязанности библиотекаря в библиотеке императора были прекрасно представлены в письме епископа Александрии Феона (282—300) Лукиану, камергеру Диоклетиана. Однако в настоящее время доказано, что это письмо является подделкой XVII в. (293, с. 429, примеч. 25; 304, ч. 5, с. 196—197).

Раннее христианство представлено в этой сфере правилами Пахомия Великого, в которых определено, что за библиотеку отвечал *Secundus*, т. е. Второй. Имеется в виду второе по иерархии лицо в монастыре после настоятеля (304, ч. 4, с. 163). В монастырях средневековой Европы библиотекари обозначались словами *armarius* (армарий, шкафник), *librarius* и реже *custos librorum* (хранитель книг) и *bibliothecarius* (163, с. 138; 295, с. 22; 36, с. 130).

Должности библиотекаря (армария) и архивиста разделились довольно рано. Так, в 781 г. Феофилакт был назначен отделенным библиотекарем папского собрания в Лютеранском дворце. В монастыре Боббио при настоятеле Вала (833—835) существовали как армарий, так и архивист. С другой стороны, должность библиотекаря часто соединялась с должностью регента хора (кантора), поскольку выполнение его обязанностей было связано с использованием книг. Соединение или разделение этих должностей зависело от настоятеля. Правила некоторых монашеских орденов рассматривают этот вопрос. Доминиканцы, например, установили три отдельные должности: регент хора, библиотекарь и скриптор. При совмещении должностей регента хора и библиотекаря лицо, которое занимало эту должность, считалось вторым в монастырской иерархии после настоятеля, т. е. продолжалась древняя традиция, установившаяся в правилах Пахомия Великого. У библиотекаря обычно был помощник.

Впервые четко и ясно обязанности библиотекаря в монастыре были определены в правилах первого настоятеля августинского монастыря Сен-Виктор в Париже Гильдуина (1113—1155). В дальнейшем этим правилам следовали другие монастыри не только августинцев, но и других орденов. Правилам Сен-Виктора следовали также доминиканцы. В правилах, автором которых является пятый генерал ордена Умбертус де Романис, в отдельный пункт выделена должность библиотекаря. Важно также, что эта должность отделена от регента хора. Регент сохранял собственный шкаф с богослужебной литературой (204, с. 256—262).

Библиотекарь как должность появляется в королевских библиотеках Европы. Первый библиотекарь Лувра был назначен в 1365 г. Им стал Жиль Мале, который сохранял свою должность до смерти в 1411 г. Он был подлинным библиофилом и доверенным лицом короля. В 1379 г. Карл V назначил его своим душеприказчиком. Жиль Мале составил опись библиотеки в 1373 г. Последующие библиотекари, имена которых были известны, продолжили эту традицию (296, с. 420—421). Большую заботу о королевской библиотеке проявил Франциск I, назначивший руководителем биб-

лиотеки (*mâitre de librairie*) известного ученого — гуманиста Жильома Буде (183, с. 549). В 1575 г. при дворе австрийского императора была утверждена должность придворного библиотекаря — руководителя специальной придворной службы, которая впоследствии стала Австрийской национальной библиотекой (299, с. XII).

В университетских библиотеках ответственный за библиотеку должен был иметь университетское образование и степень, читать лекции (273, с. 98). В Сорбонне библиотекаря избирали коллеги сроком на год. У него были помощники — младшие библиотекари — *parvi bibliothecarii* (204, с. 431; 296, с. 439).

В Оксфорде заведующим университетской библиотекой избирался капеллан, который имел сан священника. Он был обязан клятвенно сдать ключи библиотеки канцлеру университета в определенный день. Если он был достоин доверия, то срок продлевался. Если хотел уйти в отставку, должен был предупредить об этом за месяц. Его оклад составлял 100 шиллингов в дополнение к 6 шиллингам 8 пенсам за каждую проведенную университетскую мессу. Оклад выплачивался частями дважды в год. При избрании кандидату зачитывали правила, которые он клятвенно обещал соблюдать (296, с. 390—391).

Университетские колледжи также назначали ответственных за библиотеки. В библиотеке колледжа Мертон в Оксфорде, как и во многих других университетских библиотеках, были два отделения: для прикованных книг и для выдачи из библиотеки. Распределением книг из второго отделения ведал казначей, а позднее заместитель главы колледжа (296, с. 394). На артистическом факультете Венского университета библиотекой также первоначально ведал казначей. В дальнейшем на эту должность назначался «либrarian» (библиотекарь) — доверенный член факультета, который имел помощника (163, с. 117).

Первый библиотекарь в публичной библиотеке Венеции Марчиане был назначен в 1515 г., хотя кардинал Виссарион подарил знаменитую коллекцию городу в 1468 г. Основание

библиотеки было одобрено папой Павлом II в специальной булле от 16 сентября 1467 г. Булла оговаривала, что книги из библиотеки нельзя продавать или выдавать без залога, при этом только в пределах государства. Однако уже через два года после смерти донатора эти условия были нарушены. Назначение библиотекаря, видимо, имело целью предотвратить дальнейшие потери. Однако в 1545 г., когда библиотекарь Пьетро Бембо составил опись, оказалось, что в коллекции Виссариона отсутствуют 88 рукописей. Подсчет был не вполне точным. Тем не менее рукописи со знаками, которые дают их принадлежность коллекции Виссариона, оказались в различных библиотеках Европы (296, с. 567—568).

В Византии устав Студийского монастыря определял обязанности библиотекарей и даже предусматривал наказания за нерадивость: «Если библиотекарь должным образом не заботится о книгах, не ставит их на место, то его следует посадить на сухую пищу» (200, с. 122—123). Один из славянских просветителей Кирилл до того, как был направлен вместе с братом Мефодием в Моравию, был в свое время назначен патриаршим библиотекарем и одновременно преподавал философию в высшем учебном заведении (71, с. 49).

В коптских монастырях библиотекарями часто бывали экономы. Это объяснялось не только тем, что книги считались ценным имуществом, но и тем, что они хранились вместе с деловыми и имущественными документами. Из записей в колофонах нескольких книг известно имя эконома и хранителя библиотеки Белого монастыря диакона Василия, который жил во второй половине XII в. Имена двух библиотекарей известны из каталогов. Библиотекаря Белого монастыря, записавшего на стенах монастыря названия книг, звали Клавдием, сыном Палеу. Библиотекарем, который составил список книг монастыря св. Илии на Скале, был Калапесий (20, ч. 1, с. 88—89).

В эфиопских монастырях книги хранились вместе с другими предметами, необходимыми для богослужения, в одном помещении и под ответственностью одного лица. Такое помещение называлось «эка бет» («дом вещей») и по

назначению соответствовало православной ризнице. Хранитель этой ризницы при церкви именовался «кеса гебез» («священник-распорядитель»), а при монастыре — «мегаби», т. е. эконоом, управляющий (102, с. 133—134).

На Руси устав студийских монастырей был введен с XI в. с правилами, которые, как было показано выше, определяли обязанности библиотекаря. До нас дошел список устава конца XII — начала XIII в. На его основе была составлена памятка «Как со всем прилежанием книги блюсти книгохранителю и пономарю», которая относится к концу XVI — началу XVII в. В ней предписывалось не оставлять книгохранительницу надолго без присмотра открытой, не брать книги неумытыми, потными руками, капать на них воском и брызгать слюной, подчеркивалась ответственность книгохранителя за утерю книг и их порчу (66, с. 10; 119, с. 107).

Положение библиотекаря в средневековом мусульманском мире было почетным. Нередко руководителями библиотек были крупные ученые. Они занимали значительное место в обществе и при дворах правителей, особенно если возглавляли дворцовые библиотеки (245, с. 281). При этом имела место определенная специализация. Так, в *дар ал-хадис* (дом хадисов), основанном в 1224 г. в Каире, библиотекарем был знаток хадисов и грамматики (132, с. 221). Управление библиотеками часто поручалось поэтам и литераторам. В Халебе (современная Сирия) в библиотеке эмира Сайфаддавли ал-Хамдани (945—967) библиотекарями были два брата-поэта ал-Хадиди. В XI в. в соборной мечети того же города библиотекой управлял поэт и ученый Мухаммад б. Мухаммад б. Наср Ибн ал-Кайсарани (1084—1153).

Из «Фихриста» Ибн ан-Надима известны имена трех лиц, хорошо известных в литературных кругах своего времени, которые получили звание «сахиб дома Мудрости» халифа ал-Мамуна. Не вполне ясно, возглавляли они весь «Дом мудрости» или только его библиотеку, а также то, находились ли они на службе в «Доме мудрости» и в библиотеке одновременно. Один из них, Салм, вошел в состав делегации, которую ал-Мамун отправил в Византию к император-

скому двору, чтобы приобрести греческие философские и научные труды для их последующего перевода на арабский язык (245, с. 285—288).

В Кордове при дворе андалусских Омейядов должность заведующего библиотекой считалась очень важной. Особого значения и размера библиотека достигла при халифе ал-Хакаме II (961—976). В ее штате было более 500 сотрудников, в том числе агентов, которые рассылались во все уголки мусульманского мира в поисках книг (182, с. 129). В библиотеке работали лучшие переплетчики, художники-миниатюристы и переписчики, а сличением и правкой текста рукописей занималась группа ученых, получавших высокое жалование (132, с. 229).

В XV в. в гератском государстве Тимуридов в годы царствования сына Тимура Шахруха (1409—1447) при дворе правителя была собрана большая библиотека. Она имела штат работников, состоявший не только из библиотекарей, но и из сорока крупнейших филологов, позолотчиков и переплетчиков, поскольку в ней велась работа по реставрации, текстологическому изучению книг и их художественному оформлению (86, с. 33). В XV в. хранители библиотеки назначались специальными документами (маншура). Известно, что одни из них составлялись в Герате — не позже 1507 г., другие — в Ташкенте. В этих документах говорится об обязанностях хранителя и значении хранения книг (86, с. 36). В XVIII—XIX вв. в библиотеке эмира Бухарского ханства библиотекой заведовал специальный придворный чин «китаб-дар» (86, с. 48).

В вакфных библиотеках управление осуществлял попечитель вакфа. Он назначал своего преемника, и нередко эта должность передавалась по наследству. Администратор обычно подбирал персонал для каждодневной работы. Как минимум, это были библиотекарь, его помощник и служитель. Большие библиотеки имели в штате переписчиков и переплетчиков. Сотрудники нередко совмещали должность в библиотеке с другой работой, в том числе с педагогической (183, с. 304). В мечети Абйад в Каире документ вакфа четко установил, что библиотекарю следовало быть знаю-

щим, вежливым, достойным доверия, бдительным, зрелым, честным и нежадным. Документы вакфов конкретно установили обязанности библиотекарей, в том числе в них включалась личная ответственность за утраченные книги (286, с. 110—112).

В Китае сведения о библиотеках начинаются с династии Хань, хотя Сыма Цянь и упоминает, что Лао цзы был хранителем дворцового архива Чжоу¹. Ханьский император У-ди (140—87 гг. до н. э.) назначал специальных чиновников, которые были обязаны следить за состоянием книг (95, с. 171). Комплектование библиотеки стало особенно интенсивным при императоре Чэн-ди (32—7 гг. до н. э.). Специальный эмиссар был послан для поисков книг по всей стране. На рубеже нашей эры Лю Сян и Ян Сюнь, а после смерти Лю Сяня его сын Лю Синь, систематизировали и описали произведения, вошедшие в императорское собрание. В результате возникла семичленная классификация и национальная библиография «Семь разделов» (Ци люэ).

Во время императора Второй Хань Гуань-ди (25—57 гг. н. э.) хранителями библиотеки источники называют знаменитого автора «Истории Хань» Бань Гу (32—92), поэта Фу И (ум. ок. 89 г.) и знатока конфуцианской классики и комментатора Цзя Куя (30—101). Они занимались «сверкой книг», т. е. их вычиткой и внесением в каталоги.

Хранителями императорской библиотеки династии Вэй были Чжэн Мо (213—250) и Сюнь Сюй (ум. в 289 г.). Им поручили классификацию и составление каталогов. Сюнь Сюй впервые ввел классификацию книг по четырем разделам или хранилищам, которая постепенно вытеснила семичленную классификацию Лю Синя (20, ч. 2, с. 135—136).

После вторжения кочевников и разделения Китая на северные и южные царства при втором императоре южной династии Сун Вэнь-ди (424—452) на место главного библиотекаря был назначен известный поэт, художник, каллиг-

¹ Сыма Цянь. Исторические записки. — М.: Восточная литература, 1996. — Т. 7. — С. 38.

граф и ученый Сен Лин-юнь (385—433). В 431 г. он составил «Перечень книг по четырем разделам». При династии Лян главные хранители дворцовой библиотеки Жэнь Фан (460—508) и Инь Цзюнь составили каталог по четырем разделам (классики, философы, историки, изящная литература), а их помощник Цзу Сюань — по тому разделу, куда вошли книги по естественным наукам, алхимии, магии и медицине (20, ч. 2, с. 137—138).

Во время династии Тан (618—907) при императорской канцелярии была учреждена должность инспектора императорских книг (мишу цзянь). Это произошло в годы под девизом Чжэнь-гуань (627—649). Эту должность занимали крупнейшие историки и ученые. Для сверки наличия книг по каталогам и вычитки текстов после переписки были приглашены знатоки книжного дела, о чем инспектора неоднократно подавали доклады на высочайшее имя. Император Тай Цзун (627—649) одобрительно относился к этой деятельности, и работа на поприще библиотек приобрела государственный размах. При императоре — меценате Сюань-цзуне (712—755) два чиновника, которые имели титул императорских телохранителей, Чу У-лян (645—719) и Ма Хуай-су (659—718) были направлены на руководящие должности в дворцовом книгохранилище. Оба получили степени «ученых дворца Чжаовэньдянь» (в этом дворце располагалась литературная академия, и степень означала академика от литературы). Первый был поставлен во главе комплектования библиотеки («комиссар по изготовлению книг»), второй — во главе упорядочения и сверки фондов. К 717 г. был составлен каталог «Книги по четырем разделам». В дальнейшем хранители библиотеки продолжали составлять ее каталоги (20, ч. 2, с. 143—146).

Штат служащих в дворцовых книгохранилищах был по тому времени очень велик и имел довольно сложную номенклатуру должностей. В XI в. в штате насчитывалось не менее 15 названий должностей (не считая привратников, уборщиков, сторожей и т. п.). Во главе штата стоял директор с двумя заместителями. В их подчинении находилось

множество ученых, компиляторов, редакторов, корректоров, каталогизаторов, управителей дел, переписчиков, низших служащих, мастеровых, привратников и т. д. Сохранились и сведения о жалованье. Так, в начале XII в. директор получал, видимо в месяц, сорок две связки денег (в каждой связке было 1000 медных монет — цзянь) и десять мешков риса и пшеницы; старший делопроизводитель — семнадцать связок денег, три мешка риса, двадцать штук шелка и двадцать лян (около 750 грамм) ваты. Переписчик получал полторы связки медных монет. Кроме постоянного жалованья, чины библиотеки получали подарки в виде чая, одежды, седел, книг, а также денежные награды, доходившие иногда до 300 тыс. цзяней (129, с. 258—259). Подробный анализ штата императорских библиотек дан в работах Л. Н. Меньшикова «Рукописная книга в Китае I тысячелетия н. э.» (20, ч. 2, с. 150—159) и Дж. К. Винкельмана «Императорская библиотека Южной Сун, Китай 1127—1279» (316, с. 18—26).

В Японии Императорскую библиотеку (Мифумидокоро, или Госёдокоро) обычно возглавлял крупнейший знаток китайской литературной и философской классики. Библиотека была построена при императоре Сага (785—842). Ее особенность заключалась в том, что в ней хранились копии всех книг и архивных материалов, которые находились в других придворных собраниях. Штат библиотеки состоял из восьми или более сотрудников. Их целью было обслуживание императора, императрицы и других высокопоставленных лиц. Сотрудники получали, учитывали и переписывали рукописи, которые были предназначены для включения в фонд (20, ч. 2, с. 268; 311, с. 11—12).

Законы, правила, научные и методические работы

От древности не осталось трудов по библиотечному делу. Имеются лишь сведения об их существовании. Наиболее известным был трактат Варрона «О библиотеках» в трех

книгах. У Плиния Старшего сохранилось два отрывка, которые предположительно относятся к этому произведению. Именно Варрону Юлий Цезарь поручил организацию публичной библиотеки (220, с. 24—25).

В греческом мире было также известно несколько книг о собирании и использовании книг. Еще до Варрона Артемон из Кассандреи написал трактаты «О собирании книг» и «Об использовании книг». Позже Геренний Филон известен своим трудом «О владении и собирании книг» в 12 книгах, а живший в то же время Телефос из Пергама написал труд на ту же тему в трех книгах. Философ и софист Дамофил опубликовал труд «Филобиблос» («Библиофил»), первая глава которой имела название «О благоприобретении книг» (266, с. 80—81).

В ранний период европейского средневековья отсутствие специальных трудов и неразвитая методика технологических процессов объяснялись их ненужностью из-за небольшого объема фондов (170, с. 53). Первым об античных библиотеках написал Исидор Севильский. Он также подверг анализу термин «библиотека», виды книг и проблемы переписки. Его важнейшим источником был Светоний (199, с. 384—388; 235, с. 161—162).

В средние века отсутствовали какие-либо инструкции для библиотечарей и читателей. В лучшем случае это были отдельные положения и упоминания в монастырских правилах и служебных книгах. В основном они были направлены на устранение каких-либо недостатков и сохранение фонда. Бенедиктинские правила предписывали, как нужно обращаться с книгами (163, с. 135; 232, с. 53).

В правилах августинского монастыря Сен-Виктор в Париже, созданных первым аббатом Гилдуином (1113—1155), определяются обязанности библиотечаря, которые стали очевидными как результат длительной работы с книгами. Эти правила оказали значительное влияние на библиотечную практику в монастырях Европы. Пятый генерал доминиканского ордена Умберт де Романис (1254—1263) на основе августинских правил установил обязанности библио-

текаря и скриптория в доминиканских монастырях (36, с. 130; 204, с. 256—258).

Для библиотеки Оксфордского университета правила были составлены в 1367 г. В 1412 г. были созданы новые правила. Они определяли выборы руководителя библиотеки, управление ею, способы расстановки, хранения и использования книг, в том числе тех, что были прикреплены цепями (296, с. 390).

На Руси нормы библиотечного права закладывались в различных регламентирующих документах церкви. В основу монастырских правил был положен Устав Студийского монастыря, введенный в русские монастыри в XI в. В конце XVI — начале XVII в. возникла памятка библиотекарю «Как со всем прилежанием книги блюсти книгохранителю и пономарю». В «Наставлении книгохранителю Троице-Сергиева монастыря» определялись обязанности библиотекаря и говорилось о необходимости чтения книг для культурного развития (66, с. 10; 131, с. 12, 29).

Теоретические труды по библиотечному делу в средние века не возникали. Некоторым приближением к этому является написанная в XIII в. книга настоятеля Амьенской церкви Ришара де Фурниваля (1201—1260) «Библиономия». В ней даются указания по устройству библиотеки и описывается библиотека «одного из сынов Амьенской церкви», по всей вероятности, собственной библиотеки автора (135, с. 70).

В Италии XV в. возникли два небольших сочинения Никколо Никколи и рекомендательный список для комплектования библиотек Томмазо Парентучелли. Сочинения Никколо Никколи были своего рода наставлением для кардиналов и их помощников с целью поиска книг в городах и монастырях Европы, куда они направлялись. Рекомендации Томмазо Парентучелли были составлены по заказу Козимо Медичи, когда он занимался библиотекой монастыря Сан-Марко (84, с. 151—152).

МУЗЕИ

ГЛАВА 1

Музеи: названия, возникновение, виды и цели

В эволюции информационной деятельности музеи являются важной составной частью. Они возникли позже двух других основных информационных институтов — архивов и библиотек и составляют третий раздел настоящего выпуска.

История музеев — необходимая часть информационной эволюции. Историк музейного дела до конца XVIII в. В.П. Грицкевич, на работу которого мы в значительной степени опираемся (319), обратил внимание на связь исторического исследования и стремления к оптимизации современного музейного дела. Глобальное мышление заключается не только в охвате всех стран мира, но и во включении их истории вплоть до глубокой древности в анализ животрепещущих музейных проблем нашего времени.

Названия музеев

Международный совет музеев (ИКОМ) в третьей статье своего устава дает следующее определение музея: «Музей — это постоянное, некоммерческое учреждение, доступное широкой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и среде его обитания в целях изучения, образования, а также для удовлетворения духовных потребностей». Помимо собственно музеев в соответствии с четвертой статьей устава под это определение подходят некоторые другие учреждения, деятельность которых представляет музейный интерес (319, с. 62—63).

И.Л. Маяковский обратил внимание на близость задач всех трех информационных институтов, но отметил, что по своей цели музей ближе к архиву, чем к библиотеке. Музей так же может хранить письменные источники в стремлении создать и зафиксировать картины прошлой, настоящей и будущей жизни. В то же время, подобно библиотекам, он имеет образовательно-показательные задачи (15, с. 54—55). Для всех трех институтов характерно стремление в первую очередь сохранить свои артефакты для их возможного изучения и использования.

Чтобы понять, как возникали музеи, важно понять, что такое «коллекция». Коллекции, т. е. собрания предметов, не предназначенных для хозяйственной или экономической деятельности, появились еще в первобытном обществе. В.П. Грицкевич называет их предмузейными или протомузейными. В дальнейшем частные коллекции могли стать основой для музеев.

Современное название «музей» возникло не сразу. «Музей» греков имеет с ним только этимологическое сходство. Греки называли Мусеями сакральные места поклонения Музам — олимпийским богиням, дочерям Зевса и Мнемосины. Египетские Птолемеи дали это название Александрийскому Мусею с его учеными, библиотекой, лабораториями (садами и коллекциями) именно потому, что это был прежде всего храм, который возглавлял жрец, в отличие от библиотеки, чьи руководители назначались ученые (321, с. 4; 324, с. 1025).

В Европе названию «музей» предшествовали другие названия. В Италии XV—XVI вв. возникло слово «студьоло» от «*studiare*» (учить, изучать), т. е. небольшое помещение для занятий правителя или другого значительного лица. Студьоло украшалось художественными произведениями. В XVI в. Антонио Гиганте назвал свой музей в Болонье «студио», т. е. комната для занятий (323, с. 18).

В странах Центральной и Северной Европы в период Возрождения для обозначения помещения для хранения и показа коллекций применялись слова «кунсткамера» (нем. *Kunst-kammer*), «вундеркамера» (нем. *Wunderkammer*), «кабинет ди-

ковин» или «кабинет редкостей». Все эти различия имели значение в основном для правителей. Более скромные собиратели не придавали значения этим терминологическим различиям (319, с. 33—41; 323, с. 98—100). Наконец, для обозначения Кунсткамеры в Мюнхене в 1565 г. было использовано название «Театр» (*Theatrum*) или «Театр знания» (*Theatrum Sapientiae*) (323, с. 76). Это название было основано на сочинении Джулио Камилло «Идея театра», где «театр» рассматривался как инструмент познания и запоминания (319, с. 138).

Термин «музей» (лат. *museum*) в отличие от «мусей» (греч. *miseion*) стал распространяться в Европе начиная с периода Возрождения. В этом термине была аллюзия к Александрийскому Мусею, как к авторитетному и знаменитому научному учреждению древности. Впервые слово «музей» было использовано Паоло Джовио, который в 1537—1543 гг. построил дом, специально приспособленный для размещения его коллекции. Различные залы этого здания были посвящены различным богам. Один из них был посвящен Музам и Аполлону. П. Джовио назвал этот зал «музей» и разместил в нем свою коллекцию картин в отличие от места исследований и научных дискуссий (326, с. 30).

Термин получил распространение, а в 1591 г. Джан Паоло Ломаццо в трактате «О музеях» окончательно оформил представление о музее как о месте, где выставляются произведения искусства и редкие предметы. Дж. П. Ломаццо упоминал в своем сочинении «музей» П. Джовио, монархов Испании, «Священной Римской империи», Тосканы, Франции, Савойи и Баварии (319, с. 108). В конце концов слово «музей» вытеснило все другие названия для обозначения коллекций (321, с. 196).

Возникновение музеев

Музейный принцип — изымание из окружающей среды материальных предметов для их сохранения. Первоначально это приняло форму собирательства, что было характерно

для всей цивилизации и даже для первобытного общества. В определенных, особенно сакральных местах, могло происходить скопление подобных предметов, часто даров, что фактически могло приводить к возникновению собраний, хотя на это не смотрели с такой точки зрения.

Стихийное накопление коллекций произошло в древней Греции в святилище Долины муз в Беотии, где за 12 веков существования скопилось большое количество статуй богов, животных, героев, певцов, музыкантов и стел с посвятельными надписями. Все это осматривали паломники. Древние называли Мусеем не только храм, но и весь священный участок (321, с. 66, 69—70).

Музеи были и у различных философских школ, у пифагорейцев и в платоновской Академии, но в полной мере Мусей стал центром коллекционирования, в котором артефакты использовали в исследовательской и образовательной деятельности в Ликее Аристотеля. При этом он не утратил своей роли святилища Муз. В нем были ботанический и зоологический сады. Аристотель занимался изучением внутреннего строения животных и был искусным препаратом. После вскрытия редких животных, из них изготавливались чучела, которые хранились в Мусее и использовались как иллюстративный материал при чтении лекций. Феофрасту принадлежит книга о камнях. Поэтому можно предположить наличие коллекции минералов. Мусей в Ликее был наиболее многофункциональным музеем в Греции (321, с. 93—94, 98—101).

Перипатетики перенесли музейную традицию в Александрию и многосторонне развили ее. При этом религиозный характер Мусея сохранялся. Это был храм, во главе которого стоял жрец. Александрийский Мусей, вероятно, имел минералогические коллекции и коллекции медицинских препаратов, не только животных. В Александрии в отличие от Афин было возможно анатомирование. При знакомстве с египетской практикой бальзамирования, александрийские врачи могли разработать какие-то способы сохранения мягких тканей. Здесь было развито и механи-

ческое конструирование. В механической мастерской Герона Александрийского при Мусее создавались сотни сложнейших механических приспособлений. В ней имелось специальное помещение, где были собраны модели и опытные образцы для обучения придворных механиков. Для выполнения специальных заказов двора конструировались военные машины, строительные и оросительные приспособления. Сохранялись их модели, а также модели военных кораблей для обучения.

При Мусее, как и в Ликее, создавались коллекции чучел животных и гербарии. Основой были сады и зверинец, редкие животные из которого использовались в различных мероприятиях (321, с. 182—185, рис. 25—26).

По образцу Александрийского Мусея стали возникать музеи и храмовые комплексы, посвященные другим богам, в Антиохии, Пергаме и Риме. Новообразованием римского времени были храмы императорского культа. В этих храмах тот же набор: портики, сады, библиотеки, открытые публике коллекции скульптуры и живописи (321, с. 157—158, 160).

Культурным достоянием стали также расписанные художниками и украшенные статуями стои¹. В римских городах периода империи возникали дактилотеки и пинакотеки. Корабль-музей имел тиран Сиракуз Гиерон Сиракузский. Музеи создавались при римских виллах, как, например, при виллах Цицерона близ Тускула и ПUTEОЛ (321, с. 156—160, 187).

В обычай вошло размещение картин на стенах и статуй на площадях. Эта идея перешла в знаменитое произведение Кампанеллы «город Солнца». Для большей наглядности приводим цитату из этой книги: «По повелению мудрости, во всем городе стены, внутренние и внешние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно строгой последовательности, отображающей все науки... Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы

¹ Стоя — крытая галерея с колоннадой, часто украшавшаяся росписями. Служила местом прогулок, общественных собраний, хранилищем даров и произведений искусства.

играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста» (320, с. 40—43).

Особое, непреходящее до настоящего времени значение получило украшение статуями и бюстами знаменитых писателей зданий библиотек. Уже первая публичная библиотека Рима, созданная Азинием Поллионом, фактически была своего рода музеем изобразительного искусства. Аналогично были украшены другие библиотеки, в том числе в Пергаме, Галикарнасе (Малая Азия) и Тимгаде (Северная Африка) (100, с. 220; 180, с. 40; 266, с. 158; 296, с. 6—7; 304, ч. 3, с. 110—111).

Обычай украшать помещения и библиотеки картинами и статуями перешел в Византию и Европу. Ко времени Юстиниана библиотеки и различные дома в Константинополе были заполнены произведениями искусства. Так, в одном из особняков наряду с библиотекой в 100 тыс. томов находились Афродита работы Праксителя, Гера Лисиппа и Зевс Фидия (215, с. 49).

В период Возрождения примером сочетания библиотеки с картинной галереей является собрание урбинского герцога Федерико да Монтефельтро. В 1458 г. он заказал Джованни Боккати роспись с изображениями полководцев в одном из помещений собственного дворца и 28 портретов мыслителей, поэтов, богословов и философов прошлых веков и своего времени на четырех стенах своего *studiolo*. Важно также, что большинство изображенных на портретах было представлено в библиотеках своими сочинениями, т. е. программа библиотеки перекликалась с программой портретной галереи (84, с. 157—158). В то же время историк библиотечного дела Г.Ж. Влешаувер подчеркивает, что украшение библиотек картинами, бюстами и статуями нельзя рассматривать как музейную форму, хотя это было определенной предтечей для возникновения музеев (302, с. 13—14).

«Традиционной» моделью возникновения музеев является собирательство, которое часто переходит в формирование коллекций. Собирательство служит основой для «филантропической» и «коммерческой» моделей, когда коллек-

ции передаются городу, государству, учебному или религиозному учреждению или закупаются им. Наконец, четвертая модель называется «революционной», когда музей возникает по декрету новой власти из произведений различного происхождения, отобранных у их прежних владельцев. Таким образом, в основном частное собирательство предшествует музейной форме (319, с. 65—67, 116—117).

Основными мотивами предмузейного собирательства, которое имело неупорядоченный, несистемный характер, считаются помещение в гробницах предметов, необходимых по представлениям своего времени для пребывания в загробном мире, пожертвования, трофеи, реликвии, культовые предметы и сокровища.

В ходе завоевания Греции и других стран римляне вывозили в качестве трофеев статуи, изделия из золота, серебра, слоновой кости, черепаших панцирей, бронзы, кедрового и кипарисового дерева и другие предметы, которые имели высокую художественную ценность. В Риме появились аукционы и антикварные лавки, что было основой для собирательства (319, с. 94; 325, с. 14—15).

В средневековой Европе сосредоточение «сокровищ» в казне правителей и церквей не только предшествовало коллекционированию, но и послужило его основой. Подлинное коллекционирование развилось в Европе в XV—XVIII вв., захватывая прелатов, придворных, врачей, юристов, ученых, художников, принцев и монархов. Эрудиты коллекционировали небольшие объекты античности, надписи, бытовые или драгоценные предметы, фрагменты скульптур, медали и гравированные изделия из драгоценных и полудрагоценных камней. Их рассматривали как материальные иллюстрации к текстам. Они помогали более наглядно представить лица, обстановку и события, представленные в тексте рукописей.

Такие собиратели, в том числе книг, как Никколо Никколи и Поджо Браччолини были инициаторами длительной традиции, традиции антикваров и историков античности: «кабинет медалей», обычно располагавшийся в библиотеке,

стал особенно в XVII в. обязательным элементом бесчисленных коллекций (326, с. 14—16).

В основном коллекции правителей и аристократии имели неупорядоченный характер. Их главной целью было накопление личной собственности и украшение прежде всего своего тела (327, с. 1). Однако постепенно по мере накопления возникали попытки, а затем и целенаправленные действия по упорядочению коллекций. В качестве примера можно привести коллекции римских пап и дома Медичи в XV—XVI вв., которые в конечном счете превратились в музеи (319, с. 120—124, 177).

Основное отличие музея от коллекции — его постоянство. Частная коллекция может быть рассредоточена после смерти владельца или по каким-то внешним обстоятельствам. Музей переживает своих основателей и может существовать намного дольше. Второе важное отличие — публичный характер музея, его доступность. Такие музеи стали возникать в Италии в период Возрождения, когда для этого появились необходимые предпосылки: мыслители, способные генерировать новые идеи, духовный климат и материальные средства. Постепенно это движение распространилось в других странах Европы, прежде всего во Франции, Германии, Нидерландах, Англии и Испании (319, с. 69, 104—106).

Расширялся состав собирателей за счет представителей средней и мелкой буржуазии и лиц свободной профессии. По сведениям, полученным из пособия нумизматики 1563 г., только кабинетов медалей и монет насчитывалось около двухсот в Нидерландах, около ста семидесяти пяти в Германии, около двухсот во Франции и более трехсот восьмидесяти в Италии (319, с. 159).

Первое собрание, которое было названо владельцем «музей», возникло в Италии, когда в 1536—1548 гг. в местности Борджовино к северу от ломбардского города Комо по повелению местного епископа Паоло Джовио (1483—1552) на руинах античной виллы, недалеко от озера Комо было построено специальное здание, в котором была разме-

шена коллекция портретов знаменитых исторических деятелей. Различные залы этого здания были посвящены римским богам, а один из залов — Аполлону и Музам. Название «музей» было использовано в память об Александрийском Мусее для обозначения места, посвященного исследованиям и научным диспутам. Музей П. Джовио оказал влияние на создание других музеев в Италии и других европейских странах (319, с. 129—133; 322, с. 31—32; 326, с. 20).

Виды музеев

Три основные категории ранних музеев могут быть представлены в следующей последовательности: музеи искусств, музеи науки и музеи истории (324, с. 1024). Их источниками были связи с университетами, церковью, правителями и аристократией (323, с. 23).

В качестве примера музея искусства можно привести музей П. Джовио, описанный ранее. Научным коллекциям средних веков и Возрождения нередко придавали магическое значение. Полагали, что натуральные диковины типа «рога единорога», магические камни, мумии, некоторые механизмы и приборы могли быть полезны для лечения болезней и выполнения процедур черной магии (319, с. 152).

Естественнонаучные познавательные собрания возникли в Италии во второй половине XVI в. Особенно прославились коллекции Франческо Кальчеолари (Верона), Улиссе Альдрованди (Болонья), Микеле Меркати (Рим) и Ферранте Императо (Неаполь). Специализация этих собраний в значительной мере определялась профессиональными интересами. Ф. Кальчеолари и Ф. Императо содержали аптеки, М. Меркати был папским врачом и управляющим ботаническим садом пап. Они были естествоиспытателями. Профессор медицины университета в Болонье Улиссе Альдрованди создал гербарий для исследовательских и педагогических целей. Он поставил перед собой задачу собрать предметы, которые представляли бы природу всего мира. В состав

его собраний входили изображения растений (20 тыс. рисунков), животных и минералов.

Французский исследователь Пьер Белон в ходе путешествий по Европе и Ближнему Востоку собрал богатые зоологические коллекции. Французский художник-керамист XVI в. Бернар Палисси собрал богатую коллекцию раковин и чучел рыб. Засушенные образцы растений, насекомых, рыб, пресмыкающихся, звериные шкуры наклеивались на листы плотной бумаги, которые переплетались в естественнонаучных кабинетах. Некоторые естественнонаучные кабинеты создавались в рамках ученых обществ, академий и университетов, например таких, как университеты Падуи и Болоньи (319, с. 153—155; 322, с. 34—37; 323, с. 5—6).

В XVI в. первоначально в Падуанском университете, а затем в других высших школах появились анатомические театры и музеи. Свои анатомические театры устраивали цехи хирургов в голландских городах Делфте и Роттердаме. Анатомические музеи стали лабораториями ученых (319, с. 155).

В связи с повышением спроса на металлы, особенно в немецкоязычных странах, возникли минералогические кабинеты. Появление геологических коллекций было также связано с фармакологией. Многие из описанных ранее естественнонаучных музеев имели в своем составе минералогические собрания. Собираателями минералогических коллекций были Генрих Корнелий Агриппа фон Неттестейм, Парацельс, Георг Агрикола, работавший в Яхимове (Чехия) и Хемнице (Саксония). Под влиянием сочинений Г. Агриколы саксонский курфюрст Август I создал в Дрездене кунсткамеру, а врач из саксонского города Торгау Иоганн Кентман — минералогическую коллекцию и издал ее каталог, в котором привел составленную им номенклатуру минералов.

Конрад Геснер из Цюриха собрал большую природоведческую коллекцию. В 1550 г. она стала доступной для публики. После смерти К. Геснера ее присоединили к коллекции такого же профиля другого известного натуралиста Феликса Платтера. Часть этого собрания находится в на-

стоящее время в составе Естественного музея города Базеля (319, с. 155—156; 323, с. 204—208).

К естественнонаучным музеям близки по своим функциям ботанические сады. Зверинцы правителей в отличие от ботанических садов не способствовали исследовательской работе, хотя и стимулировали любознательность. Традиция ботанических садов как научных лабораторий прослеживается еще с античных времен. Первые известные ботанические сады возникли при университетах. В XVI в. ботаник Карел Клузиус собрал богатую коллекцию клубней растений в Лейденском ботаническом саду. Эта коллекция способствовала развитию в Голландии массового разведения растений для продажи (319, с. 156—158; 325, с. 24).

В средние века возникли также научно-технические коллекции. Жан Беррийский в своем собрании имел часы, механизмы и научные инструменты. В коллекции Фердинанда II Тирольского в Амбрасе были залы с выставленными образцами вооружения, математическими, астрономическими и музыкальными инструментами и другими механическими предметами. Технологические предметы разного рода имелись и в других коллекциях правителей и знати (319, с. 158). Эти собрания стимулировали исследования в таких важных областях знания, как горное дело, производство оружия, определение времени и навигация (323, с. 4).

Исторические музеи появились позднее музеев науки и техники. Тем не менее отдельные части коллекций и даже некоторые музеи периода Возрождения, например музей П. Джовио, отражали историческую тематику, чаще посредством художественных предметов и реже при помощи античных текстов на прочном материале (319, с. 158—159).

Цели музеев

В.П. Грицкевич приводит ряд мотиваций предмузейного собирательства, начиная с первобытного общества (319, с. 20, 71—91). Основными целями создания собрания или

музея были тщеславие, «хватательный» рефлекс, общественный, научный, эстетический, экономический, сакральный (магический) интерес, поиск того, чем другие люди не заинтересовались и т. д.

Музейные объекты сохраняются, потому что это редко-сти, нередко значительной ценности, которые должны быть защищены от распада, разрушения и хищения. В то же время европейские музеи унаследовали две функции античного музея: сохранение исторической памяти и передача опыта поколений с помощью коллекций (321, с. 197). Первые итальянские антикварии ставили своей задачей сохранение свидетельств прошлого (324, с. 1026). Музей стал считаться институтом памяти.

Одной из важнейших целей Мусея в Александрии было обнаружение и хранение рукописных ценностей и их научная обработка. Эта традиция перешла в Европу. Медичи создали свой музей, чтобы предотвратить уничтожение произведений искусства в Тоскане. Переноса с площадей, из монастырей и храмов и других помещений публичного характера художественные произведения, которые являлись в некотором смысле собственностью всех, они не присваивали их исключительно себе, а делали доступными для всех. Каждый, кто обращался к Медичи, мог рассчитывать на посещение их музея (319, с. 64, 123). В саду Сан-Марко на образцах античной скульптуры обучались почти все флорентийские художники, включая Микеланджело. Идейная программа комплекса статуй сада Сан-Марко заключалась в так называемой «трансляции» («передаче») античной культуры (319, с. 114—115).

Идея естественнонаучных музеев и ботанических садов обуславливалась наблюдением за природой и профессиональными интересами (323, с. 6).

Еще Александрийский и Пергамский музеи имели педагогические цели. На их основе велось преподавание. В средние века таким собранием был, например, музей Улиссе Альдрованди в Болонье (322, с. 47). Эта традиция восходит еще к первобытному обществу. Достаточно вспомнить, к примеру, вождение юношей при инициации в Австралии по

изображениям с историей племени (117, Бесписьменное общество, с. 54—55). Частью китайского образования было обязательное путешествие по стране с целью посещения и осмотра, в том числе наскальных надписей.

Одной из целей музея было повышение политического престижа основателя и донатора. В качестве примера можно привести те же музеи дома Медичи, коллекции римских пап и затем собрания французского короля Франциска I в Фонтенбло как выражение политических претензий короля. Студьоло правителя подчеркивало его политическое значение. Согласно инвентарному описанию 1492 г. в студьоло Лоренцо Великолепного находились античные вазы, золотые литургические предметы, небольшие мозаики, гравированные драгоценные камни, статуэтки, настенные картины работы Я. ван Эйка, Джотто и Мантеньи (319, с. 113). Политические и культурные претензии Виттельсбахов, которые выразились также в их коллекциях, были подтверждены в 1623 г., когда Максимилиан I получил титул курфюрста. О художественном успехе Антиквария свидетельствовали современники, побывавшие в нем (319, с. 113, 140). Для испанского короля Филиппа II коллекции, подчиненные определенной музейной программе, должны были способствовать прославлению династии (319, с. 143).

Важными стимулами для развития коллекционирования послужили открытие Америки, связи с Африкой, Юго-Восточной Азией и Дальним Востоком (323, с. 2). Целью этих коллекций было собирание и выставление заморских диковин.

ГЛАВА 2

Музейное дело

Собирание коллекций

Собирательство изначально является формой изъятия предметов из профессионального, бытового и экономического обихода для сохранения информации об обществе и

природе. Оно часто переходит в комплектование коллекций, которые в свою очередь при определенных условиях становятся основой музеев (319, с. 65).

Способами собирания предмузейных коллекций были грабеж завоеванных стран, антикварная торговля и аукционы. Все эти формы впервые обозначились со всей определенностью в древнем Риме. После свержения в арабском халифате династии Омейядов халифы и правящая знать из сменившей их династии Аббасидов собирали дорогие ткани, предметы вооружения и изделия их художественного стекла как трофеи своих побед над противниками.

В Китае использование форм, описанных выше, а также раскопки, скупка и собирание в столице и по провинциям картин, каллиграфических надписей и рукописей, изделий из керамики и фарфора, письменных принадлежностей и экзотических предметов стали основой исключительно богатых коллекций императорского двора и дворцов придворной знати (319, с. 94—95, 98—99).

Торговля предметами для коллекций, прежде всего художественный рынок, возникла в Европе в период Возрождения. Появилась специальность торговца произведениями искусства, чему способствовали, кроме расширения торговых и культурных связей между странами и городами, социальные катастрофы, войны с сопутствующим грабежом культурных центров и иконоборческое движение. Эти факторы содействовали рассредоточению существовавших коллекций и образованию новых. Эрудированные торговцы и специальные агенты помогали правителям и знати составлять предмузейные коллекции, а в дальнейшем разрабатывать для них музейные программы (319, с. 160—162).

В Англии в 1586 г. была создана первая известная организованная форма объединения исследователей и коллекционеров старинных предметов — Колледж (общество) антикваров. Для антикварной коллекции рекомендовалось приобретать материалы для изучения истории и сохранения остатков старины (319, с. 160).

Для собирания коллекций были необходимы значительные материальные средства и досуг в благоприятном для этого специальном климате (319, с. 161). Представители дома Медичи, начиная с Козимо Старшего в XV в., приобретали произведения античного прошлого и заказывали современным им художникам картины и скульпторам произведения пластического искусства. Медичи приобретали не только отдельные предметы, но и целые собрания. При Лоренцо Великолепном были приобретены собрания папы Павла II (1464—1471), кардинала Ф. Гонзаги и коллекции, конфискованные у знатного флорентийского рода Пацци (319, с. 113).

В Милане были сосредоточены мастерские, в конце XVI в. изготовлявшие предметы для кунсткамер. Между ними и заказчиками существовали местные посредники, иногда из аристократической среды. Одним из них был Пирро I Висконти Борромео. Он был комиссионером герцога Винченцо I Гонзаги, который через него осуществлял заказы в миланских мастерских (323, с. 25). Висконти Борромео имел также личную коллекцию, что для Италии того времени было обычным явлением. Такие собиратели и агенты, как Никколо Никколи и Поджо Браччолини, были инициаторами длительной традиции антикваров и историков античности (326, с. 16).

Виттельсбахи тратили немалые средства на приобретение античных и других предметов. Корреспонденция между Г.Я. Фуггером и его итальянскими агентами по вопросу о приобретениях свидетельствует о рынке искусства, который в этот период сформировался в Италии. В переписке со своими коллегами Г.Я. Фуггер подчеркивал необходимость приобретения для герцогской коллекции только оригинальных предметов, а не копий и фальсификаций, которыми был наводнен рынок (319, с. 139).

Содержание коллекций

Торнтон Уайлдер в романе «День восьмой» делает следующее замечание: «Произведения искусства, мистер Фре-

зир, — единственно ценный результат цивилизации»¹. Это, казалось бы, тривиальное суждение, стало одной из основ европейского Возрождения, привело к художественному коллекционированию и созданию музеев.

Джовианский музей, который послужил образцом для других коллекций и музеев, состоял примерно из 400 портретов знаменитых людей прошлого и современности: оригинальных портретов и копий, сделанных с медалей, бюстов и различных документов. Комплекс портретов стал формироваться П. Джовио незадолго до 1521 г. Первоначально его интересовали литераторы, философы и художники, а позднее изображения властителей, политиков и военачальников. Коллекция портретов современников была для него источниковой базой для составляемой им истории Европы. Постепенно, однако, географические пределы расширились. В ней появились портреты правителей Ближнего и Среднего Востока разных эпох (319, с. 131—132; 322, с. 27—28; 326, с. 20).

В научном музее Альдрованди картины и иллюстрации имели целью дополнить естественнонаучное собрание изображениями экзотических и физически недоступных животных и растений (323, с. 7).

Галерея Уффици, открытая Медичи для публики, в основном состояла из произведений искусства и античных артефактов. Некоторое количество научных инструментов и природных объектов в ней были, но они подчинялись экспозиции художественных ценностей (323, с. 10—11).

Миланские мастерские создавали для кунст- и вундеркамер различные изделия из дерева, кости, слоновой кости, драгоценности, изделия из хрусталя и драгоценных камней, оружие и доспехи, миниатюры, вышивки и тончайшие изделия, выполненные на токарном станке. Эти изделия через комиссионеров, подобных Висконти Борромео, поступали в коллекции правителей и знати, но частично оседали и в собраниях самих комиссионеров (323, с. 25).

¹ Уайлдер Т. Мост короля Людовика Святого. День восьмой / Торнтон Уайлдер. — М.: Прогресс, 1977. — С. 342.

В начале XVI в. Изабелла д'Эсте создала свое студьоло и «гротто» (помещение под студьоло типа пещеры) в Кастелло ди Санто Джорджо, составлявшем часть дворца маркиза Мантуи. В гротто помещались исключительно антики, в студьоло были также представлены произведения современных художников (в первую очередь А. Мантеньи, придворного художника ее мужа Франческо II Гонзаги). Новаторством в представлении коллекции Изабеллы д'Эсте было сочетание картинной галереи, студьоло и коллекции скульптур (319, с. 124—126).

Кунсткамера курфюрста Августа в Дрездене во второй половине XVI в. содержала не менее 10 тыс. предметов. Кроме того, существовали кабинет монет и медалей, помещение с изделиями из серебра, коллекция оружия, анатомическая камера со скелетами людей и животных, аномалиями и окаменелостями, сокровищница и знаменитая в то время библиотека.

Содержание кунсткамеры, которая состояла из семи залов с убывающим значением, было следующим. В первом зале находились рог единорога, знаменитые куски руды из Колумбии с вкраплениями изумрудов, горный хрусталь из Милана, в том числе хрустальный шар для предсказания будущего. Однако все сосуды из горного хрусталя и других полудрагоценных камней хранились в сокровищнице. В зале находились также картины и скульптуры: миниатюрные мраморные копии работ Микеланджело и небольшие бронзовые предметы работы Джованни да Болонья. Картины в основном были портретами, начиная с двенадцати римских императоров, изображениями Августа и его супруги и далее современных правителей. В первом зале было также небольшое количество картин на религиозные темы. Они были распределены по пяти первым залам. Всего их насчитывалось около 90: в основном портреты принцев, картины с изображениями крупных животных, убитых на охоте, с воспроизведениями знаменитых крепостей и осад. Хотя количество картин и скульптур было около 150, они составляли едва 1,5% всей коллекции. В первом зале находились и некоторые природ-

ные предметы: морские раковины, раковины улиток, высушенный осьминог, представленный как «удивительное существо», и то, что именовалось «райской птицей».

Однако главной составной частью коллекции (около 75%) были различные инструменты общим числом 7353. Они располагались во всех комнатах, но большей частью были структурированы по профессиям, в которых они использовались. В основном они лежали в ящиках письменных столов, в шкафах и шкатулках. Соответственно по всем комнатам были распределены эти предметы мебели, а не орудия письма, черчения и рисования. Мебель производилась известными мастерами по заказу курфюрста.

Коллекции инструментов относились только к тем специальностям, которые представляли интерес лично для владельца, или тем, что были распространены на территориях под его правлением: столяры-краснодеревщики, слесари, садовники, токари и оружейники. Много внимания было уделено хирургическим инструментам, они были распределены в первом и третьем залах, и геодезии. Геодезические орудия и инструменты находились в первом и втором залах. Кроме того, на стенах висело много карт и планов, особенно саксонских территорий.

В коллекции было много предметов вооружения, в том числе планы и картины крепостей и осад во втором зале. Разнообразно была представлена охота: специальное оружие, свистки, картины, трофеи, гипсовые отпечатки следов диких и домашних животных, удочки и другие приспособления для рыбной ловли. Предметы помещались рядом с инструментами, с помощью которых они изготавливались. Например, рядом с изделиями из слоновой кости помещались соответствующие орудия. Сам Август был искусным резчиком по слоновой кости, и эта профессия была включена в программу обучения его сыновей. Все эти знания были необходимы для правителя Саксонии, поскольку ему приходилось принимать ответственные решения по горному делу, где применялись самые большие и современные в Европе машины для выкачивания воды и флотации руды.

В кунсткамере находились и небольшие группы таких предметов, как игры, музыкальные инструменты, саксонские минералы и небольшое количество сосудов из саксонского алебаstra и серпантина. Большая коллекция, наряду с орудиями труда, состояла из научных инструментов, в том числе часов. Она содержала 442 предмета (около 4,5%) и включала квадранты, сферы, глобусы, астрономические часы, астролябии, компасы, песочные часы, геометрические наборы, готовальни и измерительные инструменты. Астрономия и астрология были любимыми областями знания для курфюрста (323, с. 69—72).

Основное содержание коллекций эрцгерцога Фердинанда II в замке Амбрас в Тироле к югу от Инсбрука (Австрия) составляло оружие и доспехи. Кунсткамера была своего рода приложением. Она занимала крыло, которое находилось между третьим зданием с вооружением и *Kornschütt* (здание для хранения зерна), где находились библиотека и Антикварий. Перед входом в Кунсткамеру располагалась Турецкая комната с этнографическими предметами, в основном с трофеями войн с Турцией. В Кунсткамере артефакты, которые включали изделия из птичьих перьев, сделанные американскими индейцами, кораллы, предметы разного дерева и слоновой кости, ювелирные изделия, художественное стекло, золотую и серебряную посуду и т. д., находились в 18 шкафах, поставленных задними стенами друг к другу вдоль главной оси зала. Перед ними стояли два поперечных шкафа (*Zwerchkästen*). Стены между окон были увешаны картинами от пола до потолка. В центре зала находились различные сундуки и ящики с картинами и графикой, которые еще находились в процессе изучения. Где находились две наследственные драгоценности — агатовая чаша и рог единорога — неизвестно. Фердинанд II получил их после смерти своего старшего брата, императора Максимилиана II, а после смерти его самого в 1595 г. император Рудольф немедленно забрал их и присоединил к собственной коллекции. В 1607 г. агатовая чаша была включена в ее инвентарь (319, с. 141—142; 323, с. 29—30).

Коллекция баварских герцогов Виттельсбахов в Мюнхене включала медали, античные бронзовые статуэтки, мраморные монументальные скульптуры, греческие вазы IV в. до н. э., которые были подвергнуты реставрации для подготовки к экспозиции, картины. Описание коллекции, составленное в 1598 г., перечисляет 3407 наименований (319, с. 138—149).

Коллекция испанского короля Филиппа II включала различные предметы, отражающие личный вкус владельца и обширность его владений, в том числе заморских. В ней были широко представлены произведения итальянского, фламандского и испанского искусства: около полутора тысяч полотен, частично приобретенных агентами короля и частично унаследованных. В последнюю группу входили произведения Тициана. Экспозиция включала также образцы вооружения, античные произведения искусства, карты, научные инструменты, медали, гравюры, рисунки, скульптурные произведения, ювелирные изделия и ковры. Природные «диловины», многие из которых имели американское происхождение, представляли еще одну сторону интереса короля (319, с. 142—143).

Рудольф II, внучатый племянник Филиппа II, император «Священной римской империи» (1576—1612), король Венгрии (1572—1607) и Чехии (1575—1611) был одним из величайших коллекционеров Европы. С 11 до 19 лет он жил при дворе Филиппа II и там же в связи со строительством Эскориала и размещением в нем коллекции воспринял идею резиденции правителя как «дворца искусства». Кунсткамера императора в Праге включала картины и пластические произведения, в том числе античную и современную скульптуру, бронзовые произведения небольших размеров, резные камни, медальоны, изделия из слоновой кости, монеты, научные инструменты, рисунки, гравюры, предметы природного происхождения. Наиболее значительным из приобретений была гемма Августа из коллекции Франсиска I Валуа, купленная за 12 тыс. дукатов. Необработанные камни, сырье для гравировки, как и геммы, представляли

интерес и с научной, и с оккультной точек зрения. В целом предметы коллекции были распределены на три части: природные предметы, предметы искусства и научные предметы. После отстранения Рудольфа II от власти его коллекция была расчленена. Большая часть была вывезена из Праги в Вену, часть — в Испанские Нидерланды, оставшееся в Праге было захвачено шведами и отправлено в Стокгольм. Частично пражская коллекция вошла в состав собрания шведской королевы Кристины и после ее отречения от престола перевезена в Рим (319, с. 144—147).

Коллекция семьи Сеттала в Милане имела в основном научный характер в традициях музея Альдрованди в Болонье и Металлотеки Меркати в Ватикане. В этой коллекции выделялись следующие группы предметов:

- математические и физические инструменты, прецизионные инструменты: зеркала, линзы, телескопы, астролябии, приборы для измерения времени, компасы, так называемые «вечные двигатели», замки, автоматы;
- горные породы и минералы: кварц, металлические руды, асбест, драгоценные камни, фигурные камни, магниты, жильные породы;
- окаменелости: янтарь, раковины, млекопитающиеся;
- зоологические предметы и чучела: кораллы, моллюски, рыбы, пресмыкающиеся, птицы, млекопитающие;
- продукты растительного мира: семена, древесина, масла;
- этнографические предметы: одежда, украшения и оружие из Америки, Азии и Африки;
- оружие: арбалеты, артиллерия;
- археологические артефакты: скелеты, урны, лампы;
- образцы европейских ремесел, включая предметы, выполненные владельцем коллекции Манфредо Сеттала;
- музыкальные инструменты;
- книги, оттиски, рисунки, кодексы;

- картины, статуи, медали (323, с. 26).

Наконец, необходимо отметить определенное сходство музеев и библиотек по их содержанию и стремлению прежде всего сохранить свой фонд. Каждая библиотека, начиная с древности и кончая современностью, может превратиться в собрание памятников, т. е. в музей, по мере исчезновения потребности в информации на определенных носителях. В результате такой информационной эволюции весь или по крайней мере часть библиотечного фонда превращается в музей. В качестве примера можно привести клинописную библиотеку Ашшурбанапала в Британском музее, отделы рукописей в библиотеках полиграфического периода и, видимо, полиграфические отделы в электронных библиотеках техногенного периода.

Инвентари и каталоги

По определению В.П. Грицкевича каталогом в музееведении считается описательный систематический перечень временно или постоянно собранных материальных предметов, изъятых из практической деятельности, а также подобных предметов, рассчитанных на их приобретение для коллекции или музея во время распродажи на аукционе, в частной галерее или антикварном магазине. Каталогам предшествовали инвентари. Наиболее ранними инвентариями были перечни храмовых собраний и культовых предметов, составлявшиеся в древней Греции. До нашего времени дошли фрагменты мраморных табличек V—II вв. до н. э. с подобными списками предметов. Такого рода списки составлялись в Европе в средние века. Сохранился инвентарь VII в. для хранилища ритуальных сосудов церкви св. Стефана в Оксерре (Франция). От конца XII в. есть описание сокровищницы Винчестерского кафедрального собора (Англия), в которой находились золотые кресты, украшенные драгоценными камнями, серебряные канделябры и золотые часы со вставками из эмали (319, с. 26—27).

В Китае при императоре Хуэй-цзуне (1101—1120) были созданы два иллюстрированных каталога предметов императорского собрания, в него входили десятки тысяч предметов, обнаруженных при раскопках и 6396 картин (319, с. 98).

Подавляющее большинство сохранившихся ранних инвентарей частных коллекций в Европе составлялись наскоро для оформления законного наследования непосредственно после смерти их владельцев. Исключением являются инвентари коллекций французского герцога Жана Беррийского (1340—1416). Они были составлены хранителем сокровищницы герцога Робинэ д'Эстампом в 1401—1416 гг. Среди других предметов Р. д'Эстамп подробно описал иллюминированные рукописи с изложением сюжетов, рисунков, пометок, переплетов, текстов, их происхождения и бытования (319, с. 27; 325, с. 21—22).

В 1492 г. было составлено инвентарное описание коллекций в студьоло Лоренцо Великолепного во Флоренции (319, с. 113). В 1584 г. и 1622 г. появились каталоги научного музея Кальчеолари. Второй каталог возник уже после смерти владельца. Первый каталог имел чисто практические цели и был своего рода справочником для врачей, фармацевтов и ботаников. В нем четко обозначилась связь между музеем Кальчеолари и его аптекой. Благодаря этой комбинации музей стал лабораторией и хранилищем медицинских препаратов (323, с. 6). Кроме того, во второй половине XVI в. многие врачи и фармацевты обменивались описями своих коллекций для поддержания научных связей и сотрудничества (323, с. 13).

В 1546 г. П. Джовио издал работу с портретами знаменитых людей, созданную на основе его коллекции «*Elogia veris clarorum virorum imaginibus apposita*». Считается, что это описание оказало влияние на Дж. Вазари, который в 1550 г. издал книгу «Описания наиболее крупных живописцев, ваятелей и зодчих». Подобно книге П. Джовио, история искусств рассматривалась через биографии итальянских художников (319, с. 148; 326, с. 20).

Отличие музея от собрания предметов в том, что музейная коллекция обязательно публична, предназначена для осмотра (экспозиции) при определенных условиях (319, с. 69; 324, с. 1024).

Зачатки экспозиции наблюдались только в римских храмовых и светских собраниях. Например, в коллекциях храма Аполлона Палатинского или портиков римских форумов, где произведения греческих мастеров, ставшие трофеями римского народа, выставлялись специально для осмотра, а имеющиеся описания группируют их по авторам и школам. Об императорском Риме можно определенно сказать, что в нем существовали публичные выставки (319, с. 96—97; 321, с. 180—181).

Известную роль в развитии публичности предмузейных собраний играли массовые торжества, праздники и шествия людей, начиная с ранних эпох. Такими представлениями были празднества с процессиями древних греков в честь своих богов. Шествия и процессии в честь бога виноделия, богини плодородия Деметры и покровительницы центра Аттики Афины включали в себя перенесение и представление изображений богов и священных предметов.

Чисто римским явлением были погребальные процессии, во время которых проносились восковые маски умерших предков знатных родов, и триумфы по окончании войн, во время которых проносились трофеи. После разрушения Иерусалима в 70 г. н. э. в ходе триумфа Тита во время шествия были показаны награбленные богатства, в том числе святыни Иерусалимского храма.

В средние века в Европе предметы сакрального характера и музейного значения (реликвии, объемные и плоскостные изображения персонажей Нового Завета, сюжетов из Библии, церковные утварь и облачения) широко использовались в динамических представлениях. Народные праздники и карнавалы сопровождалась уличными шествиями, театрализованными играми и красочными процессиями,

которые носили характер передвижных выставок с показом предметов музейного значения (319, с. 92—93).

В Риме, начиная с I в. до н. э., раздавались голоса о том, что памятники искусства, рассредоточенные по частным владениям, целесообразно обобществить, но в целом эта идея осталась без внимания со стороны римской знати. Однако, определенно можно сказать, что в Риме все-таки существовали публичные выставки. Римские военачальники выставляли захваченные ими скульптуры и картины на форумах, в общественных садах, храмах и позднее в общественных банях — термах (319, с. 94—96).

В Европе в период Возрождения доступность коллекции в основном имела ограниченный характер. Вплоть до XV в. коллекции и музеи, доступные широким кругам населения, еще не существовали. Музей как социальный институт возник в Италии в XV—XVI вв. (319, с. 100, 160—162).

Основные идеи музейной экспозиции принадлежали Медичи в конце XV в. Идея публичного музея стала основой их культурной политики. Галерея Уффици была специально устроена для посещений, сначала избранной публики. Каждый, кто обращался к Медичи, мог рассчитывать на посещение музея. Создатели галереи руководствовались теми же намерениями, что и римские императоры и государственные деятели, которые стремились сделать принадлежавшие им произведения искусства доступными широким кругам общественности. В отличие от римлян создатели галереи во Флоренции обеспечили лучшие, чем предшественники, условия для обозрения художественных ценностей. То же можно сказать об экспозиции папской коллекции. Она была доступна довольно широким, с точки зрения людей XVI в., кругам посетителей (319, с. 114—115, 119, 122—123; 324, с. 1026).

К 1523 г. венецианский коллекционер, гуманист, кардинал Доменико Гримани (1461—1523) собрал богатую коллекцию в своей римской резиденции на холме Квиринал. Он завещал ее двум своим племянникам, а ценные археологические находки, обнаруженные в Риме, своему родному городу с неперенным условием выставлять их напоказ в

помещении, посвященном его памяти. Согласно воле дарителя коллекция была помещена в зале Дворца дождей. Позднее племянник и наследник Доменико Гримани Джованни (1500—1593) предложил правительству Венецианской республики создать специальный антикварий за счет своего собрания с тем же условием, чтобы она была доступна широкой публике и носила имя дарителя. В 1587 г. коллекция антиков Гримани состояла из 150 статуй, а вместе с дальнейшими приобретениями составила 217 статуй. Возник вопрос о безопасном размещении коллекции с тем, чтобы она стала легко доступной для зрителей. В конце концов в 1596 г. она была открыта для публики в одном из помещений библиотеки собора Сан-Марко. Эта экспозиция была названа публичным статуариумом (319, с. 127—129).

Мюнхенский антикварий Виттельсбахов также с 1563 г. стал доступен для избранной публики. Так, по рекомендации Макса Фуггера и специалиста по нумизматике Адольфа Окко разрешение посетить коллекцию получили географ Абрахам Ортелиус и художник Георг Хёфнагель. Герцог открыл свою Кунсткамеру не только принцам и послам, но и заинтересованным деятелям искусства и науки. Однако с 1611 г. вход был ограничен, так как из коллекции пропали некоторые предметы (323, с. 76—78).

Кунсткамера в Амбрасе была музеем, который был создан для публичного обозрения. Она привлекла посетителей со всех концов Европы ввиду разнообразия экспонатов и высокого художественного и исторического значения отдельных предметов и их групп. Пражская кунсткамера Рудольфа II также не была закрытой коллекцией. Ее посещали не только дипломаты и придворные, но и знатоки искусства и художники (319, с. 142, 147).

Коллекции Филиппа II были наиболее доступными из королевских коллекций для посетителей. Их осматривали не только послы и политические деятели, но также художники и простолюдины. На концепцию представления королевских собраний влияли рекомендации советников Филиппа II, в том числе коллекционера и писателя Фелипе де

Гевары. Де Гевара рекомендовал в своем сочинении «Комментарии о живописи» (ок. 1560), чтобы укрытые в королевских дворцах произведения искусства были доступны подданным короля. Ясно одно, что правители и в Италии, и в Испании исходили из идеи использования коллекций для рекламы правящей династии (319, с. 144).

Идеи Кампанеллы в «Городе солнца» предполагали полную открытость художественных ценностей для граждан. Для своего времени это было профетическим суждением, которому было суждено великое будущее в развитии европейской музейной мысли.

Основным отличием естественнонаучных музеев Кальчеолари и Альдрованди от аристократических коллекций была их бо́льшая доступность. Кальчеолари охотно показывал собственное собрание ученикам. В 1603 г. Альдрованди завещал свой музей и библиотеку Сенату Болоньи. В 1617 г. коллекция была размещена в Публичном дворце (*Palazzo Pubblico*) и открыта для ученых, т. е. стала публичным музеем (323, с. 6—7, 22).

В Базеле в 1662 г. был открыт настоящий публичный музей. 20 ноября 1661 г. городской совет принял решение о покупке коллекции Василиуса Амербаха за 9 тыс. талеров и открыл ее для публики как собственность университета. Это была первая коллекция, купленная городом для создания музея, открытого для посетителей (323, с. 64; 324, с. 1027).

Наконец, в конце XVII—XVIII в. возникает концепция современного музея. В 1683 г. открылся Эшмоуловский музей в Оксфорде, в 1734 г. Капитолийский музей в Риме, коллекции Анны Марии Луизы Медичи во Флоренции (по ее завещанию 1743 г.), Британский музей в Лондоне в 1753 г. (319, с. 86; 324, с. 1027).

Размещение

Постоянное размещение коллекции является важнейшим признаком музея. Выделение специального помеще-

ния было необходимо, чтобы представить множество предметов как единое целое, а также для предохранения их от хищения и разрушительного воздействия окружающей среды (319, с. 69).

В Риме в I в. до н. э. уже возникли рекомендации Витрувия по размещению художественных ценностей и их ориентации с тем, чтобы свет падал в окна с северной стороны. Описанное Витрувием освещение посредством люнетов (арочных проемов в своде или стене, ограниченных снизу горизонтально) использовалось при размещении внутри здания скульптур, рельефов и картин. Их размещали напротив стены таким образом, чтобы на них не попадал через боковые окна яркий свет. Наиболее значительными примерами освещения сверху в римской архитектуре являлись группы комнат в Золотом доме Нерона (после 64 г. н. э.) и ротонда, перекрытая полусферическим куполом с центрическим световым отверстием в Пантеоне (118—125 гг. н. э.) (319, с. 97, 291, примеч. 82).

В 1565—1586 гг. для музея Фердинанда II в Амбрасе было перестроено здание, затем к основному корпусу было пристроено двухэтажное помещение для библиотеки, антиквария и небольшого оружейного зала и затем четыре смежных корпуса. Полностью музей состоял из пяти смежных залов (319, с. 141; 323, с. 29).

Кунсткамера курфюрста Августа в Дрездене находилась в семи залах. В некоторых были наклонные стены, так как помещения находились непосредственно под крышей здания (323, с. 70).

Строительство здания для Антиквария Виттельсбахов в Мюнхене было начато при Альбрехте V (1550—1579) и завершено при Максимилиане I (1597—1651). Кроме того, при Максимилиане I для размещения картин была построена галерея вблизи герцогской спальни. Антикварий был построен перед замком Нойвесте по проекту Дж. да Страды (с модификациями Н. Стоппио) в 1569 г. Он представлял собой двухэтажное здание, в верхнем этаже которого была размещена герцогская библиотека. Галерея Антиквария

имела размеры 64,90 × 11,70 м. Ее устройство было сходным с такими же галереями в Фонтенебло и во дворце Уффици во Флоренции. Вдоль длинных стен галереи, разделенных секциями, были представлены скульптурные изображения. Статуи богов помещались в нишах, а бюсты на каменных подставках в углублениях в стенах. Изображения императоров Рима размещались в порядке их перечисления римскими историками — от Цезаря до Грациана (367—383) (319, с. 137—139; 323, с. 77).

П. Джовио построил для своего музея дом, специально приспособленный для размещения его коллекции. Строительство было осуществлено в 1537—1543 гг. Здание было возведено на руинах античной виллы неподалеку от берегов озера Комо. Вилла была местом отдыха для П. Джовио и его гостей (319, с. 129; 322, с. 28—29; 326, с. 20).

Миланская естественнонаучная коллекция Висконти Борромео была расположена в 18 комнатах нимфеума (*nymphaeum*), монументального искусственного фонтана, расположенного в саду пригородной виллы. Две комнаты напоминали гроты (пещеры). Они были построены из известкового туфа (травертина), полученного из естественных гротов и украшенного композициями из раковин и камня (323, с. 25).

В Китае для императорских коллекций издавна отводили специальные помещения и здания. Ханьский У-ди (140—87 гг. до н. э.) отвел во дворце специальные помещения для собрания лучших картин, которые были привезены из различных провинций страны. Император Сянь-ди (190—220 гг. н. э.) устроил во дворце помещение для собрания портретов своих министров, а император У (229—280 гг. н. э.) разместил собранные по его повелению картины и каллиграфические надписи в императорской академии (319, с. 98).

При династии Сун в конце 977 г. вблизи императорского дворца было построено специальное здание для книгохранилищ, в которых находились также каллиграфические надписи. Император Хуэй-цзун для размещения десятков тысяч предметов, обнаруженных при археологических рас-

копках и огромной коллекции картин, сделал пристройки к зданию императорского дворца (129, с. 254; 319, с. 98).

В заключение необходимо отметить появление трудов по устройству музеев. Джулио Камилло в своем сочинении «Идея театра» (Флоренция, 1550) дал представление о «театре» как об инструменте для познания и запоминания. С. фон Квихельберг под влиянием идей Дж. Камилло в своем сочинении «Заголовки или заглавия обширного театра» (Мюнхен, 1565) предложил программу идеального музея. Этот автор рассмотрел ряд теоретических и практических сторон коллекционерства и приемов представления предметов коллекций для обозрения. На примере мюнхенских коллекций баварского герцога С. фон Квихельберг предложил систему создания идеального музея, в котором состав коллекции уже не представлял собой, как ранее, случайного собрания разнообразных предметов, а нечто стройное, систематизированное. Это сочинение было первой попыткой построения теории музейного собирательства (319, с. 138).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивы

1. Акты Кремоны X—XIII веков в собрании Академии наук СССР. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. — XXIV, 381 с.
2. Акты Кремоны XIII—XVI веков в собрании Академии наук СССР. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. — 267, [4] с.
3. *Бартольд В.В.* Хранение документов в государствах мусульманского Востока // Соч. Т. 8 / акад. В.В. Бартольд. — М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1973. — С. 350—361.
4. *Бржостовская Н.В.* Архивное дело с древнейших времен до 1917 года. Ч. 1 / авт.-сост.: Н.В. Бржостовская, Б.С. Илизаров. — М., 1979. — XVII, 251 с. — (Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней / Тр. ВНИИДАД; Т. 8, ч. 1).
5. *Васильев Л.С.* Древний Китай : Т. 1—2 / Л.С. Васильев. — М. : Восточная литература, 1995—2000.
6. *Володихин Д.М.* Очерки по истории отечественных архивов / Д.М. Володихин; Ун-т Рос. акад. образования. — М.: Изд-во УРАО, 1999. — 73, [2] с.
7. Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / подготовка текста и коммент. А.А. Зимина; под ред. и с предисл. акад. Л.В. Черепнина; АН СССР, Ин-т истории СССР. — М., 1978. — Т. 1—3.
8. *Дандамаев М.А.* Вавилонские писцы / М.А. Дандамаев; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М. : Наука, 1983. — 245 с.
9. *Добиаш-Рожественская О.А.* История письма в средние века / О.А. Добиаш-Рожественская. — Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1923. — 197 с.; 4 табл., [3] с.
10. История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке: Лекции, читанные слушателям Архивных Курсов при Петроградском Археологи-

ческом Институте в 1918 году. — Пг., 1920. (Архивные курсы: Лекции, читанные в 1918 году; I). — [6], 386 с.

11. *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой / Жак Ле Гофф. — М.: Ладомир, 2001. — 800 с.

12. *Лихачёв Н.П.* Библиотека и архив Московских Государей в XVI столетии / Н. Лихачёв. — СПб., 1894. — 152, 81, [2] с.

13. *Лю Го-цзюнь.* Рассказ о китайской книге / Лю Го-цзюнь. — М.: Искусство, 1957. — 91 с.

14. *Люблинская А.Д.* Источниковедение истории средних веков / А.Д. Люблинская. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1955. — 373 с.

15. *Маяковский И.Л.* Архив, библиотека и музей / И.Л. Маяковский // Мир библиографии. — 1998. — № 4. — С. 50—55. (Сокращенный вариант статьи в журнале «Архивное дело», 1926, № 5/6 и 7).

16. *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России / И.Л. Маяковский. — Пг., 1920. — [2], 176 с. — (Архивные курсы: Лекции, читанные в 1918 году; II).

17. *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР / И.Л. Маяковский; Моск. гос. ист.-архив. ин-т. — М., 1960. — 338 с.

18. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. — М.: Изд-во вост. лит., 1960. — 195 с.

19. *Оппенгейм А.Л.* Древняя Месопотамия: портрет погибшей цивилизации / А. Лео Оппенгейм; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, 1980. — 407 с.

20. Рукописная книга в культуре народов Востока: очерки: в 2 кн. / АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, Гл. ред. восточ. лит., 1987—1988.

Кн. 1. — 1987. — 539 с.

Кн. 2. — 1988. — 548 с.

21. *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. — М.: Высшая школа, 1989. — 214, [1] с.

22. *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи): Т. 1 / Сыма Цянь; пер. с кит. и коммент. Р.В. Вятника и В.С. Таскина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Восточная литература, 2001. — 415 с.

23. *Тугова Т.А.* Из истории архива Соловецкого монастыря / Т.А. Тугова // Археогр. ежегодник за 1983 г. — М. : Наука, 1985. — С. 58—67.

24. *Хорхордина Т.И.* И.Л. Маяковский : Труды и дни / Мир библиографии. — 1998. — № 4. — С. 56—58.

25. *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. — Ч. 1—2 / Л.В. Черепнин; АН СССР, Ин-т истории. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948—1951.

26. *Шаскольский И.П.* Судьба государственного архива Великого Новгорода / И.П. Шаскольский // Вспомогательные ист. дисциплины. — М., 1972. — Т. 4. — С. 213—229.

27. *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия : Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного / С.О. Шмидт. — М. : Наука, 1984. — 277 с.

28. *Шмурло Е.* Ватиканский архив / Е.Ф. Шмурло // Россия и Италия : Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией / издание Имп. акад. наук. — СПб., 1907. — С. 15—114.

29. *Эмбер Д.* Венгерский национальный архив / Дьезе Эмбер // Исторический архив. — 1959. — № 1. — С. 182—192.

30. *Ancient Archives and Archival Traditions : Concepts of Record — Keeping in the Ancient World* / Ed. by Maria Brosius. — Oxford [etc.] : Oxford University Press, 2003. — XXI, 362 p. — (Oxford Studies in Ancient Documents).

31. *Archives, Libraries, Museums and Documentation Centres* // Archivum. — 1984. — Vol. 30. — P. 15—65.

32. *Bautier R.-H.* Les archives / Robert-Henri Bautier // L' Histoire et ses methodes: (Encyclopédie de la Pleiade). — Vol. 11. — Paris: Gallimard, 1961. — P. 1120—1166.

33. *Biundo G.* Die pfälzischen Kirchschaffneiarchive / Georg Biundo // Archivalische Zeitschrift. — Folge 3. — Bd 5 (der ganze Reihe Bd 38). — 1929. — S. 23—33.

34. *Brenneke A.* Archivkunde: Ein Beitrag zur Theorie und Geschichte des europäischen Archivwesens / Adolf Brenneke. — Leipzig: Kochler & Amelang, 1953. — XIX, 542 s.

35. *Brulin H.* Das schwedische Archivwesen / Herman Brulin // Archivalische Zeitschrift. — Folge 3. — Bd 5 (der ganze Reihe Bd 38). — 1929. — S. 151—177.

36. *Clanchy M.T.* From Memory to Written Record / Michael T. Clanchy. — Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1979. — XIII, 330 p.

37. Enquête internationale sur l'histoire des archives municipales. — Paris, 1965. — 144 p. — (Archivum. — 1963. — Vol. 13).

38. *Erdmann C.* Vom Archivwesen Portugals / Carl Erdmann // Archivalische Zeitschrift. — Folge 3. — Bd 5 (der ganze Reihe Bd 38). — 1929. — S. 197—217.

39. *Favier J.* Les archives / Jean Favier. — Paris: Presses universitaires de France, 1965. — 126, [1] p. — ("Que sais-je?"; № 805).

40. *Fichtenau H.* Das Urkundenwesen in Österreich vom 8. bis zum frühen 13 Jahrhundert / Heinrich Fichtenau. — Wien [u. a.]: Böhlau Nachf., 1971. — 280 s. — (Mitteilungen des Inst. für österreichische Geschichtsforschung; Ergänzungsbd 23).

41. *Glasschröder F.X.* Über die Schicksale rheinpfälzischer Archive / Franz X. Glasschröder // Archivalische Zeitschrift. — Folge 3. — Bd 5 (der ganze Reihe Bd 38). — 1929. — S. 1—22.

42. *Goldinger W.* Geschichte des Österreichischen Archivwesen / Walter Goldinger. — Wien, 1957. — [VII], 101 s. — (Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchiv; Ergänzungsbd V).

43. *Guyotjeannin O.* Les méthodes de travail des archivistes du roi de France (13e — début 16e siècle) / Olivier Guyotjeannin // Archiv für Diplomatik. — Bd 42. — 1996. — S. 295—373.

44. La législation archivistique. — P. 1—2. — Paris, 1971—1972. — (Archivum; Vol. 17, 19).

45. *Linvald A.* Das Archivwesen Dänemarks / Axel Linvald // Archivalische Zeitschrift. — Folge 3. — Bd 8 (der ganze Reihe Bd 41). — 1932. — S. 238—281.

46. Memory of the World at Risk: Archives Destroyed, Archives Reconstituted / International Council on Archives. — München e. a.: Saur, 1996. — XI, 359 p. — (Archivum; Vol. 42).

47. *Molholm K.N.* Is what's past, prologue? 2003 Miles Conrad Memorial Lecture, February 25, 2003 / Kurt N. Molholm // Information Services & Use. — 2004. — Vol. 24, № 1. — P. 5—18.

48. *Papritz J.* Archive in Alt-Mesopotamien: Theorie und Tatsachen / Johannes Papritz // Archivalische Zeitschrift. — 1959. — Bd 55. — S. 11—50.

49. *Pedersén O.* Archives and Libraries in the City of Assur: A Survey of the Material from the German Excavations. — P. 1–2 / Olof Pedersén. — Uppsala, 1985 — 1986. — (Acta Univ. Upsaliensis, Studia Semitica Upsaliensia; 6, 8).

50. *Posner E.* Archives in the Ancient World / Ernst Posner. — Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1972. — XVIII, 283 p.

51. *Posner E.* Archives in Medieval Islam / Ernst Posner // American Archivist / The Society of American Archivists. — 1972. — Vol. 35, № 3–4. — P. 291–315.

52. *Posner E.* The Athenian Cavalry Archives of the Fourth and Third Centuries B. C. / Ernst Posner // American Archivist. — 1974. — Vol. 37, № 4. — P. 579–582.

53. *Sandri L.* La storia degli archivi / Leopoldo Sandri // Archivum. — 1968. — Vol. 18. — P. 101–113.

54. *Tsien, Tsuen-hsuei.* Written on Bamboo and Silk: the beginnings of Chinese book and inscriptions / Tsuen-hsuei Tsien. — Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1962. — XIV, 233 p.

55. *Wattenbach W.* Ueber Archive, deren Nutzen und Verwaltung / Wilhelm Wattenbach. — Breslau, 1862. — S. 98–111.

56. *Weitemeyer M.* Archive and Library Technique in Ancient Mesopotamia / Mogens Weitemeyer // Libri. — 1996. — Vol. 6, № 3. — P. 217–238; 8 fig. — (Краткое изложение его монографии на англ. яз. — См. № 57 на дат. яз.).

57. *Weitemeyer M.* Babelske og assyriske arkiver og biblioteker / af Mogens Weitemeyer. — København: Branner og Korchs forlag, 1955. — 103, [1] s.: 11 fig. — (Studier fra sprog-og oldtidsforskning; № 227).

Библиотеки

58. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в России. — Ч. 1 / К.И. Абрамов. — М.: Либерия, 2000. — 175 с.

59. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР / К.И. Абрамов. — М.: Книга, 1970. — 456 с.

60. *Беглери Г.П.* Библиотека Византийских императоров в Константинополе / Г.П. Беглери // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. — СПб., 1900. — Т. 10. — С. 598–599.

61. *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии / Сергей Белокуров. — М., 1898. — XVI, 336, DXXVIII.

62. *Бендерский И.Л.* Книжная культура домонгольской Руси и трагедия нашествия / И.Л. Бендерский // Библиотека в контексте истории : материалы 7-й междунар. науч. конф. (М., 3—4 окт. 2007 г.). — М. : Пашков дом, 2007. — С. 8—25.

63. Библиотека в саду: писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве / сост. В.А. Эльвова. — М. : Книга, 1985. — 255 с.

64. Библиотечная энциклопедия / Рос. гос. б-ка. — М. : Пашков дом, 2007. — 1300 с. : ил.

65. *Брабич В.* Библиотеки античного мира / В. Брабич // Библиотекарь. — 1959. — № 5. — С. 59—62.

66. *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в России (XI — начало XX в.) / А.Н. Ванеев. — М. : Пашков дом, 2003. — 304 с. — (Отечественная история библиотечного дела).

67. *Варрон М.Т.* Сельское хозяйство / Марк Теренций Варрон ; пер. с лат., коммент. и вступ. ст. М.Е. Сергеевко. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. — 218 с.

68. *Васильченко В.Е.* Библиотеки на Руси (XI—XIII веков) / В. Васильченко // Библиотекарь. — 1958. — № 4. — С. 56—59.

69. *Васильченко В.Е.* Очерк истории библиотечного дела в России XI—XVIII века / В.Е. Васильченко; Моск. гос. библ. ин-т. — М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1948. — 158 с.

70. *Вехов С.И.* Библиотеки в древнем мире : Очеркъ, сост. к годичному акту имп. Варшавск. ун-та в 1899 г. / проф. С. Вехов. — Варшава, 1899. — 23 с.

71. *Владимиров Л.И.* Всеобщая история книги : Древний мир. Средневековье. Возрождение. XVII век / Л.И. Владимиров. — М. : Книга, 1988. — 310, [2] с.

72. *Володин Б.Ф.* Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. — СПб. : Профессия, 2002. — 352 с.

73. *Глухов А.Г.* Из глубины веков: очерки о древних библиотеках мира / А.Г. Глухов. — М. : Книга, 1971. — 112 с.

74. *Глухов А.Г.* Судьбы древних библиотек / А.Г. Глухов. — М. : Либерия, 1993. — 160 с.

75. *Горфункель А.Х.* Гуманистические источники легенды об «античной» библиотеке московских государей / А.Х. Горфункель // Тр. Отд. древнерус. лит. / РАН, Ин-т рус. лит. — СПб., 1993. — Т. 48. — С. 242—247.

76. *Горячева С.А.* Евсевий и история библиотеки в Кесарии / С.А. Горячева / Библиотекосведение. — 2008. — № 4. — С. 78—83.

77. *Дворкина М.Я.* Библиотечно-информационная деятельность : Теоретические основы и особенности развития в традиционной и электронной среде / М.Я. Дворкина. — М. : Изд-во ФАИР, 2009. — 256 с.

78. *Демидова М.И.* Из истории библиотечного дела в Китае / М.И. Демидова // Сб. метод. статей по библиотекосведению и библиографии / Гос. публ. б-ка. — Л., 1966. — С. 217—233.

79. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. — М. : Мысль, 1979. — 620 с.

80. *Зарубин Н.Н.* Библиотека Ивана Грозного : реконструкция и библиографическое освещение / сост. Н.Н. Зарубин; подгот. к печати, примеч. и доп. А.А. Амосова ; под ред. С.О. Шмидта. — Л. : Наука, 1982. — 159 с.

81. *Каждан А.П.* Книга и писатель в Византии / А.П. Каждан. — М. : Наука, 1973. — 152 с.

82. *Кацпржак Е.И.* История книги / Е.И. Кацпржак. — М. : Книга, 1964. — 422 с.

83. *Киселева Л.И.* О чем рассказывают средневековые рукописи : (рукопис. книга в Западной Европе) / Л.И. Киселева. — Л. : Наука, Ленинград. отд-ние, 1978. — 143 с. — (Сер. «Из истории мировой культуры» / АН СССР).

84. Книга в культуре Возрождения / Рос. акад. наук, Науч. совет по истории мировой культуры, Комис. по культуре Возрождения. — М. : Наука, 2002. — 267, [4] с.

85. *Коган П.С.* Очерки по истории западно-европейского театра / П.С. Коган. — М.: Academia, 1934. — 271 с.

86. *Кормилицын А.И.* Судьбы книг : б-ки вост. рукописей на территории Узбекистана с древнейших времен / М-во по делам культуры Респ. Узбекистан, Ташкент. гос. ин-т культуры ; А.И. Кормилицын. — Ташкент : Фан, 1994. — 166, [2] с.

87. *Коростовцев М.А.* Писцы древнего Египта / М.А. Коростовцев ; АН СССР, Ин-т народов Азии. — М. : Изд-во вост. лит., 1962. — 175 с.

88. *Крушельницкая Е.В.* Книги Соловецкой библиотеки по монастырским описям XVI в. / Е.В. Крушельницкая // Описи Соловецкого монастыря XVI века : Комментированное издание / Рос. акад. наук, СПб. ин-т истории. — СПб. : Дмитрий Булавин, 2003. — С. 285—295.

89. *Кукушкина М.В.* Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. / М.В. Кукушкина / Археографический ежегодник за 1970 г. — М. : Наука, 1971. — С. 357—372.

90. *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера : очерки по истории книжной культуры 16—17 вв. / М.В. Кукушкина. — Л. : Наука, 1977. — 223 с.

91. *Лабынцев Ю.А.* Легенда о кладе Ярославове : Первой русской библиотеке — 950 лет / Ю. Лабынцев // В мире книг. — 1987. — № 6. — С. 12—13.

92. *Леонов В.П.* Судьба библиотеки в России : Роман-исследование. — СПб : БАН, 2001. — 415 с.

93. *Лилов А.И.* Библиотека Соловецкого монастыря / А.И. Лилов // Православный собеседник. — 1859. — № 1, 2 (ч. 1).

94. *Линь Си.* Изучение обслуживания читателей в библиотеках (на опыте СССР и КНР) : Дис. ... канд. пед. наук / Линь Си; ЛГИК им. Крупской. — Л., 1991. — 15 с.

95. *Линь Си.* Библиотеки древнего и средневекового Китая : к изучению типологии этих учреждений и состава их читателей / Линь Си // История библиотек : исследования, материалы, документы / Рос. нац. б-ка. — СПб., 1996. — Вып. 1. — С. 170—195.

96. *Липин Л.* Глиняные книги / Л. Липин, А. Белов, науч. ред. и предисл. акад. В.В. Струве. — Л. : Гос. изд-во дет. лит., 1956. — 350 с.

97. *Лю Го-цзюнь.* Рассказ о китайской книге / Лю Го-цзюнь. — М. : Искусство, 1957. — 91 с., табл.

97а. *Майстрович Т.В.* Библиотеки, архивы, музеи: понятийный ряд / Т.В. Майстрович // Библиотековедение. — 2000. — № 3. — С. 16—22.

98. *Матвеев М.Ю.* Имидж библиотек как социокультурный феномен / М.Ю. Матвеев. — СПб. : Рос. нац. б-ка, 2009. — 442 с. Дис. — 1029 с.

99. *Медведева Е.А.* «Дом жизни» или библиотека в эпоху древних цивилизаций / Е.А. Медведева // Библиотечное дело на пороге XXI века : тез. докл. межд. науч. конф. (М., 16—18 апр. 1998 г.). — М., 1998. — Ч. 2. — С. 163—165.

100. *Немировский А.И.* Библиотеки Древнего Рима / А.И. Немировский // Вопросы истории. — 1991. — № 11. — С. 218—221.

101. *Парвани Д.М.* Библиотечное дело в Республике Афганистан : (история, современное состояние и перспективы развития) : автореф. дис. / Дост Мухаммед Парвани. — Л., 1976. — 20 с.

102. *Платонов В.М.* Средневековые эфиопские библиотеки / В.М. Платонов // Национальная библиография, издательская деятельность и библиотечное дело в странах Азии и Африки / Б-ка РАН. — СПб., 1992. — С. 133—153.

103. *Розов Н.Н.* Библиотека Сильвестра (XVI в.) / Н.Н. Розов // Исследования источников по истории русского языка и письменности. — М. : Наука, 1966. — С. 191—205.

104. *Розов Н.Н.* Из истории Кирилло-Белозерской библиотеки / Н.Н. Розов // Тр. / Гос. публ. б-ка. — Л., 1961. — Т. 9 (12). — С. 177—188.

105. *Розов Н.Н.* Книга в России в XV веке / Н.Н. Розов ; под ред. С.П. Луппова. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. — 153 с.

106. *Розов Н.Н.* Некоторые проблемы изучения истории книги и библиотечного дела в Древней Руси / Н.Н. Розов // Тр. / Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина. — Л., 1962. — Т. X (13). — С. 153—160.

107. *Розов Н.Н.* Русская рукописная книга : этюды и характеристики / Н.Н. Розов ; АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1971. — 123 с.

108. *Розов Н.Н.* Соловецкая библиотека / Н.Н. Розов // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. — М. : Искусство, 1980. — С. 311—338.

109. *Розов Н.Н.* Соловецкая библиотека и ее основатель Досифей / Н.Н. Розов // Тр. Отд. древнерус. лит. / РАН, Ин-т рус. лит. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — Т. 18. — С. 294—304.

110. Русские библиотеки и их читатель : (из истории русской культуры эпохи феодализма) / под ред. акад. Б.Б. Пиотровского и С.П. Луппова. — Л. : Наука, 1983. — 251 с.

111. Сапунов Б.В. Изменение соотношений рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI—XVII вв. / Б.В. Сапунов // Рукописная и печатная книга. — М. : Наука, 1975. — С. 37—50.

112. Сапунов Б.В. Книга в России в XI—XIII вв. / Б.В. Сапунов; под ред. С.П. Луппова. — Л. : Наука, 1978. — 231 с.

113. Свирин А.И. Искусство книги древней Руси : XI—XVII вв. / А.И. Свирин. — М. : Искусство, 1964. — 299 с.

114. Семеновкер Б.А. Библиографическая культура древней Месопотамии / Б.А. Семеновкер // Книга : исслед. и материалы. — Сб. 76. — М. : Терра, 1999. — С. 80—111.

115. Семеновкер Б.А. Библиографические памятники Византии / Б.А. Семеновкер. — М. : Археографический центр, 1995. — 222 с.

116. Семеновкер Б.А. Древнеегипетские библиографические тексты / Б.А. Семеновкер // Восток. — 1994. — № 3. — С. 110—126.

117. Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности / Б.А. Семеновкер. — М. : Пашков дом, 2007—2009.

Бесписьменное общество. — 2007. — 141 с.

Рукописная информация. Ч. 1. — 2009. — 245 с.

118. Слуховский М.И. Библиотечное дело в России до XVIII века : из истории книжного просвещения / М.И. Слуховский. — М. : Книга, 1968. — 231 с.

119. Слуховский М.И. Русская библиотека XVI—XVII вв. / М.И. Слуховский. — М. : Книга, 1973. — 252 с.

120. Солонская Н.Г. Реконструкция фонда библиотеки Ярослава Мудрого / Н.Г. Солонская // Вестн. Библиотечной Ассамблеи Евразии. — 2004. — № 2. — С. 44—47.

121. Стайнова М.П. Османските библиотеки в българските земи XV—XIX век : студии / Михаила П. Стайнова. — София : Народна библиотека «Кирил и Методий», 1982. — 205 с.

122. Степачев Л.М. Библиотека национального памятника Монтекассино / Л.М. Степачев // Библиотека в контексте истории : материалы 6-й междунар. науч. конф. (М., 4—5 окт. 2005 г.). — М. : Пашков дом, 2005. — С. 337—340.

123. *Степачев Л.М.* Публичные библиотеки Италии в контексте истории / Л.М. Степачев // Библиотека в контексте истории : материалы 7-й междунар. науч. конф. (М., 3—4 октября 2007). — М. : Пашков дом, 2007. — С. 164—167.

124. *Страбон.* География в 17 книгах / Страбон. — М. : Ладомир, 1994. — 943 с.

125. *Сулейманов С.И.* Библиотечное дело в Иране : история и современное состояние : дис. / Санкт-Петерб. гос. акад. культуры ; Сулейманов Сафарали Исаевич. — СПб., 1995. — 44 с.

126. *Талалакина О.И.* Исследователи культуры Востока о библиотеках Арабского халифата / О.И. Талалакина // Библиотековедение и библиография за рубежом. — 1976. — Вып. 56. — С. 58—76.

127. *Талалакина О.И.* История библиотечного дела за рубежом / О.И. Талалакина. — М. : Книга, 1982. — 272 с.

128. *Тихомиров М.Н.* О библиотеке московских царей : (легенды и действительность) / акад. М.Н. Тихомиров // Новый мир. — 1960. — № 1. — С. 196—202.

129. *Флуг К.К.* История печатной книги Сунской эпохи X—XIII вв. / К.К. Флуг; АН СССР, Ин-т востоковедения. — М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 398, [1] с.

130. *Фонкич Б.Л.* Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X—XIII вв. / Б.Л. Фонкич // Палестинский сборник. — Л. : Наука, 1967. — Вып. 17 (80). — С. 167—175.

131. *Фунтикова С.П.* Православные библиотеки : прошлое и настоящее : учеб. пособие. — 2-е изд., доп. и перераб. / С.П. Фунтикова. — М. : Изд-во МГУКИ : Профиздат, 2002. — 254 с.

132. *Халидов А.Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / А.Б. Халидов. — М. : Наука, 1985. — 312 с.

133. *Хамави А.Т.* Новое в истории Александрийской библиотеки / Ахмад Талеб Хамави // Библиотечное дело и проблемы информатизации общества : тез. докл. междунар. науч. конф. (М., 27—28 апр. 1999 г.). — М., 1999. — С. 204—205.

134. *Черный А.И.* Александрийский мусейон и его библиотека — восьмое чудо света // Междунар. форум по информатизации. — 2006. — Т. 31, № 3. — С. 3—17.

135. *Шамурин Е.И.* Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации : в 2 т. / Е.И. Шамурин ; Всесоюз.

кн. палата. — М. : Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1955. — Т. 1. — 398 с.

136. *Язбердиев А.* Книжное дело в древней Средней Азии : (до-ислам. период) / А. Язбердиев ; АН Туркмен. ССР, Центр. науч. б-ка. — Ашгабат: Ылым, 1995. — 324 с.

137. *Язбердиев А. Б.* Средневековые библиотеки Куны-Ургенча / А. Б. Язбердиев // Книга : Исслед. и материалы. — 2008. — Сб. 88 / II. — С. 112—142.

138. *Ян Цюн.* Очерки о развитии китайских библиотек / Ян Цюн. — М. : Компания Спутник, 2008. — 129 с.

139. *Achenbach R.* Als man Bücher noch im Garten las / Renate Achenbach // Bibliothek und Philologie: Festschrift für Hans-Jürgen Schubert zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Bernd Lorenz. — Wiesbaden: Harrasowitz Verl., 2005. — S. 1—12.

140. *Agrawal J. N.* Libraries in Ancient India / Jagan Nath Agrawal // Indian Librarian. — 1954. — Vol. 8, № 4. — P. 141—144.

141. *Angelucci A.* Del materiale a degli strumenti per scrivere usati dagli antichi e specialmente dai romani / Alessandro Angelucci. — Milano: Maisner, 1882. — VI, [1], 192 p.

142. *Arnold W.* Bibliotheken im Altertum — Symposium des Wolfenbütteler Arbeitskreises für Bibliotheks-, Buch- und Mediengeschichte, 12. bis 14. November 2007 / Werner Arnold // Bibliothek: Forschung und Praxis. — 2008. — Jg. 32, № 1. — S. 98—100.

143. *Arnold W.* Mittelalterliche Bibliotheksgeschichte in Deutschland / Werner Arnold // Wolfenbütteler Notizen zur Buchgeschichte. — 1984. — Jg. 9, H. 2. — S. 58—76.

144. *Bähr G. Ch. F.* Geschichte der Römischen Literatur. — Bd 1 / Johann Christian Felix Bähr. — Carlsruhe, 1844. — XXV, 521 s. — (Bibliotheken : S. 45—49, 55—58, 67, 70—71).

145. *Baldwin B.* Alexandria, an early national library / B. Baldwin // Australian Library Journal. — 1954. — Vol. 3, № 3. — P. 91—94.

146. *Beddie G. S.* The Ancient classics in the medieval libraries / James Stuart Beddie // Speculum. — 1930. — Vol. 5, № 1. — P. 3—20 (p. 17—20, Appendix "List of library catalogues of the period 1050—1250").

147. *Beddie G. S.* Libraries in the Twelfth Century : their catalogues and contents / James Stuart Beddie // Anniversary Essays in Medieval

History by students of Charles Homer Haskins. — Freeport; N. Y., 1967. — P. 1—23. (Essay Index Reprint Series).

148. *BenAicha H.* Mosques as Libraries in Islamic Civilization 700 — 1400 A. D. / Hedi BenAicha // Journal of Library History. — 1986. — Vol. 21, № 1. — P. 253—260.

149. La bibliothèque / dirigé par Richard Figuiet. — Paris. 1991. — 229 p. — (Serie "Mutations", № 121).

150. Les bibliothèques // L'Histoire et ses methodes: (Encyclopédie de la Pleiade): Vol. 11. — P. 1061—1086.

151. *Blum R.* Die Literaturverzeichnung im Altertum und Mittelalter: Versuch einer Geschichte der Biobibliographie von den Anfängen bis zum Beginn der Neuzeit / Rudolf Blum // Archiv für Geschichte des Buchwesens. — April 1983. — Bd 24, Lfg. 2. — Sp. 1—256.

152. *Bogeng G.A.E.* Die grossen Bibliophilen: Geschichte der Büchersammler und ihrer Sammlungen: Bd 1—3 / Gustav Adolf Erich Bogeng. — Leipzig: E.A. Seemann, 1922.

153. *Bougy A. de.* Histoire de la Bibliothèque Saint-Geneviève... / par Alfred de Bougy. — Paris, 1847. — 427 p.

154. *Bowen J.A.* History of Western Education: Vol. 1—2 / James Bowen. — London: Methuen, 1971—1975.

Vol. 1. The Ancient World: Orient and Mediterranean. — 1971. — XIX, 395 p.

Vol. 2. Civilization of Europe: Sixth to Sixteenth Century. — 1975. — XXII, 504 p.

155. *Brambach W.* Die Päpstlichen Bibliotheken / Wilhelm Brambach // Sammlung Bibliothekswissenschaftlicher Arbeiten. — H. 10. — 1896. — S. 48—57.

156. *Broek R. van den.* Bibliotheken en geleerden in den Oudheid / R. van den Broek. — Utrecht: Universiteitsbibliotheek, 1984. — 31 s.

157. *Bruce L.D.* The Procurator Bibliothecarum at Rome / Lorne D. Bruce // Journal of Library History. — 1983. — Vol. 18, № 2. — P. 143—162.

158. *Bruce L.D.* Roman Libraries: A review bibliography / Lorne Bruce / Libri. — 1985. — Vol. 35, № 2. — P. 89—106.

159. *Brush P.* Alexandrian Library as it once was / Peter Brush // American Libraries. — 2000. — Vol. 31, № 4. — P. 74.

160. *Burkard G.* Bibliotheken im Alten Ägypten / Günter Burkard // Bibliothek : Forschung und Praxis. — 1980. — Jg. 4, № 2. — S. 79—115.

161. *Busch W.* De bibliothecariis Alexandrinis qui feruntur primis: Diss. in — aug... / Scripsit Guilelmus Busch. — Suerini Megalopolitanorum, 1884. — 57 p.

162. *Bushnell G.H.* The World's Earliest Libraries / George Herbert Bushnell. — London : Grafton, 1931. — 58 p.

163. *Buzas L.* Deutsche Bibliotheksgeschichte des Mittelalters / Ladislaus Buzas. — Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1975. — [5], 191 s. — (Elemente des Buch- und Bibliothekswesen; Bd 1).

164. *Carey R.J.* "Bibliothèques": an extract from "Essais sur l'histoire de sciences des belles lettres et des arts" of Félix de Juvénel de Carlenças (1679—1760) / translation and annotations by Richard J. Carey // Journal of Library History. — 1972. — Vol. 7, № 3. — P. 208—250.

165. *Casson L.* Libraries in the Ancient World / Lionel Casson. — New Haven : Yale Nota Bene, 2001. — XII, 177 p.

166. *Caterino A.* Biblioteche e libri / Antonio Caterino. — Napoli : Liguori, 1988. — 273 p.

167. *Chakravorti S.N.* Libraries in Ancient Times with Special Reference to India / S.N. Chakravorti // Indian Librarian. — 1954. — Vol. 9, № 2. — P. 49—57.

168. *Chartier R.* Culture écrite et société : L'ordre des livres (XIVe—XVIIIe siècle) / Roger Chartier. — Paris : Albin Michel, 1996. — 243 p. (Имеется перевод на рус. язык Шартье Р. Письменная культура и общество. — М., 2006).

169. *Chopra H.S.* Libraries and the culture of knowledge : An Indian Retrospective from Ancient to Modern Times / H.S. Chopra. — New Delhi : Kanishka Publishers, 2001. — XIII, 160 p.

170. *Christ K.* Bibliotheksgeschichte des Mittelalters : zur Methode und zur neuesten Literatur / Karl Christ // Zentralblatt für Bibliothekswesen. — 1947. — Jg. 61, H. 1/2 — 5/6. — S. 38—56, 149—166, 233—252.

171. *Christensen H.G.* Bibliotheksbauten und Schreibmaterial bei den alten Arabern und Persern / H.G. Christensen // Zentralbl. für Bibliothekswesen. — 1935. — Jg., H. 6. — S. 213—314.

172. *Clark J.W.* The Care of Books : An Essay on the Development of Libraries and their Fittings from the earliest times to the end of the Eighteenth Century / John Willis Clark. — Cambridge : the University Press, 1909. — XXVI, 352 p.

173. *Csapodi C.* Magyar könyvtártörténet / Csaba Csapodi e. a. — Budapest : Gondolat, 1987. — 542 p.

174. *Csapodi C.* Ungarische Bibliotheksgeschichte : Vom Mittelaltter bis zum Frieden von Szatmár (1711) / Csaba Csapodi // Gutenberg Jahrbuch 1984. — Jg. 59. — S. 332—357.

175. *Dahl S.* Geschichte des Buches / Svend Dahl. — Leipzig : K. W. Hiersemann, 1928. — XVI, 256 s.

176. *Datta B.K.* Library Personnel in Ancient and Medieval India / Bimal Kumar Datta // Indian Librarian. — 1960. — Vol. 15, № 2. — P. 66—67.

177. *Davies D.G.* Christianity and Pagan Libraries in the Later Roman Empire / Donald G. Davies, Jr. // Library History. — 1970. — Vol. 2, № 1. — P. 1—10.

178. *Davies D.W.* Plato's Views on Librarianship / David W. Davies // Of, by, and for Libraries / Selected by J. D. Marshall. — Hamden (Conn.) : The Shoe String Press, 1960. — P. 305—310.

179. *Dunlap L.W.* Readings in library history / Leslie W. Dunlap. — N. Y. : Bowker, 1972. — XIV, 137 p.

180. *Dziatzko K.* Die Bibliotheksanlage von Pergamon / Karl Dziatzko // Sammlung Bibliothekswissenschaftlicher Arbeiten. — H. 10. — 1896. — S. 38—47.

181. *Edwards E.* Libraries and founders of libraries / Edward Edwards. — London : Trübner, 1865. — XIX, 507 p.

182. *Elayyan R.M.* The History of the Arabic — Islamic Libraries : 7th to 14th centuries / Ribhi Mustafa Elayyan // International Library Review. — 1990. — Vol. 22, № 2. — P. 119—135.

183. *Encyclopedie of library history* / Ed. By Wayne A. Wiegand a. Donald G. Davis. — N. Y., London : Garland, 1994. — XXXI, 707 p. — (Garland ref. library of social science ; Vol. 503).

184. *The English Library before 1700 : studies in its history* / ed. by Francis Wormold a. C. E. Wright. — London : Univ. of London — The Athlone Press, 1958. — XI, 273 p.

185. *Erünsal I.E.* Catalogues and Cataloguing in the Ottoman Libraries / Ismail E. Erünsal // *Libri*. — 1987. — Vol. 37, № 4. — P. 333—349.

186. *Erünsal I.E.* Ottoman Libraries: A brief survey of their development and system of lending / Ismail E. Erünsal // *Libri*. — 1984. — Vol. 34, № 1. — P. 65—76.

187. *Erünsal I.E.* Services Offered by the Ottoman Libraries : 1400—1839 / Ismail E. Erünsal // *Libri*. — 1993. — Vol. 43, № 1. — P. 1—18.

188. *Escolar H.* Historia de las bibliotecas / Hipólito Escolar. — Madrid, 1990. — 566 p.

189. *Fehrle R.* Das Bibliothekswesen im alten Rom : Voraussetzungen, Bedingungen, Anfängen / Rudolf Fehrle. — Wiesbaden : Reichert, 1986. — IX, 149 s.

190. *Franklin A.* Les anciennes bibliothèques de Paris : Eglises, monastères, collèges, séminaires, institutions, fondations, hôpitaux des origines au Moyen âge jusqu'au XIX siècle. — T. 1—3 / Alfred Franklin. — Amsterdam : Gérard van den Heusden, 1968.

191. *Frattorolo R.* Lineamenti di storia del libro et biblioteconomia / Renzo Frattorolo. — Roma : Elia, 1984. — 292 p.

192. *Garbelli F.* De biblioteche in Italia all'epoca romana : con un' app. sulle antiche biblioteche di Ninive ed Alessandria. — Milano, Hoepli, 1894. — VI, 232 p.

193. *Gardthausen V.* Die Alexandrinische Bibliothek : ihr Vorbild, Katalog und Betrieb / Victor Gardthausen. — Leipzig : Deutsches Museum für Buch und Schrift, 1922. — 34 s.

194. *Gardthausen V.* Handbuch der wissenschaftlichen Bibliotheks. — Bd 1-2 / Victor Gardthausen. — Leipzig : Quelle & Meyer, 1920.

195. Geschichte der Bibliothek von St. Gallen seit ihrer Gründung um das Jahr 830 bis auf 1841 / Aus den Quellen bearbeitet auf die tausendjährige Jubelfeier von Bibliothekar [Fr.] Weidmann. — St. Gallen, 1842. — IV, 493 s.

196. Geschichte der Textüberlieferung der antiken und mittelalterlichen literatur. Bd 1. Antikes und mittelalterliches Buch- und Schriftwesen / Herbert Hunger u. a. — Zürich : Atlantis Verlag, 1961. — 623 s.

197. *Ghanem I.E.* Zur Bibliotheksgeschichte von Damaskus 549—922 / 1154—1516 / Inaug. Diss. ... vorgelegt von Imad E. Ghanem. — Bonn, 1960. — 250 s.

198. *Giesecke M.* Die Entdeckung der kommunikativen Welt : Studien zur kulturvergleichenden Mediengeschichte / Michael Giesecke. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2007. — 534 s.

199. *Gomoll H.* Suetons bibliotheksgeschichtliche Nachrichten / H. Gomoll // Zentralblatt für Bibliothekswesen. — 1935. — Jg. 52, H. 8. — S. 381—388.

200. *Górecki D.M.* Books, Production of Books and Reading in Byzantium / Danuta Maria Górecki // Libri. — 1984. — Vol. 34, № 2. — P. 113—129.

201. *Gottlieb Th.* Ueber mittelalterliche Bibliotheken / Theodor Gottlieb. — Leipzig : Harrasowitz, 1890. — XI, 520 s.

202. *Graberg M.L. von.* Neueste deutsche Forschung zur Geschichte der Bibliotheken Alexandria's (1955—1971) / Maria-Luise von Graberg // Libri. — 1974. — Vol. 24, № 4. — P. 277—301.

203. *Green A.H.* The History of Libraries in Arab World : a diffusionist model / Arnold H. Green // Libraries & Culture. — 1988. — Vol. 23, № 4. — P. 454—471.

204. Handbuch der Bibliothekswissenschaft. — Bd 3. — 2. Aufl. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1953. — Jg. 1—6.

205. *Hanson C.A.* Were there Libraries in Roman Spain / Carl A. Hanson // Libraries & Culture. — 1989. — Vol. 24, № 2. — P. 198—216.

206. *Hessel A.* Geschichte der Bibliotheken : Ein Überblick von ihnen Anfängen bis zur Gegenwart / Alfred Hessel. — Göttingen : Pellens, 1925. — 147 s.

207. Histoire des bibliothèques françaises. — 1. Les bibliothèques médiévales : Du VIe siècle à 1530 / Sous la direction d' André Vernet. — S. 1. : Promodis, 1989. — XXIV, 463 p.

208. *Holmes A.* The Alexandrian Library / Anne Holmes // Libri. — 1980. — Vol. 30, № 4. — P. 285—294.

209. International Dictionary of Library Histories / ed. David H. Stam. — Chicago ; London : Fitzroy Dearborn Publishers, 2001. — Vol. 1—2.

Vol. 1. Introductory Surveys. Libraries : Ambrosiana Library to National Library of Brazil. — XXX, 490 p.

Vol. 2. National Library of Canada to Zürich Central Library. — XVI, 491. — 1053 p.

210. *Irwin R.* Age of Miracles : The religious element in the growth of libraries : studies in the history of libraries — I / Raymond Irwin // The Library Association Record. — 1954. — Vol. 56, № 2. — P. 39—43.

211. *Irwin R.* Callimachus : studies in the history of libraries — IX / Raymond Irwin // The Library Association Record. — 1956. — Vol. 58, № 5. — P. 168—173.

212. *Irwin R.* Cassiodorus Senator / Raymond Irwin // The Library Association Record. — 1960. — Vol. 62, № 4. — P. 111—116.

213. *Irwin R.* Colonnade and Cloister : studies in the history of libraries — II / Raymond Irwin // The Library Association Record. — 1954. — Vol. 56, № 4. — P. 117—121.

214. *Irwin R.* The English Domestic Library : studies in the history of libraries — III / Raymond Irwin // The Library Association Record. — 1954. — Vol. 56, № 6. — P. 195—199.

215. *Irwin R.* The English library : Sources and history / Raymond Irwin. — London : Allen E Unwin, 1966. — 312 p.

216. *Irwin R.* The Golden Chain : a study in the history of libraries / Raymond Irwin. — London, 1958. — 20 p. — (An Inaugural Lecture Delivered at University College London 21 November 1957).

217. *Irwin R.* In Roman Britain : studies in the history of libraries — VI / Raymond Irwin // The library Association Record. — 1955. — Vol. 57, № 3. — P. 90—97.

218. *Irwin R.* In Saxon England : studies in the history of libraries — VII / Raymond Irwin // The Library Association Record. — 1955. — Vol. 57, № 8. — P. 290—296.

219. *Irwin R.* Seneca : studies in the history of libraries — X / Raymond Irwin // The Library Association Record. — 1956. — Vol. 58, № 11. — P. 413—419.

220. *Jackson S.L.* Libraries and Librarianship in the West : a brief history / Sidney L. Jackson. — N. Y. : Mc Graw-Hill, 1974. — XIV, 489 p.

221. *Jackson S.L.* Twelfth Century in the West, its Libraries, and Hugh of St. Victor's Classification of Knowledge / Sidney L. Jackson // Journal of Library History. — 1967. — Vol. 2, № 3. — P. 185—200.

222. *Jast L.S.* Oldest libraries // Jast L.S. Library and the community / L. Stanley Jast. — London : Nelson, 1939. — P. 13—24.

223. *Jochum U.* Kleine Bibliotheksgeschichte / Uwe Jochum. — Stuttgart: Reclam, 1993. — 232 s. — (2. Aufl. — 1999).
224. *Johnson E.D.* Communication : a concise introd. to the hist. of the alphabet, writing, printing, books and libraries / Elmer D. Johnson. — New Brunswick : Scarecrow Press, 1955. — 211 p.
225. *Johnson E.D.* A History of Libraries in the Western World / Elmer D. Johnson. — New York a. London : The Scarecrow Press, 1965. — III, 419 p.
226. *Jones L.W.* Scriptorium at Corbie : I. The Library / Leslie Webber Jones // *Speculum*. — 1947. — Vol. 22, № 2. — P. 191—204.
227. *Kapp Fr.* Geschichte des Deutschen Buchhandels bis in das siebzehnte Jahrhundert / Friedrich Kapp. — Leipzig : Verlag des Börsenvereins der Deutschen Buchhändler, 1886. — XXIII, 880, 12 s. — (Geschichte des Deutschen Buchhandels ; Bd 1).
228. *Kaschins E.* Saint Jerome, the Patron Saint of Librarians / Elizabeth Kaschins, Jane Kemp // *Library Journal*. — 1988. — Vol. 113, № 14. — P. 135—136.
229. *Kaser D.* National Libraries — Evolution of a concept / David Kaser ; Intern. Conf. on nat. libr. towards the 21st cent., Apr. 20—24, 1993. — Taipei : Nat. centr. libr., [1993]. — 15 p.
230. *Kelly J.N.D.* The Oxford Dictionary of Popes / J.N.D. Kelly. — Oxford : Oxford University Press, 1986. — XIV, 347 p.
231. *Kenyon F.G.* Books and Readers in Ancient Greece and Rome. — 2nd ed. / Frederick G. Kenyon. — Oxford : Clarendon Press, 1951. — 136 p.
232. *Ker N.R.* Book, Collectors and Libraries : studies in the medieval heritage / Neil Ripley Ker ; ed. by Andrew G. Watson. — London : The Hambledon Press, 1985. — XIV, 528 p.
233. *Kleberg T.* Book Auctions in Ancient Rome? / Tönnes Kleberg // *Libri*. — 1973. — Vol. 23, № 1. — P. 1—5.
234. *Kyle J.D.* The Monastery Library of St. Emmeram (Regensburg) / Joseph D. Kyle // *Journal of Library History*. — 1980. — Vol. 15, № 1. — P. 1—21.
235. *Landheer B.* Social Functions of Libraries / B. Landheer. — N. Y. : Scarecrow, 1957. — 287 p.
236. *Lehmann E.* Die Bibliotheksräume der deutschen Klöster im Mittelalter / Edgar Lehmann. — Berlin : Akademie-Verlag, 1957. — 50 s.; 20 Taf. — (Schriften zur Kunstgeschichte; H. 2).

237. *Lelewel J.* Dzieje bibliotek do Dziennika warszawskiego / napisal Joachim Lelewel. — Warszawa, 1827. — 254 s.

238. *Levey M.* Mediaeval Arabic Bookbinding and ist Relation to Early Chemistry and Pharmacology / Martin Leley. — Philadelphia, 1962. — 79 p. — (Transactions of the American Philosophical Society : new ser; Vol. 52, pt. 4, 1962).

239. Libraries of the Arabs // *Wilson Library Bulletin*. — 1960. — Vol. 34, № 9. — P. 671.

240. The Library of Alexandria : centre of learning in the ancient world / ed. by Roy Macleod. — [Repr.]. — London ; New York : Tauris, 2005. — XII, 196 p.

241. *Lim Huck-tee B.A.* Books and Libraries in Malaya before the coming of the West / B.A. Lim Huck-tee // *Libr. Assoc. Record*. — 1964. — Vol. 66, № 6. — P. 241—247.

242. *Löffler K.* Kölnische Bibliotheksgeschichte im Umriss / Klemes Löffler. — Köln : Rheinland-Verlag, 1923. — [2], 86 s.

243. *Mackensen R.S.* Arabic Books and Libraries in the Umayyad Period / Ruth Stellhorn Mackensen // *American Journal of Semitic Languages and Literatures*. — 1937. — Vol. 53, № 4. — P. 238 — 250; Vol. 54, № 1/4. — P. 41—61.

244. *Mackensen R.S.* The background of the history of Moslem libraries / Ruth Stellhorn Mackensen // *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*. — 1935. — Vol. 51, № 2. — P. 114—125; Vol. 52, № 1. — P. 22 — 33; 1936. — Vol. 52, № 2. — P. 104—110.

245. *Mackensen R.S.* Four Great Libraries of Medieval Baghdad / Ruth Stellhorn Mackensen // *The Library Quarterly*. — 1932. — Vol. 2, № 3. — P. 279—299.

246. *Mackensen R.S.* Moslem libraries and sectarian propaganda / Ruth Stellhorn Mackensen // *The American Journal of Semitic Languages and Literatures*. — 1935. — Vol. 51, № 2. — P. 83—113.

247. *Maderus J.J.* De bibliotecis atque archivis virorum clarissimorum / Joachimus Joannes Maderus. — Helmstadii, 1702 — 1703. — 2 v. in 1. — 649 p.

248. Medieval libraries of Great Britain : a list of surviving books / ed. by N.R. Ker. — 2nd ed. — London, 1964. — XXXII, 424 p. — (Royal historical soc. Guides and handbooks ; № 3).

249. *Medieval Scribes, Manuscripts and Libraries : Essays presented to N.R. Ker / ed. by M.B. Parkes a. Andrew G. Watson. — London : Scholar Press, 1978. — XV, 395 p.*

250. *Mehl E. Deutsche Bibliotheksgeschichte / Ernst Mehl, Kurt Hannemann. — Berlin : Erich Schmidt Verlag, 1956. — 110 s.*

251. *Merlet S.R. Islamic Libraries in the Middle East / Shukrich R. Merlet // Libri. — 1989. — Vol. 39, № 2. — P. 127—140.*

252. *Merryweather F.S. Bibliomania in the Middle Ages : or Sketches of Bookworms, Collectors, Bible Students, Scribes and Illuminators from Anglo-Saxon and Norman Periods to the Introduction of Printing into England / Frederick Somner Merryweather. — London : The Woodstock Press, 1933. — 288 p.*

253. *Migoń K. Biblioteki w Europie były zawsze / Krzysztof Migoń // Bibliotekarz. — 2004. — № 7—8. — S. 2—5.*

254. *Milkau F. Geschichte der Bibliotheken im alten Orient / Fritz Milkau ; aus dem Nachlaß hrsg. v. Bruno Meissner. — Leipzig : Otto Harrassowitz, 1935. — [1], 58 s.*

255. *Millares Carlo A. Introducción a la historia del libro y de las bibliotecas // Agustín Millares Carlo. — México : Fondo de cultura económica, 1981. — 399 p.*

256. *Mookerjee S.K. Development of Libraries and Library Science in India / Suboth Kumar Mookerjee. — Calcutta : World Press, 1969. — IX, 534 p.*

257. *Nichols Ch.L. The Library of Rameses the Great / Charles L. Nichols. — Berkley (Ca.) : Peacock press, 1964. — 43 p.*

258. *Norris D.M. A History of Cataloguing and Cataloguing Methods 1100 — 1850 with an Introductory Survey of Ancient Times / Dorothy May Norris. — London : Grafton, 1939. — IX, 246 p.*

259. *O'Neill T.P. Libraries in Ireland : an historical outline / Thomas P. O'Neill, Desmond J. Clarke // Library Association Record. — 1956. — Vol. 58, № 2. — P. 47—57.*

260. *Ouy G. Les bibliothèques / Gilbert Ouy // L' Histoire et ses methods : (Encyclopédie de la Pleiades). — Vol. 11. — Paris: Gallimard, 1961. — P. 1061—1108.*

261. *Parsons E.A. The Alexandrian Library : Glory of the Hellenistic World / Edward Alexander Parsons. — London : Cleaver-Hume Press, 1952. — XIII, 468 p.*

262. *Petit-Radel L.-Ch.-F.* Recherches sur les bibliothèques anciennes et modernes, jusqu'à la fondation de la bibliothèque Mazarine, et sur les causes qui ont favorisé l'accroissement successif du nombre des livres / Louis-Charles — François Petit-Radel. — Paris, 1819. — VII, 448 p.

263. *Pinner H.L.* The World of Books in Classical Antiquity / H.L. Pinner. — Leiden : F.W. Sijthoff, 1948. — 64 p.

264. *Pinto O.* Le biblioteche degli Arabi nell'età degli Abbassidi / Olga Pinto // *Bibliofilia*. — 1928. — An. 30, Disp. 3—5 (Marzo-Maggio). — P. 139—165.

265. *Piyadasa T.G.* Libraries in Sri Lanka : Their origin and history from ancient times to the present time / T.G. Piyadasa. — Delhi; 1985. — 112 p.; 5 il.

266. *Platthy J.* Sources on the earliest Greek libraries with the testimonia / Jenő Platthy. — Amsterdam : Adolf M. Hakkert, 1968. — XIII, 203 p.

267. *Poulain M.* Alexandrie / Martain Poulain // *Bulletin des bibliothèques de France*. — 1993. — T. 38, № 5. — P. 80—82.

268. Le pouvoir des bibliothèques : la mémoire des livres en Occident / Sous la direction de Marc Baratin et Christian Jacob. — Paris : Albin Michel, 1996. — 358 p.

269. *Raabe P.* Library History and the History of Books : two fields of research for librarians / Paul Raabe // *J. of libr. history*. — 1984. — Vol. 19, № 2. — P. 282—297.

270. *Reynolds L.D.* Scribes and Scholars : a guide to the transmission of Greek and Latin literature / L.D. Reynolds and N.G. Wilson. — Oxford : Oxford Univ. Press, 1968. — VIII, 185 p.; 16 plates.

271. *Richardson E.C.* The Beginnings of Libraries / Ernest Cushing Richardson. — London : Archon press, 1963. — IX, 176 p.

272. *Richardson E.C.* Biblical Libraries : A sketch of library history from 3400 B. C. to A. D. 150 // Ernest Cushing Richardson. — London : Archon books, 1963. — XVI, 252 p.

273. *Rider A.D.* A Story of Books and Libraries / Alice Damon Rider. — Metuchen (N. J.) : Scarecrow Press, 1976. — X, 173 p.

274. *Ritschl Fr.* Die Alexandrinischen Bibliotheken unter den ersten Ptolemäern und die Sammlung der Homerischen Gedichte durch

Pisistratus, nach Anleitung eines Plantinischen Scholions / von Dr. Friedrich Ritschl. — Breslau : Adlerholz, 1838. — X, 147 s.

275. *Robie B.A.* Brief Lives of Eminent Librarians : Callimachus (of Cyrene), ca. 310-ca. 240 B.C. / B.A. Robie // Journal of Library History. — 1973. — Vol. 8, № 3. — P. 166.

276. *Savage E.A.* Old English Libraries : The Making, Collection, and Use of Books during the Middle Ages / Ernest A. Savage. — New York ; London : Methuen, 1970. — XV, 298 p. — (Reprinted [from] 1911).

277. *Savage E.A.* The Story of Libraries and Book-Collecting / Ernest A. Savage. — New York : Burt Franklin, 1969. — VII, 230 p. (Reprinted [from] 1909).

278. *Schmitz W.* Deutsche Bibliotheksgeschichte / Wolfgang Schmitz. — Bern [etc.] : Lang, cop. 1984. — 257 s. — (Germanistische Lehrbuchsammlung ; Bd 52).

279. *Schreiber H.* Quellen und Beobachtungen zur mittelalterlichen Katalogisierungspraxis / Heinrich Schreiber // Zentralblatt für Bibliothekswesen. — 1927. — Jg. 44, Januar-Februar, März. — S. 1—19, 97—118.

280. *Schwarz J.* La fin du Sérapeum d'Alexandria / J. Schwarz // Essays in Honor of C.B. Welles. — New Haven, 1966.

281. *Scrivner B.* Carolingian Monastic Library Catalogs and Medieval Classification of Knowledge / Buford Scrivner // Journal of Library History. — 1980. — Vol. 15, № 4. — P. 427—444.

282. *Sengupta B.* Japanese Libraries : Their history and growth / B. Sengupta // Indian Librarian. — 1965. — Vol. 20, № 3. — P. 129—131.

283. *Serrai A.* Storia della biblioteca come evoluzione d'un'idea a d'un sistema. I / Alfredo Serrai // Accademie e biblioteche d'Italia. — 1973. — Anno 41, № 3. — P. 153—163.

284. *Shubert S.B.* The Oriental Origins of the Alexandrian Library / Steven Blake Shubert / Libri. — 1993. — Vol. 43, № 2. — P. 142—172.

285. *Sibai M.M.* Mosque Libraries : An historical study / Mohammed Makki Sibai. — London and New York : Mansell, 1987. — X, 174 p.

286. *Siewart P.* Geschichte Alexandrias und seiner antiken Bibliothek / Peter Siewart // Biblos. — 1990. — Jg. 39, № 4. — S. 274—277.

287. *Sperry J.A.* Egyptian Libraries : a survey of the evidence / John A. Sperry // *Libri*. — 1957. — Vol. 7, № 2—3. — P. 145—155.
288. *Staikos K. Sp.* The Great Libraries : From Antiquity to the Renaissance (3000 B. C. to A. D. 1600) / Konstantinos Sp. Staikos ; pref. by Hélène Ahrweiler. — New Castle (Del.) : Oak Knoll press ; London : the British Library, 2000. — XVI, 563 p.
289. *Stevens N.D.* The History of Information / Norman D. Stevens // *Advances in Librarianship*. — 1984. — Vol. 14. — P. 1—48.
290. *Streeter B.H.* The Chained Library : a survey of four centuries in the evolution of the English library / Burnett Hillman Streeter. — London: Mac-Millan, 1931. — 368 p.
291. *Strout R.F.* Development of the Catalog and Cataloging Codes / Ruth French Strout // *The Library Quarterly*. — 1956. — Vol. 26, № 4. — P. 254—275.
292. *Tai T.C.* A brief sketch of Chinese libraries / Tse-Chien Tai // *Library Journal*. — 1919. — Vol. 44, № 7. — P. 423—429.
293. *Tanner Th.M.* A History of Early Christian Libraries from Jesus to Jerome / Thomas M. Tanner // *Journal of Library History*. — 1979. — Vol. 14, № 4. — P. 407—435.
294. *Thompson J.W.* Ancient Libraries / James Westfall Thompson. — Berkley (Calif.) : Univ. of Calif. press, 1940. — 120 p.
295. *Thompson J.* A history of the principles of librarianship / James Thompson. — London : Clive Bingley, [1977]. — 236 p.
296. *Thompson J.W.* The Medieval Library / James Westfall Thompson. — New York : Hafner, 1957. — VIII, 702 p.
297. *Thornton J.L.* Chronology of Librarianship : An introd. to the history of libraries and book collecting / John L. Thornton ; with an introd. by Ernest A. Savage. — London : Grafton, 1941. — XI, 254 p.
298. *Tønsberg J.* Offentlige biblioteker i Romerriget : I det 2. århundrede E. Chr. / Jeppe Tønsberg. — København : Danmarks Biblioteksskole, 1976. — 151 s.
299. *Unterkircher F.* Die älteren Bibliotheken Österreichs / Franz Unterkircher // *Die Bibliotheken Österreichs in Vergangenheit und Gegenwart*. — Wiesbaden : Reichert Verlag, 1980. — S. 1—83. — (Elemente des Buch-und Bibliothekswesen ; Bd 7).
300. *Vleeschauwer H.J.* Archives et bibliothèques / Hermann Jean de Vleeschauwer. — Pretoria, 1955. — 29 l. — (Mousaion).

301. *Vleeschauwer H.J. de.* Les bibliothèques ptoléméennes d'Alexandrie / Hermann Jean de Vleeschauwer. — Pretoria, 1955. — 40 l. — (Mousaion ; 1).

302. *Vleeschauwer H.J. de.* Encyclopedia of Library History : [pt. 1—2]. — Pretoria, 1955. — 95 l. — (Mousaion ; 2—3).

303. *Vleeschauwer H.J. de.* Encyclopédie et Bibliothèque : [pt. 1—2]. — Pretoria, 1956. — 93 p. — (Mousaion ; 10—11).

304. *Vleeschauwer H.J. de.* History of the Western Library. The Byzantine Library to Justinian : [pt. 1—5]. — Pretoria, 1963—1964. — 220 p.

305. *Vleeschauwer H.J. de.* Jules César et l'Origine de la Bibliothèque publique dans la Rome antique. — Pretoria, 1958. — 70 l. — (Mousaion ; 28).

306. *Vleeschauwer H.J. de.* Library history in library science : [pt. 1—2]. — Pretoria, 1958—1959. — 87 l. — (Mousaion ; 29—30).

307. *Volodin B.F.* History of Librarianship, Library History or Information History : a view from Russia / B.F. Volodin // The Library Quarterly. — 2000. — Vol. 70, № 4. — P. 446—467.

308. *Vorstius J.* Grundzüge der Bibliotheksgeschichte / Joris Vorstius, Siegfried Joost. — 8e Aufl. — Wiesbaden : Harrasowitz, 1980. — XII, 163 s.

309. *Walde O.* Histoire des Bibliothèques Suédoises / O. Walde. — Paris : "Les belles lettres", 1949. — 199 p.

310. *Weimann K.-H.* Bibliotheksgeschichte : Lehrbuch zur Entwicklung und Topographie des Bibliothekswesens / Karl-Heinz Weimann. — München : Verlag Dokumentation, 1975. — 254 s.

311. *Welch Th. F.* Toshokan libraries in Japanese Society / Theodore F. Welch. — London : Bingley, 1976. — X, 306 p.

312. *Wellisch H.H.* Ebla : the world's oldest library // Journal of Library History. — 1981. — Vol. 16, № 3. — P. 488—500.

313. *Wendel C.* Die griechisch-römische Buchbeschreibung verglichen mit der des Vorderen Orients / Carl Wendel. — Halle (Saale) : Max Niemeyer, 1949. — VIII, 149 s. — (Hallische Monographien ; Nr. 3).

314. *White D.A.* Origins of Greek Librarianship : a philosophical exploration / David A. White // Journal of Library History. — 1978. — Vol. 13, № 4. — P. 371—387.

315. *Wilson N.G.* The Libraries of the Byzantine World / N. G. Wilson // Greek, Roman and Byzantine Studies. — 1967. — № 8.

316. *Winkelman J.H.* The Imperial Library in Southern Sung China, 1127—1279 : A Study of the Organization and Operation of the Scholarly Agencies of the Central Government / John H. Winkelman. — Philadelphia, 1974. — P. 5—39. — (Transactions of the American Philosophical Society: new ser.; Vol. 64, pt. 8).

317. *Wong W.S.* Development of Archives and Libraries in China : An historical account / William Sheh Wong // Libri. — 1976. — Vol. 26, № 2. — P. 140—155.

318. *Wyss W. von.* Die Bibliotheken des Altertums und ihre Aufgabe / von Wilhelm v. Wyss. — Zürich, 1923. — 34 s.

Музеи

319. *Грицкевич В.П.* История музейного дела до конца XVIII века : в 2 ч. / В.П. Грицкевич ; С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. — СПб., 2001. — 409 с.

320. *Кампанелла.* Город Солнца / Кампанелла. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954. — 228 с.

321. *Поршнев В.П.* Музей в культурном наследии античности / В.П. Поршнев. — СПб. : Санкт-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2006. — 264 с. : 26 ил.

322. *Binni L.* Museo : Storia e funzioni di una macchina culturale dal 1500 a oggi / Lanfranco Binni, Giovanni Pinna. — Milano : Garzanti, 1980. — 275 p.

323. The Origins of Museums : The Cabinet of Curiosities in Sixteenth and Seventeenth Century Europe / Ed. by Oliver Impey and Arthur MacGregor. — Repr. — Oxford : Clarendon Press, 1986. — XIII, 335 p.

324. *Pradel P.* Les musées / Pierre Pradel // L' Histoire et ses methodes : (Encyclopédie de la Pleiades). — Vol. 11. — Paris : Gallimard, 1961. — P. 1024—1060.

325. *Sachs H.* Sammler und Mäzene : Zur Entwicklung des Kunstsammelns von der Antike bis zur Gegenwart / Hannelore Sachs. — Leipzig : Koehler & Amelang, 1971. — 198 s.

326. *Schaer R.* L' invention des musées / Roland Schaer. — [Paris] : Gallimard, 1993. — 144 p.

327. *Schlosser J. von.* Die Kunst und Wunderkammern der Spätrenaissance / Julius von Schlosser. — Leipzig: Klinkhardt und Biermann, 1908. — (Monographien des Kunstgewerbes ; XI).

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

АРХИВЫ

Глава 1 . Прошлые архивов	10
<i>История архивов</i>	10
<i>Понятие «архив»</i>	11
<i>Наименования архивов</i>	12
<i>Возникновение архивов и архивной деятельности</i>	14
<i>Виды архивов</i>	18
Глава 2. Светские архивы	20
<i>Архивы правителей</i>	20
<i>Государственные архивы</i>	25
<i>Ведомственные архивы</i>	27
<i>Архивы провинций</i>	30
<i>Городские и сельские архивы</i>	32
<i>Специализированные архивы</i>	34
<i>Частные архивы</i>	35
<i>Псевдоархивы</i>	39
Глава 3. Архивы храмов, церковных институтов и деятелей	40
<i>Храмы древнего мира</i>	40
<i>Церкви, соборы и монастыри</i>	43
<i>Архивы глав церквей и отдельных иерархов</i>	45
Глава 4. Фонды архивов	47
<i>Состав архивов</i>	47

Хранение архивов	55
Использование архивов	59
Сохранение и гибель архивов	66
Глава 5. Размещение архивов. Помещения и здания.	
Оборудование	66
Размещение архива в нескольких местах (децентрализация хранения)	66
Места хранения архивов	68
Помещения и здания архивов	70
Оборудование архивов	72
Глава 6. Персонал архивов и документы по	
их организации	73
Персонал архивов	73
Правила, инструкции и пособия по организации архивов	81
БИБЛИОТЕКИ	
Глава 1. Прошлые библиотек	84
История библиотек	84
Возникновение библиотек	86
Определения и обозначения библиотек	92
Глава 2. Виды библиотек. Библиотеки правителей.	
Государственные и частные библиотеки	95
Виды библиотек	95
Библиотеки правителей	96
Государственные библиотеки	107
Частные библиотеки	108
Глава 3. Публичные и учебные библиотеки	120
Публичные библиотеки	121
Учебные библиотеки	125
Глава 4. Библиотеки религиозных институтов	132
Библиотеки храмов (церквей, соборов)	132
Библиотеки монастырей	137
Библиотеки церковных иерархов	152

Глава 5. Пополнение (комплектование), размеры	
и содержание фондов	153
<i>Пополнение (комплектование) фондов</i>	154
<i>Размеры фондов</i>	178
<i>Содержание фонда</i>	183
Глава 6. Хранение фондов	195
<i>Расположение фондов</i>	195
<i>Шифровка фондов</i>	200
<i>Ярлыки (этикетки)</i>	201
<i>Обозначения принадлежности книги</i>	
<i>библиотеке</i>	202
<i>Положение книг</i>	204
Глава 7. Сохранение фондов. Описи (инвентари).	
Гибель библиотек	205
Сохранение фондов	205
Описи (инвентари)	209
Гибель библиотек	211
Глава 8. Использование библиотек. Обслуживание.	
Классификации и каталоги	214
<i>Пользователи и их обслуживание</i>	214
Каталоги	238
Глава 9. Помещения и оборудование библиотек	246
<i>Помещения и здания</i>	247
Оборудование	255
Глава 10. Персонал библиотеки. Законы, правила,	
научные и методические работы	258
Персонал	258
Законы, правила, научные и методические	
работы	270

МУЗЕИ

Глава 1. Музеи: названия, возникновение, виды	
и цели	274
Названия музеев	274

<i>Возникновение музеев</i>	276
<i>Виды музеев</i>	282
<i>Цели музеев</i>	284
Глава 2. Музейное дело	286
<i>Собирание коллекций</i>	286
<i>Содержание коллекций</i>	288
<i>Инвентари и каталоги</i>	295
<i>Публичность</i>	297
<i>Размещение</i>	300
Список литературы	304

Научное издание

Семеновкер Борис Арьевич

**ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Рукописная информация. Часть 2

Директор издательства *И. И. Шестопалов*

Заведующая редакцией *И. П. Донскова*

Художник *В. В. Покатов*

Редактор *Л. А. Опарина*

Технический редактор *Н. В. Соловьева*

Компьютерная верстка *Н. И. Павловой*

Корректор *А. Н. Макаров*

Подписано в печать 09.03.2011.
Гарнитура «Newton». Бумага офсетная
Печать офсетная. Формат 60×90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 15. Усл. печ. л. 21
Изд. № I-8-2011. Тираж 500 экз. Заказ № 68.

ФГБУ «Российская государственная библиотека»,
издательство «Пашков дом»
119019, Москва, Воздвиженка, 3/5
Тел./факс: (495) 695-59-53
E-mail: pashkov_dom@rsl.ru

Семеновкер Б.А. Эволюция мифо:

100 руб.

4.2

ISBN 978-5-7510-0504-7

9 785751 005047